

ИЛЪЯС НИЗАМУТДИНОВ

ИЗ ИСТОРИИ
СРЕДНЕАЗИАТСКО-
ИНДИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

ИЛЪЯС НИЗАМУТДИНОВ

ИЗ ИСТОРИИ
СРЕДНЕАЗИАТСКО-
ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

(IX—XVIII вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „УЗБЕКИСТАН“

Ташкент — 1969

Предлагаемая читателю книга посвящена одной из малоизученных в советской историографии проблеме — истории политических, научных и культурных отношений между народами Средней Азии и Индии, начиная с раннего средневековья — IX—XVIII вв.

Автор проделал огромную работу, введя в научный оборот свыше 20 документов, которые переведены им с персидского на русский язык и представляют большую ценность.

Каждое исследование, посвященное истории дружественных отношений народов Советского Союза с народами соседних зарубежных стран, приобретает не только научную значимость, но и политическую актуальность. Несомненно, выход в свет данной книги будет положительно встречен нашей научной общественностью — историками, востоковедами, правоведами, преподавателями и студентами исторических факультетов вузов, всеми, кто интересуется историей нашей Родины.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Экономические и культурные связи народов Средней Азии и Индии имеют свою давнюю историю. В древнейшем сборнике буддийских времен «Джатаки» (III—II вв. до н. э.) отмечается, что купеческие караваны из Индии нередко направлялись на север, в Среднюю Азию, выгодное географическое положение которой на пути из Индии и Китая к римлянам, грекам и другим европейским народам сделало ее важным посредником в торговле между Востоком и Западом. Но Средняя Азия не ограничилась ролью посредника, она сама вела постоянную оживленную торговлю с Индией.

«Страбон рассказывает нам, что река Окс (Амударья — И. Н.) в Средней Азии служила звеном важной цепи, по которой индийские товары доставлялись через Каспийское и Черное моря в Европу, в III в. до н. э. это был оживленный путь. В то время Средняя Азия была богата и плодородна...»¹ Многие археологические раскопки позволяют утверждать, что в период Кушанского царства (I—IV вв.) и при эфталитах (V—VI вв.) и в мусульманский период своей истории Средняя Азия находилась в тесной экономической и культурной связи с Индией.

Рассказывая в вводной главе настоящей работы о научно-культурном сотрудничестве народов Средней Азии и Индии в период IX—XVI вв., мы имели в виду

---

¹ Дж. Неру. Открытие Индии. Перевод с английского. М., Изд-во иностр. л-ры, 1955, стр. 127.

наличие богатейшего фактического материала, в основном на персидско-таджикском языке, который до сих пор никем не обработан и не обобщен. Основную же часть монографии составляет исследование экономических, политических и культурных связей Средней Азии с Индией в период XVI—XVIII вв. Это не случайно: XVI—XVIII вв. ознаменовались созданием крупных государств как на территории Средней Азии (Бухарское ханство), так и в Индии (Могольская империя), а взаимоотношения между этими странами были весьма оживленными и плодотворными.

Со второй половины XVIII в., в особенности в конце этого столетия, в связи с колониальным захватом индийских земель Британией, самое крупное государство в Индии—Могольская империя—перестает быть самостоятельным и колониальное положение Индии, продолжавшееся в течение более двух столетий, парализовало сношения индийских государств с внешним миром, в особенности со Средней Азией, которая после присоединения к России стала неотъемлемой ее частью.

Внешняя политика Советского Союза провозглашает мир и дружбу со всеми народами земного шара. Поэтому каждое исследование, посвященное истории дружественных отношений народов Советского Союза с народами соседних зарубежных стран, приобретает не только научную ценность, но и политическую актуальность.

Автор приносит свою глубокую признательность старшим научным сотрудникам Института востоковедения АН УзССР А. Мурадову, А. Джуванмардиеву и А. Насырову, которые оказали ему существенную помощь при сборе материалов, а также в чтении и разборе сложных и запутанных выражений на староперсидском языке.

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИНДИИ В IX—XV вв.

СОТРУДНИЧЕСТВО СРЕДНЕАЗИАТСКИХ И ИНДИЙСКИХ УЧЕНЫХ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В огромные достижения сегодняшних дней в области науки и культуры заложен тысячелетний труд человеческого разума. В историю человечества золотыми буквами вписаны имена наших предков — среднеазиатских ученых раннего средневековья, которые в содружестве с учеными многих стран, в первую очередь с индийскими учеными, внесли замечательный вклад в развитие науки.

Средняя Азия в течение почти двух столетий (VIII—конец X вв.) входила в состав арабского халифата — огромного государства, простиравшегося от центральных районов Африки до Индии, включая ее область Синд.

В период правления Аббасидов, особенно Харун ар-Рашида (786—809) и его второго сына Мамуна (813—833), столица империи Багдад и город Дамаск становятся крупными культурными и научными центрами. В Багдаде создается «Бейтул-хикмат» (Дом мудрости), где работала целая плеяда ученых, вышедших из среды различных народов — арабов, среднеазиатцев, иранцев и т. д., которые писали свои научные труды на арабском языке. (И поэтому культуру периода халифата правомерно называть арабоязычной культурой).

Мухаммад бин Фазари, Абдулло бин Мукаффа, Джабраил бин Наджатшию, Мухаммад бин Муса Хорезми, Хасан бин Мисбех, Абдул Аббас Фергани, Фазл бин Хатам Нейризи, Ахмад Марвези, Фараби, Ахмад бин Мухаммад Сугани — таков отнюдь не полный перечень среднеазиатских ученых, имена которых прославились в раннем средневековье.

Среди научной общественности ученые из Средней Азии пользовались популярностью и большим авторитетом, и не случайно поэтому основные научные учреждения и культурные центры находились под их руководством. Так, например, Муса Хорезми заведовал библиотекой «Дома мудрости»; Фергани руководил строительством обсерваторий в Багдаде и Дамаске.

Многие среднеазитские ученые посвятили свои исследования важнейшим проблемам науки и современности, их труды являлись как бы ответом на целый ряд вопросов, продиктованных хозяйственно-культурной жизнью страны и народа. «Я взял на себя смелость составить «Краткий трактат по расчету восстановления и противоположения», — писал Хорезми в предисловии к этому труду, — так как люди испытывают необходимость в такой книге при разделе наследства и составлении завещания. . . при торговых сделках и во всех делах, касающихся измерения земли, проведения каналов и искусства счета»¹.

Знаменитый ученый Фергани, известный в Европе под именем «Альфраганус», в капитальном труде «Книга, состоящая из тридцати глав» (Китоб-ал-фусул-ас-салагин), излагает основы астрономических знаний. Этот труд еще в XII в. был переведен на латинский язык, а позже на другие европейские языки².

Ахмад бин Мухаммад Сугани, уроженец Самарканда, долго работал в багдадской обсерватории. Он изобрел множество новых инструментов по астролябии, прославился как «Уструлябий» (изобретатель инструментов по астролябии).

Фараби (873—950) был крупным философом, поэтом и музыкантом своей эпохи, много путешествовал по городам халифата. Его перу принадлежит «Трактат о человеческом организме» (Рисолат фи аъзоил инсон), он составил научные комментарии на знаменитую «Метафизику» Аристотеля, и поэтому Фараби называют на Востоке «вторым учителем».

---

¹ М. Салье. Мухаммад аль-Хорезми—великий узбекский ученый, Ташкент, изд-во АН УзССР, 1954, стр. 15.

² А. Ирисов, А. Насиров, И. Низомиддинов. Урта оснелик қирқ олим (Сорок ученых Средней Азии), Ташкент, 1961, стр. 14-15.

Наряду с учеными из Средней Азии в развитии науки и культуры в халифате значительную роль сыграли индийские ученые. В древности и раннем средневековье индийцы достигали значительных успехов в науке и искусстве. Арабский путешественник Аль-Джахиз (ум. в 868 г.) по этому поводу писал: «Что касается индийцев, то мы обнаружили, что они преуспели в астрономии и арифметике и что у них есть, в частности, индийское письмо.

Индийцы преуспели и в медицине, овладели тайнами врачебного искусства, в особенности в лечении отвратительных болезней...»¹.

«В VIII веке, в царствование халифа аль-Мансура (753—774), в Багдад отправился ряд индийских ученых, и среди книг, которые они повезли с собой, были труды по математике и астрономии...

Арабы называли цифровые обозначения «цифрами Хинда» (Индии), а число называется по-арабски «хан-даса», т. е. «из Хинда»...

...Во время болезни Харун ар-Рашида из Индии был выписан врач по имени Манак. Манак обосновался в Багдаде и был поставлен во главе большой больницы. Арабские писатели приводят имена еще шести других индийских врачей, кроме Манака, живших в то время в Багдаде»².

Для того чтобы более основательно ознакомиться с научными и культурными достижениями индийцев в период правления Аббасидских халифов, особенно Мамуна, произведения многих индийских ученых переводились на арабский язык. Переводы выполнялись с древнеиндийского языка — санскрит на арабский через персидский язык. По данным арабских авторов Али бин Юсуф Кифти и Джурджи Зейдана, в период правления Мамуна были переведены труды древнеиндийских медиков и астрономов — Канки, Синджихала, Манака и других³. Из произведений Канки было переведено на арабский язык шесть книг, среди которых важной с точки зрения науч-

¹ Абу Райхан Бируни, «Индия», Избран. произв., т. II, Предисловие стр. 9, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963.

² Дж. Неру. Открытие Индии... стр. 229, 243.

³ Здесь нужно учесть, что индийские имена не всегда правильно передаются в арабской литературе.

ного значения, является «Книга по медицине» (Китоби фи-т-тиб)¹.

Синджихал — автор около десяти медицинских трудов, из которых на арабский язык переведены две его книги: «Китоби шаракаль-хинди» (О книге Чараки) и «Китоби Сусарт» (О книге Сусарта)². Вторая книга из десяти глав посвящена диагностике и способам лечения болезней.

Из произведений древнеиндийского медика и астронома Манака, пользовавшегося популярностью не только в Индии, но и за ее пределами, были переведены на арабский язык: «Книга о ядах» («Китоби-с-сумум»), «Книга о ветеринарии» (Китоб-ал-байтара), «Книга по астрономии» (Китоб-ал-нужум), «Книга о редких драгоценностях» (Китоби мунтахаб-ал-жавхар).

Кроме медицинских и книг по астрономии, в этот период были переведены около двадцати книг художественно-литературного характера, среди которых имеются знаменитые и широко распространенные по всем странам Востока собрания дидактических рассказов «Калила и Димна», а также «Синдабад-намэ».

В переводе произведений древнеиндийских ученых на персидский и арабский языки активное участие принимали и индийские ученые, приглашенные в Багдад. В работе Джурджи Зейдана приводятся имена индийских ученых Манака, Базикара, Килирфала, Синдбаза, Салиха бин Бехлат-ал-Хинди, которые были приглашены в Багдад для научно-исследовательской работы и сотрудничества с арабоязычными учеными³. Так, например, ученый Манак хорошо владел персидским языком, и перевод персидского варианта упомянутого выше трактата Манака «Книга о ядах» принадлежит ему. Кроме этой книги, Манак перевел еще три произведения по медицине.

Опытный врач Салих бин Бехлат занимался практическим лечением больных и обучал арабских и

---

¹ Али ибн Юсуф Кифти, Тарих-аль-хукумо (История ученых), перевод с арабского яз. на узб. М. Ходжаева, рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 9552, стр. 138. Журжи Зайдон. Маданият Исломия тарихи, перев. с араб. яз. на турецкий, Стамбул, 1329 г. х., том III, стр. 268.

² Чарак и Сусарт — имена древнеиндийских ученых-медиков.

³ Джурджи Зейдан, указ. произв., стр. 317.

арабоязычных ученых-медиков индийскому способу лечения.

Знакомство с индийской наукой, можно сказать, явилось той основой, на которую опирались ученые периода раннего средневековья. К числу тех, которые черпали знания из индийской науки для развития астрономии и математики, относятся прославленные ученые Мухаммад бин Ибрахим Фазари, Хабаб бин Абдулла Багдади, Мухаммад бин Муса Хорезми, Хасан бин Мисбех. Среди этих ученых Хорезми занимает особое место. Именно ему принадлежит пальма первенства распространения достижений индийской точной и прикладной науки в странах Востока. Индийское астрономическое учение, которое в арабской литературе известно под названием «Синдхинд»¹, благодаря редакции Хорезми («Малый Синдхинд») становится более понятной и широко известной. Используя данные из «Синдхинда», Хорезми написал в 20-х годах IX в. свою «Зидж» — астрономическую таблицу, которая дошла до нас в латинском переводе 1126 г. и которая в течение столетий являлась руководством для астрономов стран Востока, а позже и Запада.

Имя Хорезми увековечилось благодаря его следующим двум произведениям: «Книга счета индийскими цифрами» и «Краткий трактат по расчету восстановления и противоположения» (Альмухтасар-фи-ль-джабр-валь-мукабала). Первое его исследование дошло до нас в его латинском переводе XII века („Algorithmi de numero Indorum“). Благодаря трудам этого среднеазиатского ученого, впервые ученые мира познакомились с индийской десятичной системой счета и с индийскими цифрами.

Второй труд Хорезми также посвящен молодой для своего времени отрасли науки — алгебре (слово «алгеб-

---

1. «Синдхинд» — искаженная форма от индийского «синдханта» — трактат по астрономии. Впервые «Синдхинд» был переведен на арабский язык и переработан Фазари. По «Синдхинду» законы движения звезд выводились на основании искусственной циклической теории, по которой солнце, луна и звезды в момент сотворения мира стояли на одном и том же градусе долготы и периодически, через миллионы лет, вновь оказывались относительно друг к другу в том же положении. Метод этот оставался в употреблении вплоть до XI в.

ра» происходит от «аль-джабр», в его искаженной форме). Правда, как полагал советский востоковед И. Ю. Крачковский, алгебра, как часть математики, родилась еще до Хорезми, но «великая заслуга (Хорезми — И. Н.) состоит в создании в нужный момент труда, который «стандартизировал» алгебру и стал классическим, распространив свое влияние на много веков»¹. Хорезми впервые применил при решении алгебраических задач методы тригонометрии.

Таким образом, на развитие астрономии, математики и медицины в халифате (в VIII—IX вв.) большое влияние оказала индийская наука и участие индийцев в научно-исследовательской работе. И если учесть то положение, что ученые из Средней Азии занимали одно из первых мест в культурной жизни халифата, то становится ясным, что Багдад и Дамаск в VIII—в начале IX вв. были местом, где происходило научно-культурное сотрудничество среднеазиатских и индийских ученых.

С начала IX в. Арабский халифат начинает распадаться; возвышение в Мавераннахре и Хорасане династии саманидов и тагиридов означало окончательное отпадение этих частей халифата от состава империи.

Саманидское государство почти столетие господствовало в Мавераннахре. В этот период Бухара становится крупным культурным центром. Здесь живут и творят выдающиеся поэты и мыслители — Абдулхасан Рудаки, Абдулмансур Дакики, Абдулкасым Фирдоуси, знаменитые ученые Абдулмансур (Камарий), Абу Али Ибн Сина и другие. Долгая и упорная борьба между саманидами и возвышавшейся новой династией караханидов ослабила позиции саманидов, и в 999 г. Бухару захватывают караханиды. Борьба между саманидами и караханидами не затронула Хорезм, и в Хорезме происходил экономический и культурный подъем.

Бухарские и хорезмские ученые IX—XI вв., так же как и их предки Хорезми и Фергани, достойно оценив достижения индийских ученых, старались глубоко изучить и рационально использовать их в своих научных трудах. В этом отношении примерными являлись два с

---

¹ И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. IV, М., 1957, стр. 92.

мировым именем ученых — Ибн Сина (Авиценна) и Бируни.

Правда, Ибн Сина никогда не был в Индии, и ему не пришлось встречаться где-либо с индийскими учеными, но он при создании своих трудов по медицине, особенно капитального исследования «Канон врачебной науки», широко пользовался индийскими трактатами по медицине и, в первую очередь, книгой выдающегося древнеиндийского врача Чараки, которая была переведена на персидский и с персидского на арабский язык в VIII в.¹

Ибн Сина в своем «Каноне», рекомендуя лекарства, предназначенные для лечения той или иной болезни, рассказывает о родине многих лекарственных растений, в том числе и о выращиваемых в Индии и привозимых оттуда в Среднюю Азию. (Так, например, ушна-лишайники, уд-дерево алоэ, кирдамана — дикий тмин, тамир хинди — тамаринд, джавзхинди — кокосовый орех и др.).

В свою очередь, медицинские трактаты Ибн Сины служили ценным источником для исследований следующих поколений медиков, в том числе для индийских.

В научно-культурном сотрудничестве среднеазиатских и индийских ученых велика роль хорезмийца Бируни. Само имя «Бируни» и его жизнь стали олицетворением среднеазиатско-индийского содружества.

Абу Рейхан Бируни (973—1048) родился и получил образование в Хорезме. Когда в 995 г. ургенчский эмир Мамун ибн Махмуд одержал победу в борьбе с представителем местной династии хорезмшахов Абу Абдулло Мухаммедом, Бируни, поскольку он был связан с свергнутой династией, вынужден был уехать из Хорезма и поступил на службу к правителю Джурджана (бассейн реки Гурген). В это время Бируни уже был оформившимся ученым, он занимался астрономией и геодезией. В 1000 г., находясь далеко от родины, Бируни в Джурджане написал свое первое крупное произведение «Памятники минувших поколений». В этом труде Бируни дает сведения о лунном календаре индийцев, о том, что согласно индийским астрономическим таблицам (зиджам «Синдхинд»), день второго равнодействия является началом года и отмечается как праздник. Но в это время знакомство Бируни с индийской наукой ограничивалось

¹ Indian medicine, by Dr. Julius Jolly, Poona, 1951, p. V.

данными, имеющимися на арабском языке. «Памятники минувших поколений», в основном, являются историческим трудом. В нем рассматривается генеалогия и хронология иранских и других династий.

После долгих странствований на чужбине, наконец, в 1010 г., по приглашению последнего представителя династии мамунидов — Мамуна ибн Мамуна (999—1017), великий ученый возвращается на родину.

В новой столице — Ургенче, Бируни выполняет обязанности главного советчика и дипломатического деятеля при дворе хорезмшаха и руководит «Ургенчской академией». В «Ургенчской академии», кроме Бируни, работали знаменитые ученые той эпохи, такие как Ибн Сина, Абу Сахл ал Масихий, Абу Хайр Хаммар, Абу Наср ибн А'рак, крупный поэт Абу Мансур ас Саалабий и многие другие¹. Бируни после приезда в Хорезм усиленно занимается астрономией, собирает ценные материалы для будущих своих научных трудов. Однако завоевательная политика Махмуда Газневи нарушает мирную жизнь в Хорезме, расторгает намеченные большие планы членов «Ургенчской академии».

С захватом Хорезма (в 1017 г.) Махмудом Газневи многие ученые Хорезма, и в том числе Бируни, в качестве пленников уводятся в столицу государства — Газну. Ни положение пленника, ни подозрительное отношение Махмуда и ежедневные преследования, ничто не мешало великому хорезмийцу заниматься наукой. Как писал один из его современников: «Его рука почти никогда не расставалась с пером, его глаза — с наблюдением и его ум — с размышлением, за исключением двух праздничных дней в году»².

Перу Бируни принадлежат капитальные труды «Индия» (1030), «Канон Масуди» (1035), «Минералогия» (1048), «Фармокогнозия» и многие другие. Бируни написал более 114 работ, из которых до нас дошли только 27³.

Содержание основных дошедших до нас трудов Бируни показывает, что Индия, ее история, достижения ин-

¹ М. А. Салье. *Абу Райхон Беруний* Ташкент, 1960, стр. 37.

² *Абу Рейхан Бируни*. «Индия», Избранные произведения, т. II, Ташкент изд. АН УзССР, 1963, стр. 19.

³ *Al-Biruni*. Commemoration volume, Calcutta, 1951, p. XVI.

дийской науки и культуры были одним из главных объектов исследований великого ученого. Возможно, что, как в свое время для Ибн Сины служил ключом комментарий Фараби к «Метафизике» Аристотеля в его понимании греческой философии, «Малый Синдхинд» Хорезми явился для молодого Бируни побудителем к изучению этого ценного источника в его оригинале и вообще знакомству сначала с индийской наукой и культурой, а потом с самой Индией, которая для многих в то время оставалась замкнутой и таинственной. Отсюда можно предполагать, что Индия привлекла внимание ученого еще в бытность его в Хорезме. Для доказательства такого предположения можно привести следующее:

а) как пишет автор XIV в. Низами Арузи Самарканди, Махмуд Газневи, услышав, что «в собрании хорезмшаха есть несколько ученых мужей, коим нет равных...», отправил к хорезмшаху своего посла Хусайн ибн Микала с требованием прислать этих ученых в Газну. И когда хорезмшах, однажды, собрав ученых, известил их о содержании письма Махмуда, «Абу Али (Ибн Сина — *И. Н.*) и Абу Сахл сказали: «Мы не поедem». Но Абу Наср, Абу Хайр и Абу Рейхан пожелали...»¹ Если некоторые из ученых поехали в Газну по настоянию самого Мамуна, который боялся гнева Махмуда, то Бируни, зная, что ему суждено покинуть свою родину, стремился и этот случай использовать ради науки, ради достижения своей заветной мечты, для того, чтобы основательно и всесторонне изучить Индию;

б) в своей «Индии» Бируни пишет о том, что однажды он застал своего устаза (учителя) Абу Сахла бранящим автора книги о мутализитах (религиозной секте мусульман — *И. Н.*) за его стремление исказить слова мутализитов. Тогда Бируни сообщил ему, что многие авторы книг заблуждают читателей ошибочными сведениями, так часто бывает с людьми, которые пишут об индийцах. «Когда учитель — да поддержит его Аллах! — перечитал впоследствии те (об индийцах — *И. Н.*) книги и нашел, что дело в них обстоит, как описано выше, он стал по-

---

¹ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы. перев. с персидск. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной, М., 1963, стр. 113.

буждать меня написать книгу о том, что я узнал от самих индийцев, чтобы она стала помощью для тех, кто хочет оспаривать их (учения) и сокровищницей для тех, кто стремится общаться с ними. Согласно его просьбе я выполнил это дело»¹.

Таким образом, Бируни мечтал основательно изучить Индию, побывать в этой «загадочной» стране. Мечта его сбылась.

Изучение индийской науки и культуры Бируни начал с переводов книг по астрономии, математике с санскрита на арабский язык. Он перевел в частности «Санкхья» Капилы, книгу «Патанжала», книги по астрономии Брахмагупты — «Брахмасиддханта», «Паулиса сиддханта», «Брихатсамхита» и «Лагхуджатакам» Варахамихиры. Он собирался заново перевести «Панчатантру» («Калила и Димну»), считая существующий на арабском языке перевод неудовлетворительным. В эпоху, когда жил Бируни, при господствующей идее ортодоксального ислама, нелегко было осуществить перевод с чужого для мусульманина языка и верования книги; таких людей жестоко осуждали за их «посяпки». И поэтому Бируни, жалуясь на свое время, писал: «Тот, кто правильно понимает положение дела, не осудит меня за то, что я непрестанно тружусь над переводами с языка индийцев сходного (с представлениями мусульман) и противоположного и принимаю на себя бремя страданий в этом деле. А тот, кто судит об этом превратно, сочтет меня неразумным и труды мои припишет своеволию».

Характерно, что Бируни перевел несколько книг с арабского на санскрит, причем старался, как это практикуется у индийцев, сложить эти переводы в стихах. Он перевел «Начало» Эвклида, «Альмагеста» Птолемея и собственный трактат об изготовлении астролябии.

Оценивая переводческую деятельность Бируни, особенно его усердие в переводе книг с арабского на язык санскрита, проф. Калькуттского университета Санити Кумар Чаттерджи пишет: «С внешней стороны не особенно значительным, но, на самом деле, весьма важным кажется то, что Ал Бируни является в роли переводчика на санскрит, как любящий Индию и индийскую культуру, и

---

¹ Бируни. Избран. произв., т. II, стр. 60.

в то же время это (и есть) практическая поддержка принципа самоопределения народов»¹.

Насколько хорошо владел Бируни языком санскрита, свидетельствует и тот факт, что в одной его «Индии» встречается более двух тысяч пятисот санскритских терминов в арабской транскрипции².

Начав изучение индийской науки с перевода, Бируни одновременно приступает, используя данные из индийских книг и анализируя их, к написанию своих оригинальных трудов, что явилось подготовительным этапом к созданию капитального исследования «Индия». Вот несколько трудов Бируни, посвященных индийской науке (в русском переводе): трактат о «Синдхинде» под названием «Свод существующих мнений индийцев по астрономическим вычислениям», «Представление о двух затмениях у индийцев», «Трактат по арифметике и счету с цифрами Синда и Хинда», «Об индийском методе в изучении арифметики», «Трактат об определении текущего момента времени у индийцев», «Ответы на десять вопросов кашмирцев», «Трактат о том, что мнения арабов в отношении разрядов счета правильнее мнений индийцев» и т. д.³.

После такой подготовительной работы, проверив свои силы и способности, Бируни приступает к написанию «Индии». Тематика «Индии» шире и разнообразнее, этот гениальный труд содержит в себе сведения об индийской кастовой системе, философии, точных науках индийцев, их религии и суевериях, законах и обычаях, о их историко-религиозных преданиях, системе мер и весов, о разнообразных образцах индийской письменности, а также общий обзор физической географии Индии. Как указывает И. Ю. Крачковский, «система изложения всех глав приблизительно одинакова; в каждой после общих замечаний ал Бируни приводит в точной передаче извлечения из большого количества индийских авторов и рассматривает вопросы, которые они трактуют путем сопоставления с теориями мусульман, древних греков, иранцев, сопровождая все это собственными оригинальными

---

¹ *Suniti Kumar Chatterji*. Al-Biruni and Sanskrit; "Al-Biruni", p. XIX.

² Там же, стр. XIX.

³ *Бируни*, «Индия», стр. 21—22.

соображениями. Богатство такого свода, конечно, ни с чем не сравнимо»¹.

«Наша страна может гордиться именем Бируни,— пишет советский ученый С. П. Толстов,— открывшим Индию в XI в. всему миру (да и самим современным индийцам), как именем другого основоположника нашего отечественного индоведения — Афанасия Никитина, открывшего Индию для европейцев за 30 лет до Васко да Гама...»

«Индия» Бируни и заслуги его в изучении Индии, высоко оценены современными индийскими учеными и общественными деятелями. «Пожалуй, ни один из средневековых и новейших авторов не добился таких успехов в понимании запутанных проблем индийской цивилизации,— пишет Хамид Раза в книге «Культурная роль Индии» (Лахор, 1944),— как бессмертный Абу Рейхан Мухаммад ал Бируни, чья «Индия» остается классическим образцом выражения данн автора древнейшей культуре и науке».

Джавахарлал Неру, оценивая научную деятельность Бируни и ее значение для взаимопонимания народов, писал:

«...Он рассказывает о крупных оросительных сооружениях в государстве Чола на юге, хотя сомнительно, был ли он в Южной Индии и видел ли он эти сооружения лично. В Кашмире он овладел санскритским языком и изучал религию, философию, науку и искусство Индии. Ранее он изучил греческий язык, чтобы ознакомиться с греческой философией. Его книги не только содержат много фактических сведений; они рассказывают также о том, как, несмотря на войны, грабежи и массовые избиения, люди науки упорно продолжали свою работу и как народ одной страны старался понять народ другой страны даже в то время, когда страсти и злоба омрачали их отношения...»².

«Индия» Бируни по своему содержанию и глубине является большим вкладом автора в дальнейшее развитие науки и культуры народов Индии.

Как выражение большого и глубокого уважения к великому хорезмийцу, в Индии за годы независимости

¹ И. Ю. Крачковский. Избранные произведения, т. IV, стр. 259.

² Дж. Неру. «Открытие Индии», стр. 246—247.

переиздавались его труды. В честь тысячелетнего юбилея Бируни индийскими учеными в содружестве с учеными Ирана и европейских стран подготовлен сборник статей, посвященных жизни и творчеству юбиляра. Имя Бируни одинаково дорого и в Средней Азии, и в Индии. С именем двух хорезмийцев—Мусы Хорезми и Бируни—связано великое содружество среднеазиатских и индийских ученых.

ВКЛАД СРЕДНЕАЗИАТСКИХ УЧЕНЫХ И ПОЭТОВ В РАЗВИТИЕ ИНДИЙСКОЙ НАУКИ И ЛИТЕРАТУРЫ В XIII—XV вв.

Накануне монгольского нашествия на Среднюю Азию, под властью хорезмшаха находилась огромная территория, включавшая в себя, кроме Хорезма, весь Мавераннахр, Иран (до границ Ирака) и большую часть территории современного Афганистана. Не прекращалась борьба хорезмшахов с княжеством Гур за овладение Газной и землями, ее окружавшими. Таким образом, государство хорезмшахов к началу XIII столетия граничило на западе с территорией так называемого Багдадского халифата, а с востока вплотную подходило к границам Индии.

Один из представителей гуриев Гиясаддин Мухаммад Гури в 1173 г. завладел Газной, а его брат Муизиддин Мухаммад Гури—Лахором (в 1186 г.). Таким образом, в состав государства гуриев включается Мултан, Уч, Сивистан (Сахвана) на северо-западе, Сарсути (Сарасвати) и Саманана на севере, двуречье Ганга и Джамны, земли между Гангом и Гогрой, Канаудж, Ауд, Лакхнаути — на востоке¹.

После убийства (в 1206 г.) Муизиддина Мухаммада Гури его наместник в Лахоре Кутбуддин Айбек объявил себя султаном всех земель гуриев и в качестве своей столицы избрал г. Дели, и потому государство Кутбуддина получило название «Делийский султанат».

Вскоре Кутбуддин скончался, упав с коня во время игры в поло (1210 г.), и власть перешла в руки раба Кутбуддина Шамсуддина Илтутмышы (1211—1236).

---

¹ К. З. Ашрафян, Делийский султанат, М., изд-во восточной литературы, 1960, стр. 40.

Делийский султанат являлся первым в истории Индии государством феодалов-мусульман и в течение XIII—XIV вв. оставался самым крупным на территории Индии. Верхушку султаната составляли главным образом пришлые элементы — выходцы из Средней Азии и Хорасана. В этом отношении характерен жизненный путь самого султана Шамсуддина Илтутмышы. Будучи родом из Бухары, тюрк, он юношей был похищен и продан в рабство, в течение нескольких лет переменил многих хозяев и, наконец, попал в Газну. Услышав о силе и красоте молодого человека, правитель Газны — Муизиддин Гури — решил приобрести его. Хозяин Шамсуддина не захотел продать его одного, а потребовал ту же цену и за другого своего раба. Муизиддин предложил за Шамсуддина тысячу динаров — сумму огромную по тому времени, но хозяин не согласился. Тогда правитель Газны распорядился, чтобы никто не смел покупать невольников у этого работорговца. Последний был вынужден увезти свой «товар» в Бухару и лишь через три года опять привез его в Газну. В Газне в это время находился один из военачальников Муизиддина — Кутбуддин, который, услышав молву о Шамсуддине, попросил у своего господина разрешения купить этого раба и получил его, так как предстоял гуджаратский поход, который должен был возглавить Кутбуддин.

Кутбуддин относился к Шамсуддину как к сыну: сначала он назначил его амиром шикара (охоты), а позднее, когда был завоеван Гвалиор, поставил правителем этого края. После смерти Кутбуддина «правители областей и эмиры, согласившись между собой, посадили Шамсуддина на делийский престол»¹.

После нашествия монголов на Среднюю Азию и Иран, количество эмигрантов из этих стран в Индию увеличилось. Как сообщает Ибн-Батута, при правлении Мухаммада Туглака (1325—1351) в Индию прибыло одиннадцать знатных лиц, военных и невоенных чинов, и все они явились «со своими челядинцами, слугами и приспешниками»².

---

¹ Мухаммад бин Бихамудхан, Тарихи Мухаммади, Институт востоковедения АН УзССР (ИВАН), рукопись (р) 82, лист (л) 124а, б.

² К. З. Ашрафян, Делийский султанат..., стр. 70.

Опираясь на данные историков эпохи делийского султаната, советский историк К. З. Ашрафян подчеркивает, что «наиболее многочисленной и влиятельной этнической группой среди пришлых феодалов были тюрки из различных племен Туркестана и Мавераннахра». Историк Джузджани в своем «Табакати Насири» сообщает, что из 25 маликов Шамсуддина Илтутмыша более половины были среднеазиатскими тюрками¹.

Таким образом, как видно из приведенных примеров, представители народов Средней Азии вместе с хорасанцами и афганцами играли известную роль в политической жизни Индии, под эгидой религиозных убеждений произошло объединение тюркских, афганских и частично таджикских народностей, что, в конечном итоге, привело к образованию крупного государства в Индии — Делийского султаната.

Нашествие монгольских орд поистине явилось катастрофой для Хорезма и его растущей культуры. Многие города и культурные центры Хорезма и Мавераннахра, славившиеся в течение многих веков, были разрушены и растоптаны. По сообщениям хронистов, в густонаселенном ранее Самарканде после захвата его монголами осталась всего четвертая часть населения².

Нашествие монголов на Среднюю Азию, сопровождавшееся массовыми убийствами, неопикуемыми разрушениями, вынудило покинуть свою родину не только аристократию, но некоторых представителей науки и культуры. Можно сказать, что почти все беженцы избрали своим приютом территорию Индии, и это понятно, ибо, как мы говорили выше, там образовалось крупное мусульманское государство — Делийский султанат, в котором военно-политическая власть принадлежала верхушке, близкой по языку и обычаям беженцам тюркских и таджикских народностей.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в течение многих веков Средняя Азия и Индия поддерживали тесные экономические и, особенно, культурные связи. Следуя примеру двух великих хорезмийцев — Хорезми и Бируни, ученые Мавераннахра все время сотрудничали с индийскими учеными, ревнители науки и

---

¹ К. З. Ашрафян, Дейлийский султанат..., стр. 70.

² В. В. Бартольд, соч., т. 1, М., изд-во восточной литературы, 1963, стр. 481.

искусства совершали длительные путешествия по зарубежным странам, в особенности по Индии. «Внешний мир,— говорит академик В. В. Бартольд,— уже не мог быть для мусульман целью военных предприятий, но мусульманские торговцы и культурные деятели без всякой правительственной поддержки проникали гораздо дальше, чем могли бы проникнуть мусульманские военные отряды!»

Бегство из Средней Азии в Индию продолжалось более ста лет, и только начиная с правления Кебекхана в Средней Азии (1318—1326), когда монголы почти полностью ассимилировались с местным населением и ханы из монгольских династий и аристократия не стали больше помехой для развития науки и местных традиций, среднеазиатские города снова возродились и постепенно превращались в культурные центры, был положен конец групповому уходу представителей науки и культуры из Средней Азии.

Таким образом, в годы страданий и бедствий народов Средней Азии Индия приютила часть среднеазиатских и иранских беженцев, среди которых было не мало ученых, которые внесли большой вклад в развитие науки и культуры в Индии.

Одним из таких ученых был Мухаммад Ауфи. Более или менее подробные сведения о его жизненном пути и научной деятельности даются в предисловии, написанном Мухаммадом бин Абдалом Вахабом Казвини к произведению Мухаммада Ауфи «Лубаб-ал-албаб» («Сердце вина умов»)². Кроме этого, отдельные дополнительные данные можно извлечь из самого произведения.

Нуриддин Мухаммад ибн Мухаммад ибн Ях'я Ауфи Бухари родился в 1172 г. в Бухаре и умер в 1233 г. в Дели. Первым о нем упоминает Хамидулла Мустафа в своей «Тарихи Гузида» («Избранная история»), живший на одно столетие позже Ауфи. Мустафа причисляет Ауфи к видным ученым своей эпохи. Об Ауфи писал также Гиясуддин Хандамир в труде «Хабибас-сайар».

---

¹ В. В. Бартольд, Соч. т. II, ч. I, стр. 135.

² Persian Historical Texts. The Lubabul-Albab of Muhammad Awfi, edited by Edward G. Brown and Mirza Muhammad of Quazvin, London, 1906.

Первоначальное образование Ауфи получил в Бухаре, а затем, следуя традициям ученых, пустился в долголетнее путешествие по различным странам и городам. В поисках знаний он побывал в Самарканде, Хорезме, Мерве, Нишапуре, Герате, Исфазаре, Шахренау, Сеистане, Фарахе, Газнайне, Лахоре, Дели и других городах. Где бы Ауфи ни находился, он искал общества ученых и знаменитых людей.

Судя по сведениям самого автора, его дед «был одним из имамов и ученых» своего времени, и Ауфи приводит одну из его газелей, в которой поэт «говорит о положении обманутого народа и утверждает необходимость перемены эпохи».

Видимо, Ауфи так же, как и его дед, был близок к народным массам, не стремился угождать правителям и их приспешникам, и поэтому, будучи в Хорезме, он пришелся не по душе некоторым дворцовым ученым и в 1203 г. вынужден был уехать из Хорезма в Нису, а в 1206 г. прибыл в Нишапур, в 1210 г. — в Исфазар, а отсюда — в Индию. Однажды во время путешествия у него украли лошадь и все снаряжение, но это не остановило Ауфи, и он продолжил путешествие пешком.

В 1221—1227 гг. Ауфи жил в Уче (в Индии), где закончил свою антологию «Лубаб-ал-албаб». Примерно, в 1229 г. он приступил к составлению «Джавами-ал-хикайат-ва лавоми-ал-ривоят» («Сборные рассказы и блестящие предания»), которые посвятил визирю султана Шамсуддина Илтутмышы — Низамальмульку Жунайди.

Кроме указанных двух произведений — «Антологии» и «Сборных рассказов», Ауфи перевел с арабского на таджикско-персидский язык «Китоб алфарадж ба'д аш-шидда» Казы Мухассина бин Али Танухи, умершего в 995 г. Перевод этот до нас не дошел. Оценивая «Сборные рассказы» Ауфи, академик И. Ю. Крачковский пишет: «Сочинение Ауфи принадлежит к очень распространенному в арабской литературе типу антологии — сборников различных исторических, иногда и бытовых рассказов, частью наставительного, частью занимательного характера. Одной своей стороной она соприкасается с упоминавшейся нами книгой ат Танухи «Алфарадж ба'д аш-шидда», и это не случайно: сам Ауфи перевел

ее на персидский язык около 1223 г., и некоторые рассказы повторяются в его сборнике¹».

Тематика «Сборных рассказов» разнообразна. Произведение состоит из четырех частей: первая часть— это трактат о мудрости творца, чудесах пророков, истории царей и халифов, биографиях великих людей, вторая часть гласит о добродетельности людей, в третьей—говорится о их недостатках, а четвертая часть посвящена описаниям удивительных случаев, чудес моря и суши, свойств животных, шуток выдающихся людей и т. д. В этом произведении можно встретить и историю, и литературу, и дидактику, и этику и даже космографию и зоологию. В работе содержится много ценных географических материалов по Китаю, Турции и Индии. Всего «Сборные рассказы» включают в себя 2113 рассказов, из которых можно получить сведения об истории, обычаях, этике, традициях многих народов, в особенности народов Мавераннахра, Хорасана, Афганистана, Газны, а также Индии. По оценке иранского ученого Мухаммада Таки Бахара этот труд Ауфи не имеет себе равного среди произведений, написанных в то время в прозе, в смысле извлечения из него полезных наставлений.

Теперь несколько слов о «Лубаб-ал-албаб». Антология Ауфи является, если не считать не дошедшей до нас антологии неизвестного автора «Манакуб-аш-шуаро», первой антологией, которая посвящена жизни и деятельности персоязычных поэтов. Сам Ауфи подчеркивает, что к его времени было составлено много книг о арабоязычных поэтах (так, например, «Табакати Ибн Салам», «Табакати Кутейба», «Ятиматуд дахр» Абу Мансура Салаби и др.), но произведений о поэтах аджама (персоязычных) не имеется.

«Антология» Ауфи состоит из 12 глав. Первые четыре главы посвящены науке стихосложения и ранним поэтам. В пятой главе рассматривается поэтическая деятельность царей, маликов и эмиров; в шестой — визиров исадров (премьеров). Седьмая глава посвящена поэтам-ученым и поэтам-мыслителям. Эта глава в свою очередь разделяется на четыре части: в первой — рассказывается о деятельности поэтов Мавераннахра (12 поэтов), Хорасана (30 поэтов) и Ирана (15 поэтов).

---

¹ И. Ю. Крачковский, Избран, произвед., т. IV, стр. 326—327.

Восьмая глава охватывает сведения о поэтах периода династии тахиридов и саманидов, девятая глава — периода насиридов (т. е. газнавидов), десятая — селджукидов и повествует о творчестве 21 хорасанского поэта — 6 поэтов Мавераннахра, 9—Ирана и 23 поэтов из Газны и Лахора.

В одиннадцатой главе говорится о поэтах времени селджукидов, но уже после правления Санжара (22 хорасанцев, 24 из Мавераннахра, 6 из Ирана и 8 поэтов из Газны и Лахора).

В двенадцатой главе рассказывается и приводится множество отрывков из произведений четырех поэтов, которые были современниками автора и жили в Индии.

Таким образом, антология Ауфи содержит краткие биографии и отрывки произведений 299 поэтов и мыслителей, живших в основном в IX—XIII вв. в Иране, Средней Азии, на территории современного Афганистана и в Индии. Прав был иранский ученый Мухаммад бин Вахаб Казвини, который писал, что если бы не было этой «Антологии» Ауфи, мы не могли бы узнать о многих поэтах периода сафаридов, саманидов, селджукидов и газнавидов, ибо большинство поэтов, приведенных в данной «тазкире», не фигурируют даже в «тазкире» Давлатшаха. Таким образом, «Лубаб-ал-албаб» Ауфи является неоценимым источником для изучения историко-литературного наследия народов не только Средней Азии, но и Афганистана, Ирана, Индии.

Когда речь идет о культурной связи народов Средней Азии и Индии в XIII—XIV вв., нельзя не отметить роль и значение Амира Хосроу (1253—1325). Правда, Амир Хосроу родился в Индии, но его отец — Сайфуддин, был уроженцем Кеша (Шахрисябза). В Индии он стал одним из эмиров Делийского султаната.

Перу Амира Хосроу принадлежат 99 произведений историко-литературного содержания и 400 тысяч стихотворных бейтов. Из своих лирических стихов он составил диван из четырех частей.

А. Хосроу создал также знаменитую Хамсу (Пятерицу), в состав которой входят «Хашт бихишт» (Семь раев), «Пандж гандж» (Пять сокровищ), «Искандер-нама» (Повесть об Александре), «Лайла ва Меджнун» (Лейли и Меджнун) и «Ширин ва Хосров». Он же является автором таких историко-литературных произведе-

ний, как «Оинайн Искандар» («Зерцало Александра»), Хизрнама (Повесть о Хизре), «Киран асса-дайн» (Две счастливые планеты), «Мифтах-ал-футух» (Ключ побед), «Тарихи шахри Дехли» (История города Дели), «Туглак-намэ» (Повесть о Туглаке), «Хазайн-ал-футух» (Сокровищница побед), «Дивалрани Хизр-хан», «Куррат-ал-камал» и много других.

В «Дивалрани Хизр-хан» описываются поход войска Алауддина (1296—1316) в Дивагири и другие политические события, происходившие в период этого султана. «Хазайн-ал-футух» фактически является официальной историей Алауддина. Это произведение состоит из нескольких разделов: вступления, описания административных реформ султана, его походов против монголов, походов в Декан, Варангал и Мабар¹.

Амир Хосроу не только знаменитый поэт, но и в такой же степени музыковед и искусствовед. «Я,— писал он,— такой же мастер в музыке, как и в поэзии. Я написал три тома поэтических произведений, а мои музыкальные произведения также насчитывали бы три тома, если бы их можно было записать»². В «Куррат-ал-камал» поэт излагает свои взгляды на изобразительное искусство.

Хотя Амир Хосроу творил, в основном на таджикско-персидском языке, он является одним из тех, кто впервые обратился в своих сочинениях к народному индийскому языку — урду.

Наследие Амира Хосроу является сокровищем восточной поэзии, его талант и одаренность глубина философских мыслей и метафор признаны поэтами всего Востока, и недаром его называют «Андалиби Дехли» (Делийский соловей).

Амир Хосроу оказал большое влияние на мировоззрение и деятельность поэтов Средней Азии и Хорасана. С большим уважением упоминает его имя Алишер Навои, который признает его вторым своим устазом (учителем) в написании «Хамсы» и пишет, что хотя Низами Ганджави завоевал Ганджу, но Хосроу своим языком, т. е. поэтическим талантом, покорил всю Индию, которую не мог полностью завоевать ни один из правителей.

1. К. З. Ашрафян, Делийский султанат..., стр. 23.

2. Там же, стр. 22.

Музыковед XVII в. Дарвиш Али пишет, что он в работе по созданию «Трактата по музыке» (Рисалан мусики) широко пользовался произведениями Амира Хосроу по музыке. Один из тимуридских царевичей Мирза Байсункар в знак особого уважения и признательности к Амиру Хосроу собрал 12 тысяч бейтов его стихов. Хусайн Байкара написал ряд лирических произведений, подражая Хосроу.

Все это говорит о том, что среднеазиатец по происхождению, индийский поэт и мыслитель Амир Хосроу пользовался широкой популярностью и в Индии, и в Средней Азии, и в Хорасане. Он оказал благотворное влияние на поэтов и мыслителей этих стран, и поэтому роль Амира Хосроу в литературно-культурной связи народов Средней Азии и Индии, бесспорно, велика.

В развитии культурно-литературных связей народов Средней Азии и Индии в XIV в. большую роль сыграло творчество Бадриддина Чачи.

Бадриддин Чачи жил и творил в XIV веке. Биографические сведения о нем весьма скудны и зачастую недостоверны. Известно лишь то, что Бадриддин родился и жил в Средней Азии (возможно, в самом Чаче, т. е. Ташкенте) до зрелого возраста, поскольку в «Камус-ал-а'лам» говорится, что Бадриддин раньше писал стихи на тюркском языке, и лишь находясь в Индии, он творил на персидско-таджикском языке.

Бадриддин прибыл в Индию примерно в 1332 г., возвращаясь из Мекки, и остался в этой стране до конца своей жизни. Чачи был плодотворным поэтом. Так, в «Тазкираи Хусайни» отмечается, что Бадриддин составил свой диван из 6 тысяч бейтов (двухстиший), из «Мират-ал-а'лам» мы узнаем, что он написал «Шах намэ», посвященное султану Гийасиддину (1320—1325) из 35 тысяч бейтов¹. К сожалению, его диван и «Шах намэ» до нас не дошли.

К дошедшим до нас произведениям Бадриддина Чачи можно отнести «Шархи касанди Бадр Чачи» («Комментарий касид Бадра Чачи»), в котором имеются 71 касида, 105 китъа и 35 газелей поэта, написанных в 1344 г. Кроме того, образцы газелей Бадриддина сохранились в

¹ Бахтавархан, Мират-ал-а'лам, ИВАН УзССР, рукопись 2097.

«Диване Анвари» Авхаддина Анвари¹. В одной из рукописей, хранящейся в Институте востоковедения АН УзССР (р. № 151), встречаются 98 его касид и газелей, а также 11 кита и рубай.

Лирика Бадриддина Чачи разнообразна, он воспевает красоту возлюбленной, дружбу и честность; его газели и рубай затрагивают глубоко-философские вопросы. Во многих газелях поэт свои мысли объясняет астрономическими явлениями, движением небесных светил и пр. Язык и стиль стихотворных произведений поэта труднодоступен неквалифицированному читателю. Это отмечалось многими исследователями, в том числе Амином Ахмад Рази в его «Хафт иклим» (Семь поясов)². Бадриддин Айни тоже выражает свое удивление тому, как мог поэт из Ташкента, живший более 500 лет тому назад, писать стихи на таком «труднопонятном» (мушкил писанд) персидском языке³.

Чтобы облегчить понимание стихотворений Бадриддина Чачи, видный индийский ученый Гиясиддин ибн Джалалиддин Мустафа Абади, автор интересного и весьма распространенного словаря «Гияс-ал-лугат», составил в 1840 г. к нему комментарий, и это свое произведение назвал «Кашф-ал-асрар» (Открыватель тайн).

Бадриддин Чачи, так же как и Амир Хосроу, был удостоен большого звания «маликуш-шуаро» («эмир поэтов») при дворе делийского султана, и современники называли его «фахруз заман» («гордостью эпохи»). По поводу этого сам поэт пишет:

Меня называют «гордостью эпохи», (будто бы) я царь ислама,
Но не давай мне лакаб (псевдоним), кроме «тутийи шакар
гуфтар» (сладкоговорящий попугай). (т. е. поэт)⁴.

Исследователь и знаток восточной поэзии Амин Ахмад Рази так охарактеризовал Бадриддина Чачи: «Бадр Шаши (Ташкентский) — действительно полная луна на небе знания и прекрасного». (Заметим, что слово

¹ Институт Востоковедения АН УзССР, рукопись 283/1.

² Амин Ахмад Рази, Хафт иклим, ИВАН УзССР, рукопись 617, л. 520а.

³ С. Айни. Намунаи адабиёти тожик, М., 1926, стр. 72.

⁴ «Мароке фахруз-замон хонад, шохи исломам
Лакаб магуи чуз тутийи шакар гуфтор».

«бадр» на персидском языке означает состояние полнолуния)¹.

Несмотря на то, что Бадриддин Чачи был придворным поэтом, он не боялся раскрыть отдельные гнусные стороны феодального общества. Так, в своем рубаи, которое начинается «Дустони замона бадахданд...» (Друзья эпохи — (люди) нехорошего поведения), он особенно бичевал тех лиц, которые раболепствуют перед знатными и не соизволят даже здороваться с представителями низшего класса.

Бадр Чачи умер в 1335 г. и похоронен в Индии.

Итак, в период монгольского нашествия, когда народы Средней Азии страдали от ужасов и последствий этого события, Индия приютила тысячи среднеазиатских и хорасанских беженцев, среди которых были представители различных слоев населения, в том числе и деятели науки и культуры. Приобретая в Индии вторую родину, поэты и ученые из Средней Азии и Хорасана внесли свой вклад в развитие науки и культуры этой страны.

Спустя сто лет ход исторических событий изменился. Основная масса монголов и пришедшие с ними в Мавераннахр племена постепенно ассимилировались с местными народностями и племенами, в правлении страной все больше укреплялись положение и позиция местных властей. Как правильно писал академик В. В. Бартольд, «... чагатайские ханы в Мавераннахре были только подставными лицами: фактическая власть всецело находилась в руках тюркских эмиров»².

С установлением относительно мирной и спокойной жизни (мы здесь исключаем междоусобную борьбу за политическую власть между различными группировками) постепенно восстанавливаются традиционные взаимоотношения Средней Азии с народами соседних стран и, в первую очередь, с Индией. Представляют интерес рассказы арабского путешественника Ибн Батуты, в которых он опровергает версию, что Тармаширин, после того как его сместили с престола, убежал в Балх и там был умерщвлен. По словам путешественника, Тармаширин бежал в Индию. Вместе с ним в Индию прибыли его сын (Бешай угил), дочь и зять. Ибн Батута подчеркивает, что

¹ Амин Ахмад Рази, указ. произв..., л. 520а.

² В. В. Бартольд, Соч., т. II, ч. I..., стр. 78.

в период правления Тармаширина «между (индийским царем) и упомянутым (Тармаширином) существовали дружественные и близкие отношения, они переписывались и обменивались подарками...»¹.

Когда стало известно о прибытии Тармаширина в Индию, индийский государь не поверил этому и для проверки отправил к нему своего придворного врача, который в свое время находился на службе у Тармаширина в Хорезме. Вернувшись, врач доложил своему государю, что прибывший человек на самом деле хорезмский правитель, ибо у него врач обнаружил те следы от раны, которую несколько лет тому назад сам он лечил. После такой проверки индийский царь велел свести Тармаширина к сыну и дочери, и если они признают его своим отцом, он удостоверится полностью. Но, как сожалеет Ибн Батута, дети Тармаширина по неизвестным причинам заявили, что этот чужестранец не является их отцом. Обиженный Тармаширин покинул Индию и отправился в Шираз.

Ибн Батута приводит еще один факт о культурных связях Средней Азии с Индией. Он описывает пребывание в Индии знаменитого среднеазиатского ученого и мыслителя Ваъиза Термези (Насриддина), которому был оказан радушный прием во дворце делийского султана и пожалованы в качестве подарка почетный халат, тюрбан, позолоченная сарача, сто тысяч динар и 200 слитков золота².

Совершив путешествие по Индии, Ваъиз Термези возвратился на родину. Его возвращение является важным фактом, свидетельствующим о том, что в Мавераннахре к этому времени создались более благоприятные условия для развития науки и культуры. В период правления тимуридов Средняя Азия и Хорасан стали культурными центрами в Азии.

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТИМУРИДОВ С ИНДИЕЙ

После смерти Тимура главой империи становится его сын Шахрух (1409—1447), в период царствования которого государство тимуридов находилось в тесных эко-

¹ «Саехати Ибн Батута», перев. с арабс. на турецк. *Мухаммада Шарифа*, Стамбул, 1333 х., том I, стр. 431.

² «Саехати Ибн Батута», перев. с арабск. на турецк. *Мухаммада Шарифа*, Стамбул, 1333 х., том II, стр. 79.

номических, политических и культурных взаимоотношениях с Индией.

По данным историка XV в. Хафиза Абру, в начале 1412 г. в Герат прибыли послы правителя Дели Хизрхана. В этом же году отправил своих послов во дворец Шахруха и правитель Мультана с признанием над собой верховной власти тимурида. Спустя пять лет. Хизрхан через своего посла сообщил, что правитель Балха Амирзада Кайду требует от Хизрхана отчеканить монету на его имя и тем самым признать себя вассалом Балха. В связи с этим Хизрхан просил Шахруха выслать через своего официального представителя фирман (приказ), в котором Хизрхан упоминался бы как вассальный правитель Индии. Такой фирман был составлен и отправлен в Дели через Хаванди Миллат Мухаммада Разия¹, человека, который пользовался большим авторитетом при дворе Шахруха.

В книге Абдураззак Самарканди «Матла-ас-са'дайн ва маджма-ал-бахрайн» приводятся факты, свидетельствующие о наличии тесного контакта между государством Шахруха и Бенгалией, Каликутом² и Виджаянгаром³.

К сожалению, дата обмена посольствами у Абдуразака не приводится. По его данным, от правителя Бенгалии Шамсуддина Ахмадшаха ибн Мухаммада (1431—1442) поступило письмо на имя Шахруха, в котором, в частности, говорится, что правитель Джунапура Султан Ибрагим (Шамсуддин Ибрахим-шах Шарки ибн Мухаммад (1400—1440) совершил нападение на Бенгалию, и поэтому он просит оказать ему необходимую помощь в борьбе против султана Ибрагима. Получив это письмо, Шахрух отправил в Бенгалию посла Шейх-ал-Ислама Ходжу Каримуддина с письмом-фирманом, в котором приказывает джунапурскому правителю не нападать на Бенгал. После того как правитель Джунапура ознакомился с

---

¹ Тарихи Хафиз Абру, ИВАН УзССР, рукопись, 5361, лл. 452, 455а—456а.

² Каликут не следует смешивать с Калькатой-Калькуттой.

³ В данном случае мы пользовались разделом книги А. Самарканди, относящимся к путешествию ее автора по Индии, в переводе на узб. яз.— А. Уринбоев, Абдураззоқ Самарқандийнинг Ҳиндистон Сафарномаси, Узб. ФА Нашриёти, Тошкент, 1960.

письмом Шахруха, как утверждает автор, он прекратил нападения на Бенгалию¹.

В фондах Института востоковедения АН УзССР хранится рукопись (№ 286) «Межджмуа-и-рикаат ва муншаат» (Собрание разных записок и писем), в которой приводится это письмо-фирман Шахруха. Содержание его таково: Шахрух получил от бенгальского правителя (почему-то названного Султаном Махмудом) письменное сообщение о налете на Бенгалию противников, которые произвели опустошение в стране и увезли тысячи людей с собой, чтобы продать их в рабство. Шахрух предупреждает этих противников Бенгалии, если они еще раз осмелятся повторить нападение, то Шахрух отдаст приказ таким-то и таким-то сыновьям (все имена перечисляются в письме) и своим военачальникам о покорении и завоевании их страны².

На обратном пути посла Шахруха сопровождал бенгальский посол. Они направились в Герат через территорию государства Каликут. Такой выбор маршрута дал возможность гератскому послу установить хорошие отношения и с Каликутом. Его правитель, узнав о решительных мерах, принятых Шахрухом в отношении агрессии со стороны Джунапура, решил отправить и своего посла в Герат. В письме, адресованном Шахруху, по утверждению Абдураззак Самарканди, правитель Каликута сообщал даже о том, что если Шахрух соизволит, то он готов включить его имя в хутбу в своем государстве. Интересно, что каликутский посол якобы просил Шахруха отправить в его страну специальное посольство, которое «могло бы зажечь огонь в темной душе его господина и направило бы его по правильному пути Ислама». Эти слова каликутского посла пришлись по душе Шахруху, и он решил направить туда посольство. Как пишет Абдураззак Самарканди, эта почетная задача была возложена на него.

Посольство во главе с Абдураззаком Самарканди вышло из Герата в 1442 г. Пройдя через Кирман, Джерун (Хормуз), Калахот (вблизи Маската), по морскому пути прибыло в индийский порт Каликут. Путь в Индию через Хормуз был оживленным, но чрезвычайно трудным

¹ А. Уринбаев, указ. произв., стр. 40.

² Межджмуа-и-рикаат ва муншаат, ИВАН УзССР, р. 286, л. 139а—140б.

из-за неблагоприятной, жаркой погоды. В Каликуте Абдураззак был торжественно принят сомри (правителем государства) в присутствии свиты и других приближенных к сомри лиц, насчитывавшей более двух тысяч человек.

Далее Абдураззак Самарканди отправился в государство Виджаянагара, где был принят с большими почестями. Он получил право быть принятым роем (рой — по-индийски князь, правитель) два раза в неделю; все члены посольства перед отъездом получили различные подарки. Из Индии на родину посольство отправилось в ноябре 1443 г. и прибыло в Герат в январе 1445 г. Вместе с посольством Абдураззака Самарканди в Герат прибыли послы Виджаянагара—Ходжа Мухаммад и Ходжа Джамаладдин. По утверждению самого Абдураззака, за 200—300 лет перед этим в Герате не было послов из Виджаянагара. В Герате послы были приняты также с почестями. Они находились в Герате до марта 1445 г., затем получили разрешение вернуться на родину.

Абдураззак Самарканди привез из Индии драгоценности, индийские лекарства и пряности, нагруженные на десяти верблюдах. Каждому из виджаянагарских послов в свою очередь были вручены богатые подарки.

Задача, возложенная на посольство Абдураззака Самарканди, хотя внешне и заключалась в том, чтобы призвать правителя Каликута принять ислам, на самом же деле посольство, в сущности, должно было способствовать развитию торговли между государством тимуридов и индийскими княжествами путем изучения экономических возможностей южноиндийских государств. В пользу этой точки зрения говорит накопленный материал о городах и странах Южной Индии, который изложен во втором томе «Матла-ас-са'дайн» Абдураззака Самарканди.

Путевые записки Абдураззака Самарканди о его поездке в Индию сыграли большую роль в развитии культурных связей между государствами тимуридов (в том числе Средней Азии) и Индией. В книге Абдураззака мы находим прекрасное и подробное описание индийского порта Каликута и государства Виджаянагара. По словам автора, Каликут являлся самым благоустроенным и безопасным портом, сюда, как и в Хормуз, прибывали торговцы со всех стран, и они и их товары находились под защитой государства. Сами купцы не

беспокоились о сохранности своих товаров: заклет, то есть налог, здесь взимался в размере одной сороковой части от уже распроданных товаров.

Государство Виджаянагара, по определению Абдураззак, было расположено на территории, которая граничит с Сарандибом (Цейлоном), государством Гулбарг и Бенгалией, включает в себя Малибар; большинство провинций благоустроены, имеются триста равных друг другу портов; войска состояли из более чем тысячи слонов и 11 лакхов¹ людей. Дидактическое произведение «Калила и Димна» является плодом разума здешних ученых. Город Виджаянагар окружен семью крепостями, а вокруг крепостей установлены каменные столбы, высотой в рост человека, которые служат ограждением. Далее автор подробно описывает крепости, оценивает их обороноспособность, расположение войск и т. д.

Абдураззак Самарканди несколько раз находился на приеме у правителей Каликуты (сомри) и Виджаянагара (роя). Приемы эти тщательно описаны в его произведении. Как пишет Абдураззак, глава мусульман также занимал достойное место в этих собраниях. На приеме у роя Виджаянагара гератский посол преподнес ему в качестве подарка пять породистых лошадей, две девятки (икки тўққиз) бархата «камхо» и столько же атласа. Рой сказал послу, что «ваш правитель щедро угощает послов, но поскольку мы с вами расходимся по принятию пищи, то в качестве угощения, мы подарим вам эти золотые (деньги)».

Абдураззак, будучи видным политическим деятелем, тщательно изучал экономику и политическую обстановку в странах, где он бывал. Когда он находился в Каликуте, сюда прибыл представитель роя Виджаянагара, который потребовал у сомри не задерживать посла Шахруха и скорее отправить его в Виджаянагар. Абдураззак по поводу этого пишет, что хотя сомри и не подчиняется Виджаянагару, но весьма боится его правителя, ибо Виджаянагар состоит из трехсот таких, как Каликут, портов и граница растянута так, что ее можно объехать лишь в течение 2—3 месяцев.

В работе Абдураззак Самарканди большое место отведено описанию междоусобной борьбы в Виджаянагаре.

---

¹ Л а к х — 100 тыс.

По ходу изложения автор рассказывает об отдельных обычаях индийцев. По его рассказам, правителем в Каликуте может стать один из племянников покойного сомри по линии матери, а его сын, брат или племянник по отцу не имеют права на трон. Среди индийцев существовали племена, в которых одна женщина одновременно имела несколько мужей; индийцы обожествляют коров и быков и т. п.

С восхищением рассказывает Абдураззак об индийском искусстве. Его поразили величественные храмы, убранство их, боги-статуэтки, отлитые из золота и украшенные драгоценными камнями. Путешественник-посол досконально описывает праздник «Махановами», в котором участвовали рой, его свита и окружные правители и военачальники. На украшенных слонах была устроена иллюминация (мушакбоз), в красочных танцах — большинство музыкантов и танцоров — девушки. Праздник продолжался в течение трех дней, а на третий день рой пригласил к себе Абдураззака. Абдураззак увидел роя в окружении драгоценных вещей. «Нет,— пишет он,— ни в одной стране земного шара престол так не украшается драгоценными камнями, как здесь». На этом пиршестве рой подарил гератскому послу несколько слонов и другие дорогие вещи. По данным Абдураззака, казна роя весьма богата: несколько мест, подобных хаузу, наполнены золотыми слитками.

В книге Абдураззака имеются данные об индийской письменности, о деньгах, которые находились в обращении, о методах охоты за слонами, многих обычаях и традициях индийцев и т. д.

Все сказанное позволяет заключить, что посольство Абдураззака Самарканди в Каликут и Ваджаянагар и содержание его путевых заметок о его поездке в Индию являются свидетельством добрососедских отношений и культурного сотрудничества государства тимуридов с Индией. Можно без преувеличения сказать, что записки Абдураззака об Индии, вслед за «Индией» Бируни, являются фактически вторым по своему содержанию и ценности изложенных фактов капитальным трудом.

* * *

Политические и культурные связи тимуридов с Индией продолжались в период правления других предста-

вителей этой династии. Особенно плодотворны были эти связи при султানে Хусайне Байкаре (1468—1506). Герат, превратившийся в этот период в культурный и научный центр Центральной и Средней Азии, привлекал внимание ученых, мыслителей и поэтов Ближнего и Среднего Востока.

В расцвете науки и культуры в пределах государства тимуридов решающую роль сыграли крупнейший таджикский философ-поэт Абдурахман Джами и основоположник узбекской классической литературы Мир-Алишер Навои. С их именами связано все новое и прогрессивное в социально-общественной мысли XV в. Благодаря их усилиям и под их влиянием султан Хусайн покровительствовал развитию науки и культуры.

Джами и Навои имели оживленную переписку с официальными лицами Индии, с индийскими учеными и мыслителями. В «Собраниях писем» имеются послания Джами и Навои, адресованные правителю Индии Шарафхану. Письма Джами и Навои пронизаны дружественными чувствами по отношению к Индии. А. Навои, в частности, писал, что «если дружественные отношения и единство укрепляются посредством пера и килка и путем отправления писем и посланий, то, безусловно, устанавливаются всесторонние и крепкие взаимоотношения»¹. Имеется также ответное письмо Джами на послание маликут-туджара (эмира купцов) Индии, из которого видно, какие близкие и дружественные отношения установились между учеными и маликут-туджаром.

Узбекский поэт А. Навои наряду с Низами и Джами называет своим учителем индийского поэта и мыслителя Амира Хосроу. Говоря о том, кто именно вдохновлял его к созданию «Пятерицы», Навои писал:

Взяв меня за обе руки, Джами и Хосроу
Повели меня к Низаму.²

Навои во всех пяти дастанах высоко отзывается о А. Хосроу и его творениях. В «Хайрат-ал-абрар» он пишет: «Ганджийский царь расточает сокровища, а тот

¹ Собрание писем и посланий, ИВАН УзССР, р. 2278, лл. 1256, 126аб.

² Е. Э. Бертельс, Навои и Низами. В сборнике «Алишер Навои», АН СССР, М.-Л., 1946, стр. 89.

(эмир Хосроу) — его последователь. Этот царь в земном поясе слова, тот же — князь»¹.

В «Фархад и Ширин» Навои уподобляет Низами и Хосроу сильному слону и просит бога даровать ему их славу и творческую силу:

Навоига даги шавкат етургил,
Бу икки филдан қувват етургил.

В оценке Навои. Хосроу всегда обрисовывается как продолжатель дела Низами, деятельность его — украшение тех бессмертных ценностей, которые создал Низами.

Не бино солса бурноғи меъмор,
Ул қилиб зебу зийнатин заркор.
(Какое бы здание ни воздвиг первый архитектор.
Тот (Хосроу) украсил (его) золотистым орнаментом.)

То есть, говоря образно, если Навои учился у Низами строить курган, т. е. писать «Пятерицу», то у Хосроу он учился украшать этот курган садами и цветниками.

Навои высоко оценивает лирику Амира Хосроу. Он в своем произведении «Мухокамат-ал-лугатайн» говорит, что «диван Хосроу переполнен печалью и прискорбием влюбленного, и отсвет его любовного факела осветил весь мрачный мир»². Далее Навои пишет, что ему особенно нравится ода Хосроу «Дарёйн абрари», которая начинается так:

Куси шах холию бонги гулгулааш дарди сараст,
Ҳарке қони шуд бахушку тар шахи бахрубараст.
(Царский барабан пустой, его шум — головная боль.
Всякий, кто наберется терпения, тот станет царем и
на суше и в море.)

Навои говорит, что эта касида, в особенности ее начало, была настолько известна, что поэты начали подражать ей. Касида Навои начинается так:

Оташин ла"леки, тожи хисраванро зевараст
Ахгаре бахри ҳаёли хом пухтан дарсараст
(Украшающий царские короны, воспламеняющий ла"л-рубин—
Это огонь, который варит иллюзии в голове.)

¹ Е. Э. Бертельс. Указ. произв., стр. 10.

² А. Навоий. Танланган асарлар, том III, 1948, стр. 194.

Навои написал также касиду в подражание касида Хосроу «Мират-ас-сафа» (Зерцало чистоты). Он часто называет Амира Хосроу «Хинд хунарманди» (индийским мастером).

Яркое сияние творчества Джами и Навои дошло и до пределов Индии. Персоязычные поэты Индии XV в., признавая творческий гений среднеазиатских поэтов, старались встретиться с ними, считая их своими учителями. Некоторые из них пускались в далекий путь, чтобы встретиться с Джами и Навои. Так, в «Тазкиран Хусайни» приводится рассказ о том, как индийский поэт Джамал добился встречи с Джами и Навои¹.

* * *

Когда речь идет о взаимоотношениях Средней Азии с Индией, нельзя обойти деятельность Бабура — крупного полководца, замечательного поэта-лирика и видного ученого периода средневековья.

Деятельность Бабура многогранна, но она не лишена противоречий, присущих той эпохе, в которой он жил и творил.

Бабур, как поэт, воспевает человечность и призывает быть справедливым, а Бабур — полководец, феодальный властитель — приказывает строить минареты из черепов убитых.

Однако при оценке личности и деятельности Бабура, нельзя приравнивать его к любому другому феодальному монарху. Бабур отличался от многих правителей феодального общества тем, что он был образованным и культурным человеком своего времени. Как правильно отмечает профессор Вахид Захидов, Бабур стоял во главе тех феодалов, которые были заинтересованы в централизации государства, а централизация государства привела бы в конечном итоге к развитию производительных сил, и это в какой-то степени способствовало бы улучшению положения трудящихся масс².

---

¹ «Тазкиран Хусайни», ИВАН УзССР. Лит. 3678, стр. 83.

² Воҳид Зоҳидов, Бобирнинг фаолияти ва адабий, илмий мероси ҳақида, «Шарк юлдузи», 1958, № 11, стр. 121.

Будучи правителем Ферганы¹, Бабур старался объединить под своей властью весь Мавераннахр. Но «непрерывающиеся войны между тимуридами способствовали полному хозяйственному упадку страны и впоследствии удаче их общего противника, предводителя кочевых узбеков Мухаммеда Шайбани, который в 1504 г. овладел Андижаном и заставил Бабура покинуть пределы Ферганы и обосноваться в Кабуле и Бадахшане»². В 1525 г. Бабур в борьбе с делийским султаном Ибрахимом Лоди при Панипате одерживает блестящую победу и завладевает делийским тронem. В качестве столицы будущей своей империи Бабур выбрал г. Агру. При жизни Бабура, кроме территории Делийского султаната, он подчинил Бихар, Мультан, Джаунпур, Гвалиор, а также несколько относительно мелких княжеств. Государство Бабура раскинулось от Аму-Дарьи до Бенгалии и от Гималаев до Гвалиора.

Для Бабура Индия стала второй родиной. Все свои замыслы и мечты о создании крупного, централизованного государства он перенес из Мавераннахра на Индию, и вместе со многими прибывшими с ним людьми навсегда остался там.

В одном из своих четверостиший, он выражает удовлетворенность тем, что стал государем Индии:

Юз шукур де, Бобирки карими гаффор
Берди санга Синду, Ханду мулки бисёр.
(Стократно благодари ты, Бабур, щедрого всевышнего
(за то, что) он отдал тебе Синд, Хинд и много (других
земельных угодий.)

Как известно, в феодальном обществе основными налогоплательщиками являлись жители сельских районов, реальность поступления налогов от крестьянства зависела от урожайности, и поэтому Бабур, чтобы укрепить экономическую мощь своего государства, старался в завоеванных им владениях развить оросительную сеть как стимул роста и развития сельского хозяйства. В

¹ Захириддин Мухаммад Бабур родился в 1483 г. в Ахси. В 1494 г. 12-летний Бабур, после смерти отца, стал правителем Ферганы. Бабур умер в 1530 г. в Агре, останки его были перенесены из Агры в Кабул.

² «Бабур-намэ», предисловие С. А. Азимджановой, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 6.

«Бабур-намэ» приводится немало фактов о том, что Бабур отдавал распоряжения строить то или иное ирригационное сооружение.

«На реке Газни,— пишет Бабур,— в трех йигодах к северу от города, выше по реке, Султан (Махмуд — И. Н.) построил большую плотину... Ала ад-дин Джехансуз Гурид, когда завладел этой областью, сломал плотину... С тех пор эта плотина разрушена. В год завоевания Хиндустана, мы послали через Ходжи-и-Колана деньги на отстройку этой плотины. Надеюсь, что с помощью божьей плотина будет отличная»¹. Бабур дал указание на постройку плотин, колодцев и каналов в Агре, Лахоре, Дибалпуре и во многих других местах.

Именно в период правления Бабура был заложен тот фундамент грандиозного строительства величественных зданий, которые потом при Акбаре, Джахангире, Шах Джахане и частично при Аурангзебе были воздвигнуты и поднимались все выше и выше. В «Бабур-намэ». Бабур пишет: «Мулла Шараф (ад-дин) в «Зафарнамэ» красноречиво расписывает, что когда Тимурбек строил каменную мечеть, то на этой постройке каждый день работало двести каменщиков из Азербайджана, Фарса, Хиндустана и других государств. В одной Агре на моих постройках ежедневно работало шестьсот восемьдесят каменщиков из одной Агры. В Агре, Сикри, Биане, Дилпуре, Гвалиаре и Куиле на моих стройках каждый день работал тысяча четыреста девяносто один каменщик. Также и всяких других ремесленников и рабочих в Хиндустане бесконечное и несметное множество»².

Бабур был не только образованным человеком своей эпохи, поборником науки и культуры, он был и одним из выдающихся их создателей. Его перу принадлежит, кроме «Бабур-намэ», юридический трактат «Мубайин», несколько трактатов по музыке, поэтике и военному делу, к сожалению, не дошедших до нас. Кроме того, Бабур является автором особого алфавита — «Хатти Бабурий». Бабур создал не мало поэтических произведений; наиболее выделяются среди них газели (любовные стихи) и особенно четверостишия. В лучших своих стихотворениях Бабур проявил себя выдающимся мастером род-

¹ «Бабур-намэ», стр. 163.

² «Бабур-намэ», стр. 336.

ного ему узбекского языка, для развития которого он не мало сделал, следуя в этом отношении за своим старшим современником Алишером Навои. Простые, доходчивые по языку газели Бабура проникнуты искренностью чувства. В его рубай (четверостишиях) чувствуется пытливая мысль, останавливающаяся на вечных вопросах жизни и человеческих отношений. Характерна для многих рубай и тоска по родной Фергане, не покидавшая Бабура до конца его жизни¹.

«Бабуру недоставало дружеского общества, к которому он привык, радости беседы, изысканного комфорта, занесенного из Ирана и Багдада. Он тосковал по снегам и ледникам северных гор, по мясной пище, по цветам и фруктам Ферганы. Однако при всем своем разочаровании в Индии он все же говорил, что Индостан — необыкновенно красивая страна»².

Среди всех других произведений и творений Бабура, сведения по интересующему нас вопросу — о культурных связях народов Средней Азии и Индии мы находим в его «Записках», называемых «Бабур-намэ».

«Бабур-намэ» является не только сокровенным творением автора и занимает достойное место в литературном наследии Бабура, но и замечательным литературным и историческим памятником для изучения политической, культурной и отчасти социально-хозяйственной жизни народов Средней Азии, Афганистана и Северной Индии. Круг, затронутых в «Бабур-намэ» вопросов, весьма широк. Здесь можно прочесть о географии той или иной страны (рельефе, климатических условиях, реках и т. д.), о ее ископаемых богатствах, об ирригационных сооружениях, о земледелии и бахчеводстве, о налогах и налоговой системе, о доходах и урожайности, о торговле, о прошлых и нынешних правителях, об ученых и мыслителях, поэтах и других представителях культуры и искусства; особенное внимание автор уделяет обычаям и традициям народов. Почти две трети «Бабур-намэ» посвящено Афганистану и Индии.

Преобладающая часть «Бабур-намэ» отводится описанию деятельности Бабура в Индии. Будучи выдающим-

---

¹ «Бабур-намэ», см. Предисловие, написанное С. А. Азимджановой.

² Дж. Неру. «Открытие Индии»..., стр. 271.

ся ученым и поэтом, Бабур искренне желал развития науки и искусства. В этом отношении он был похож на великого ученого Улугбека. Зная отношение Бабура к науке и искусству, многие гератские ученые и поэты после смерти Хусайна Байкары отправлялись в Индию, ко двору Бабура. Среди многих можно назвать видного историка Хандамира, известных врачей Мавлана Юсуф Табиба, Ходжу Низамиддина, Али Халифа Табиба, Абдулбако Табиба, из ученых-мыслителей — Шейх Зайн Садр, Шейх Абдулвахид Фаригия, Султана Мухаммада Куса (безбородого) и других¹.

Хотя Бабур навсегда остался в Индии, он не переставал думать о Средней Азии и Мавераннахре и все время выжидал момента, чтобы присоединить Самарканд и Фергану к своим владениям. В одном из писем Бабура своему старшему сыну и престолонаследнику Хумайуну, есть такие слова:

«Если, по милости божьей, области Балха и Хисара удастся завоевать, то пусть твой человек останется в Хисаре, а в Балхе пусть будет человек Камрана. Если же, по милости божьей, Самарканд также будет завоеван, то в Самарканде сиди ты сам, а область Хисара я, волей Аллаха, сделаю государевой землей»².

Приведенные в «Бабур-намэ» данные свидетельствуют о том, что шайбаниды были не прочь установить связи с Индией, в данном случае с государством Бабура. По словам Бабура, в субботу, месяца рабиас-сони 935 года (18 декабря 1528 г.) он устроил пир в честь прибывших из соседних стран послов — послов кизилбашей (Ирана), Кучум хана, Хасана Челаби и шайбанида Абу Саида³. Далее Бабур пишет: «... После Кучум хана и брату Хасана Челаби были пожалованы собольи шубы с пуговицами и башлыком, а также достойные их одежды. Послам Абу Са'ид султана Михрбан ханум и ее сыну Пулат султану, а также послу Шаха Хусайна мы подарили чекмени с пуговицами и шелковые халаты»⁴.

Факты свидетельствуют о наличии контакта Бабура с учеными Средней Азии, обмена произведениями. По оп-

¹ Подробнее см. *И. Низомиддинов. Урта Осиёнинг чет эл Шарқи билан муносабатлари*, Тошкент, Ўздавнашр, 1961, стр. 586.

² «Бабур-намэ»., стр. 399.

³ Абу Саид Шайбанид сын Кучкунджихана (1510—1530).

⁴ «Бабур-намэ»., стр. 402.

ределению советского исследователя С. А. Азимджановой, в ленинградском списке «Мубайина» имеется 7 бейтов, адресованных «Мавераннахрским факихам». «Судя по содержанию этих бейтов,— пишет С. А. Азимджанова,— один экземпляр своей книги Бабур послал ученым Средней Азии и просил их высказать мнение по поднятым в книге вопросам. Этих бейтов нет в других, известных нам списках, и это наводит нас на мысль, что, может быть, ленинградский список является именно тем, который послал Бабур в Мавераннахр»¹.

* * *

Бабур умер 26 октября 1530 г. Престол в Агре был унаследован его сыном Хумайуном.

Хумайун был правителем-неудачником. С первых дней своего царствования он допустил много ошибок: в порыве великодушия он раздробил государство, передал область Кабул Камрану, а Кандагар, Пенджаб и округ Хисар — Фирузу, Аскарри получил от него Самбхал, а Хиндал — Меват².

В первые годы после вступления на престол, Хумайун вынужден был бороться с основными своими врагами — Махмудом Лоди в Бихаре и правителем Гуджарата — Бахадуром шахом.

В битве при Даухруа Хумайун победил Махмуда Лоди, и один из военачальников последнего — Шерхан, защищавший крепость Чунар, выразил свою готовность участвовать в борьбе против Бахадура шаха. В борьбе против Бахадура на первых порах Хумайун добился успеха, заняв Ахмедабад. Он назначил Аскарри наместником Гуджарата. Но вскоре гуджаратцы выступили против моголов и не только освободили страну, но и оторгли Мальву. Успехам гуджаратцев способствовало, что в это время против Хумайуна выступил Шерхан из Бихара. В течение короткого времени Шерхану удалось захватить (в 1538 г.) Чунар, Бихар, Джунапур и территорию до Канауджа. В довершение всего в это трудное для Хумайуна время против него восстал его брат Хиндал.

---

¹ С. А. Азимджанова, Экономические взгляды Захириддина Мухаммада Бабура «Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв.» Ташкент, изд-во АН УзССР, 1960, стр. 79.

² Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, История Индии, стр. 214.

Другой брат — Камран отказался оказать помощь Хумайуну и 17 мая 1540 г. в битве в Хардон (Канаудже) войска Шерхана наголову разбили 40-тысячную армию Хумайуна, и он покинул Индию. В 1543 г. Хумайун прибыл в Кандагар с надеждой заручиться здесь поддержкой своих братьев Аскар и Камрана. Однако и здесь он не нашел ни поддержки, ни спокойного приюта. После этого Хумайуну не оставалось ничего, кроме как отправиться в сторону Ирана. В Иране он находился почти год и в 1544 г. при помощи и поддержке иранского шаха (который предоставил в распоряжение Хумайуна 14-тысячное войско) завладевает Сейстаном, Кандагаром и Кабулом. К этому времени усилились раздор и распри среди афганских вельмож в Индии, особенно положение обострилось после смерти Шерхана. Воспользовавшись усилением междоусобицы среди знати и крупных феодалов, Хумайун в 1555 г. нанес удар по основным силам Искандаршаха и захватил Дели и Агру.

Таким образом, после долгих скитаний и упорных боев Хумайун снова становится правителем империи Моголов. Но второй период правления Хумайуна был еще более кратковременным, чем первый: 24 января 1556 г. он внезапно упал с мраморной лестницы и умер.

В период правления Хумайуна основное положение в правящей верхушке занимала мусульманская знать, господствующая роль в основном принадлежала выходцам из Средней Азии. Наряду с чигатайцами при Хумайуне в культурной жизни страны усиливается влияние лиц иранского происхождения. Главный советник Хумайуна и опекун принца Акбара — Байрамхан, по происхождению туркмен, был когда-то иранским подданным и вокруг него сконцентрировалась плеяда военачальников — ханов, ученых, поэтов, прибывших вместе с Хумайуном из Ирана.

В период царствования Хумайуна из Средней Азии и Ирана к нему прибыло много поэтов, ученых, мыслителей, большинство из которых присоединилось к Хумайуну в период его скитаний. На службе у Хумайуна состоял бухарский поэт Джани, который выполнял обязанности «научного секретаря». Заметное место в развитии литературы в Индии этого периода принадлежит также самаркандскому поэту Манзари.

Таким образом, можно сделать вывод: тимуриды находились в постоянной культурной связи с индийскими государствами. Создание империи Моголов в Индии способствовало, как будет сказано ниже, дальнейшему развитию экономических и политических взаимоотношений Средней Азии и Индии.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ БУХАРЫ С ИНДИЕЙ
В XVI—XVIII вв.**

Вторая половина XVI в. ознаменовалась созданием в Средней Азии и Индии сильных относительно централизованных государств. Почти одновременно с восшествием на престол Акбара (1556—1605 г.), одного из крупных правителей Могольской империи, власть в Бухаре перешла в руки Абдуллы (1557—1598 г.), последнего предприимчивого хана из династии шейбанидов.

Опираясь на феодальную верхушку и торгово-ростовщические элементы, Акбар создал мощную армию и осуществил ряд завоевательных походов, которые привели к значительному расширению территории его государства. При Акбаре империя Великих Моголов простиралась от границ Тибета на севере до реки Гадавара на юге и от Гуджерата на западе до Бенгальского залива на востоке.

Бухарское ханство в царствование Абдуллы хана также объединяло довольно обширную территорию — Мавераннахр, Дашти-Кипчак и Хорасан — и представляло собой сильное в военно-политическом отношении государство.

Со второй половины XVI в. экономические и политические взаимоотношения Средней Азии и Индии носят более интенсивный и систематический характер.

**К ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ СВЯЗЯМ СРЕДНЕЙ АЗИИ
И ИНДИИ В XVI в.—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.**

О наличии торговых отношений между Средней Азией и Индией после монгольского нашествия впервые сообщил известный арабский путешественник Ибн

Батута. По его рассказу, купцы . . . «боевых же коней (которых покрывали кольчугами) доставляли из золотоордынских степей. Этих татарских лошадей на их родине купцы покупали по 50—60 дирхемов (по 8—10 динаров, 1 динар содержал 13 граммов серебра) за голову. Затем лошадей гнали караванными путями в Хормуз, причем, с одним караваном нередко перегоняли до 6 тысяч коней и больше; на каждого купца, в среднем, приходилось по 100—200 коней. . . В Индии же малоценные татарские лошади продавались по 100 динаров (60 дирхемов) за голову. На лучших лошадей цена доходила до 500 динаров и выше. Таким образом, доходы купцов были очень велики».¹

Прибывший в 1442 г. в Хормуз посол Шахруха Абдураззак Самарканди также подчеркивал, что в этом городе производят торговлю купцы из различных стран — Египта, Ирана, Мавераннахра, Дешти-Кипчика (Золотой Орды — *И. Н.*) и Индии»². О том, что торговля Средней Азии с Индией через Хормуз была значительной, подтверждают и данные из «Бабур-намэ». Говоря о Канди-Бадаме, Бабур пишет, что «весь его миндаль идет в Хормуз и в Хиндустан»³.

Таким образом, Хормуз в XIV—XV вв. был центром торговли ближневосточных стран с Индией и немалую роль сыграл также в торговле Средней Азии с Индией в качестве транзитного пункта. Однако и в этот период основным торговым путем между Средней Азией и Индией оставалась караванная дорога через Кабул и Кандагар. «. . . На пути между Хиндустаном и Хорасаном, — пишет Бабур, — стоят два торговых города: один — Кабул, другой — Кандагар. Караваны из Ферганы, Туркестана, Самарканда, Бухары, Балха, Хисара и Бадахшана приходят в Кабул; караваны из Хорасана приходят в Кандагар».

---

¹ *И. П. Петрушевский*, Комментарий географический и исторический к «Хождению за три моря Афанасия Никитина», второе издание, М.—Л., 1958, стр. 206.

² Там же, стр. 202, также *А. Уринбоев* Абдураззоқ Самарқандийнинг Хиндистон сафарномаси, Ўзб. Ф. А. Нашриёти, Тошкент, 1960, стр. 33.

³ *З. М. Бабур*, «Бабур-намэ», перевод М. Салье, Ташкент, изд-во АН УзССР, 1958, стр. 14.

Кабульская область лежит посредине между Хиндустаном и Хорасаном; это очень хороший торговый рынок... Каждый год в Кабул пригоняют семь, восемь или десять тысяч коней. Из нижнего Хиндустана приводят караваны десять, пятнадцать или двадцать тысяч купцов. Из Хиндустана доставляют рабов, белые ткани, сахар, сахарный песок и лекарственные зелья. Многие купцы не довольствуются при торговле прибылью в 30 на десять или 40 на десять...»¹

Как видно из характеристики Бабура, Кабул имел большое значение в среднеазиатско-индийской торговле, нежели Хормуз. Одна из причин этого — сравнительная близость Кабула от Индии и Средней Азии. Ассортимент товаров, которые подлежали обмену между Индией и Средней Азией в Кабуле, или же по караванной дороге через Кабул был весьма богатым и охватывал почти все виды товаров и предметы хозяйственно-бытового характера; именно по этому кратчайшему пути перевозились из Индии различные пряности, лекарственные зелья, а из Средней Азии вывозились в Индию даже разнообразные фрукты.

С захватом португальцами Хормуза (в 1510 г.), а вслед за ними прибрежных районов Индии — Гоа, Диу, Даман и Чаул морская торговля Индии переходит в руки иноземцев. Самое крупное государство на территории Индии — Могольская империя лишается выхода к морю. В силу этих обстоятельств еще больше усиливается значение сухопутных караванных путей через Кабул и Кандагар для внешней торговли Индии. Уже в XVI в. через эти торговые пути ежегодно проходило до 14 тысяч груженых верблюдов, тогда как раньше число навьюченных товарами верблюдов не превышало 3 тысяч².

В капитальном труде индийского историка и государственного деятеля времен Акбара (1556—1605) Абулфазла Аллами «Айини Акбари» имеется специальное перечисление фруктов, привозимых из Турана, то есть из Средней Азии. В «Айини Акбари» называются следующие фрукты: узбекский арбуз, самаркандские яблоки, айва, груша, гранаты, бухарские сливы, сухой виноград, виноград, очищенный миндаль, миндаль, фисташки.

¹ «Бабур-намэ»..., стр. 152—153.

² Н. М. Гольдберг. Русско-индийские отношения в XVII в. Ученые записки Тихоокеанского института, т. II, М.-Л., 1940, стр. 135.

В произведениях восточных авторов мы не находим каких-либо данных об объеме товарооборота Средней Азии с Индией, приводимые в них факты могут лишь подтвердить, что в XVI—XVIII вв. торговые отношения обеими странами были весьма оживленными. Так, по сообщению автора «Абдулла-намэ» Хафиза Таныша, в 1584 г. в Пешавар прибыли несколько караванов с товарами из Декана, Гуджарата, Мультана и других областей Индии. Все эти товары были предназначены для распродажи в Хорасане, Мавераннахре и Туркестане. Однако во время пиршества, устроенного правителем Пешавара в честь купцов, все эти товары от случайно вспыхнувшего пожара сгорели¹. К сожалению, остается неизвестным, какие именно товары привезли индийские купцы.

Говоря о значении Бухары в международной торговле и о бухарско-индийской торговле во второй половине XVI в., английский путешественник Дженкинсон, в частности, писал: «В городе Бухаре бывает ежегодный съезд купцов, приезжающих большими караванами из прилегающих стран: Индии, Персии, Балха, России и разных других; а в прежние времена и из Китая, когда оттуда можно было свободно приехать. . . Важнейшие товары, привозимые сюда из вышеуказанных стран, следующие: индийцы привозят тонкие белые ткани, которые татары обвивают вокруг головы, а также другие сорта белых материй, употребляемых при шитье одежд из хлопчатобумажной бумаги, но они не привозят ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, ни пряностей.

Я выяснил вопрос и установил, что такая торговля идет за океаном, потому что все места, где добываются эти предметы, находятся под властью португальцев. Из Бухары индийцы вывозят шелковые материи, сырые кожи, рабов, коней. . . В бытность мою в Бухаре туда приходили караваны из всех вышеозначенных стран. . .»²

Посетивший Индию во второй половине XVII в. Франсуа Бернье писал: «В Дели имеется довольно внушительный фруктовый рынок. На нем много лавок, которые летом бывают обыкновенно заполнены сухими

---

¹ Хафиз Таныш Бухари. «Абдулла-намэ», ИВАН УзССР, фото. Ленинградской рукописи, л. 451а, б.

² Дженкинсон, Путешествие в Среднюю Азию в 1558, 1560 гг. См. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», перев. с английск. Ю. В. Готье, Л., 1937, стр. 184—185.

фруктами из Персии, Балха, Бухары и Самарканда...»¹
По подсчетам Ф. Бернье, Индия ежегодно покупала в Средней Азии более 25 тысяч лошадей.

На среднеазиатско-индийские торгово-экономические отношения большое влияние оказало присоединение к России Казани и Астрахани (в 1556 г.). Превращение Астрахани в один из торговых центров Российской империи активизировало торговлю России со Средней Азией и другими восточными странами, в том числе и с Индией, хотя Россия пока еще не могла непосредственно торговать с самой Индией. Русско-индийская торговля в XVI—XVIII вв. велась при посредничестве среднеазиатских, индийских и афганских купцов, местом соприкосновения которых была Средняя Азия. Посредническая роль Средней Азии в русско-индийской торговле благотворно влияла на расширение ассортимента в товарообороте между Средней Азией и Индией. Наряду с традиционными товарами из Средней Азии стали вывозиться в большом количестве товары русского происхождения, а из Индии ввозиться товары и предметы, на которые имелся спрос на рынках России. При опросе бухарского посла Фарруха (в 1671 г.), какие товары в Бухаре имеются и какие товары можно вывозить из России, посол ответил: «А товары де у них в Бухарской земле: шелк-сырец, камень, лалы, киндяки, китайки, камки, руда серебряная и оловянная, селитра, а иные де товары привозят к ним из Индии, потому что торговые люди беспрестанно ходят и привозят камень, жемчуг и всякие узорочные товары. А в государстве де царского величества потребны им товары: соболи добрые, лисицы черные, горностан, сукна, кость рыба зубу»².

Индийский купец Майвал Вакол и его товарищи (находящиеся в Москве в 1675 г.) на вопросы чиновников Посольского приказа о том, какие именно русские товары пользуются наибольшим спросом, ответили: «В государстве де Индийском из русских товаров потребнее соболи цены высокой — по 10 и 15 и 20 и по 30 рублей пара, да сукна красные, зеленые добрые; юфти красные, кость рыба добрая; зеркала большие и малые и средня

¹ Франсуа Бернье. История последних политических переворотов в государстве Великих Моголов, перев. с франц., М., 1936, стр. 184.

² Русско-индийские отношения в XVII в. (РиО), Сборник документов. ИВЛ, М., 1958, стр. 171.

руки; да корольки большие и малые красные, добрые; да бархаты золотные и серебряные, турецкие... А всего де лутче и приятнее будет индийскому государю есть ли изволит великий государь послать кречетов и соколов добрых. Да индейской же государь любит тешитца собаки борзыми...¹»

Таким образом, посредничество Средней Азии в русско-индийской торговле способствовало развитию среднеазиатско-индийских товаро-экономических отношений, расширению ассортимента товаров, подлежащих обмену между этими странами.

Нам известны факты, подтверждающие, что правящие круги Бухары и Индии вели между собой постоянную торговлю через уполномоченных на это особых лиц — купчин. В качестве примера приведен следующий обнаруженный нами в рукописных произведениях весьма ценный документ:

«Копия (документа) о тарханстве (выданная) купчине Ахунд Ходже Авазу и его друзьям, на что был приказ царя Индии.

(Все) приставы, сборщики податей, чиновники, приводящие в порядок важные дела высокого царства; джагирдары², фаудждары³, заставы, сборщики налога на переправах и заминдары⁴ от столичного города империи Шах Джахана до дальней пограничной провинции с центром Кабул, лелеявшие надежды на изобилие царской милости, знайте! Поскольку в эти счастливые дни убежище достоинства, достойный (всякий) милости Мулла Аваз заявил августейшему святейшему о том, что он желает ежегодно посылать своих людей в Балх, чтобы привозить оттуда для могущественного двора фрукты, лошадей, верблюдов, а также через них отправлять в те края некоторые материи страны изобилия — Индии. (И поэтому) надеется, что со стороны миродержавца будут оказаны ему великодушные и милосердие и что никто не будет чинить им притеснение и препятствие во время их прихода и ухода, и ни одна душа под каким-либо пово-

¹ Русско-индийские отношения в XVIII в. М., 1965, стр. 57.

² Д ж а г и р д а р — владевший джагиром, т. е. пожалованным шахом земельным угодьем.

³ Ф а у д ж д а р — полицейское должностное лицо и главный судья.

⁴ З а м и н д а р — наследственный землевладелец.

дом не задержит их. На основании этого в прекрасном виде издается весьма ценное и покоряющее мир повеление, по которому все время, когда люди вышеупомянутого, завозив некоторые товары подобной раю Индии, туда привозят из Балха в величественный и прославленный дворец фрукты, лошадей, верблюдов, то во время их отбытия и возвращения пусть не притесняют и не задерживают их по причине налога (пошлины) «чихиляка»,¹ названной страны «данака» и «гушти», «закета», «рахдари», «тамги» и других дел, и пусть (они) через нужные им территории проходят благополучно. И мубаширы² названной провинции, доставляя (им) треугольники для (их) лошадей и другие вещи и исправляя их (этих вещей), отправляют, поставив наверху печать подобно небу высокого порога. Об этом пусть будут осведомлены все и пусть считают необходимым и обязанным предохранить и воздержаться себя от нарушения святейшего высочайшего указа. Пусть высочайшее сидение (на престоле) почитается (ими)³.

Думается, что содержание документа не требует подробного комментария и разъяснений. Ахунд Ходжа Аваз и его компаньоны являлись официальными представителями шахского двора по их торговым делам с внешним миром.

Подытоживая вышеизложенное и учитывая, что обмен товарами происходил также в виде даров и подношений, можно сказать, что из Индии в Бухару в основном вывозились индийские ткани («джамавар», «чиреагабани», «футе»), узорчатые товары, камки, шали, кисеи, золототканые платья, шатры, позолоченные кинжалы, шашки с щитом и другие виды холодного оружия, слоны с позолоченными и отделанными серебром седлами, паланкины, золотые тросы, деньги (рупии и ашрафи), жемчуг, драгоценные камни, золотые и серебряные слитки, различные предметы из золота и другие товары. В Индию из Бухары ввозились лошади, верблюды, борзые собаки, охот-

---

¹ Ч и х и л я к — налог, в размере $\frac{1}{10}$ доли товаров; данак — $\frac{1}{6}$ часть чего-нибудь; гушти — налог на выюнный скот; закет — налог как очищение от греха, $\frac{1}{20}$ или $\frac{1}{10}$ часть дохода, товара, имущества; рахдари — заставная плата, подать; тамга — налог на путешественников.

² М у б а ш и р — надзиратель, уполномоченное лицо.

³ Рукопись Восточного отделения АН Таджикской ССР, № 102.

ничьи птицы (кречеты, соколы, италги), шелк, соболя, шубы из соболей и бобров, рыбы зубы, сырые кожи, рубины различных размеров, редкие и уникальные товары, фарфоровая посуда, перчатки для сокольников, разные фрукты и проч.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ БУХАРЫ С ИНДИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.¹

Политические взаимоотношения между Бухарским ханством и Могольской империей стали со второй половины XVI века оживленными и носили более или менее систематический характер. Инициатива в этом важном деле исходила от бухарского правителя Абдуллы-хана (1557—1598). По данным Абулфазла Аллами, в 1572 г. в Индию прибыл посол Абдуллы-хана Ходжи Алтамыш, который привез с собой письмо императору Акбару и подарки, включающие в себя различные товары и драгоценности Средней Азии.

Содержание письма Абдуллы-хана, как свидетельствует Абулфазл, заключалось в том, что бухарский хан, ссылаясь на добрососедские отношения Средней Азии и Индии в прошлом, предлагал восстановить и укрепить дружественные узы между обеими странами². Говоря о причинах, побудивших Абдуллу-хана отправить посольство в Индию, советский ученый К. А. Антонова в капитальном исследовании общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара пишет: «Эта миссия была вызвана династическими расприями в Бадахшане. Правитель Бадахшана, Мирза Сулайман, пытался присоединить себе полузависимый от Бухары Балх, но узбеки нанесли его войскам тяжкое поражение и убили в бою его старшего сына Ибрахима. Сам Бадахшан оказался под ударом. Мирза Сулайман обратился за помощью к Акбару. Тот обещал ему свое содействие. Узбекское посольство к Акбару должно было выведать положение с Бадахшаном и добиться заключе-

---

¹ Здесь и далее под Индией подразумевается Империя Великих Моголов, а под Бухарой — Бухарское ханство.

² *Абулфазл Аллами, Тарихи Акбар шахи, Ин-т востоковедения АН УзССР, р. 6, л. 460а.*

ния дружественного союза с Индией. Никаких результатов это посольство, однако, не принесло»¹.

По утверждению немецкого ориенталиста прошлого столетия Ф. А. Ноера, бухарскому посольству во главе с Ходжи Алтамышом в Индии не было оказано должных почестей и это, после возвращения посольства на родину, расценивалось в Бухаре как «повод к войне»².

В статье современного индийского историка Р. Ч. Вармы, посвященной вопросу обмена посольствами между государствами Акбара и Абдуллы-хана, также проводится аналогичная мысль о недоброжелательном отношении индийского двора к бухарскому посольству. Как пишет Варма, по установленным в Могольском дворе порядкам не оказывалось должной учтивости тем, с которыми в ближайшем будущем предстояло вооруженное столкновение. Индийский император Акбар будто бы намеревался захватить Мавераннахр, считая его своим наследственным владением. Относительно задачи, возложенной на посольство Ходжи Алтамыша, Варма придерживается такой точки зрения, что, возможно, Абдуллахан через своего представителя предложил Акбару разделить территорию Ирана между Бухарой и Индией и это предложение держалось обеими сторонами в строжайшем секрете³.

Таковы основные мнения отдельных советских и зарубежных ученых о задачах и целях посольства Ходжи Алтамыша. Нам представляется, что по определению цели и задачи посольства Ходжи Алтамыша К. А. Антонова стоит на более правильной позиции, видимо, судьба Балха действительно беспокоила Абдулла-хана, который еще не имел ни времени, ни возможности укрепить свою власть в этом отдаленном районе Бухарского ханства. Не только Мирза Сулайман мог завладеть Балхом, но и правитель Балха также мог стать независимым от Бухары и заручиться в этом деле помощью Могольской империи. Поэтому правительство Абдуллы-хана стремилось как

---

¹ К. А. Антонова, Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605), Изд-во АН СССР, М., 1952, стр. 235.

² F. A. De'Noer. L. Empereur Akbar, Leide, 1883, v. I, p. 262.

³ R. Ch. Varma. Akbar and Abdulla-Khan, „Islamicculture”, v-XXI №4, October, 1947, Hyderabad-Deccan, p. 381.

можно скорее установить добрососедские отношения с Индией.

Кроме вышеизложенного, перед посольством Ходжи Алтамышы стояли и другие, не менее важные задачи, которые заключались в следующем.

Еще задолго до прибытия бухарского посла в Индию здесь побывали одно за другим два посольства из Ирана — первое в 1559 и второе в 1565 гг. Первое иранское посольство возглавлял брат шаха Ирана Техмаспа (1524—1576) — Сайид Бек. В обязанность этого посольства входило выражение соболезнования по случаю смерти Хумайун-шаха и поздравление Акбара с вступлением его на царский престол. Следующее иранское посольство также привезло письмо, гласящее об укреплении единства и дружбы Ирана и Индии¹.

Таким образом, иранский шах раньше, чем Абдуллахан стремился наладить хорошие отношения с Индией. Установление близких отношений между Ираном и Индией явно не устраивало правительство Абдуллы-хана, так как это создавало даже определенную угрозу для Бухарского ханства и поэтому оно, во что бы то ни стало хотело заручиться дружбой с империей Великих Моголов; возможно, на основе этого и предложило через посольство Ходжи Алтамышы разделить территорию Ирана между Бухарой и Индией, хотя в это время Бухарское ханство еще не было настолько сильным государством, чтобы вести войны за пределами своей территории. Возможно и то, что, делая предложение о разделе Ирана, правительство Абдуллы-хана поставило перед собой целью конкретно определить индо-иранские взаимоотношения.

Правительство Акбара, хотя и приняло эти два иранские посольства с подобающей благосклонностью, но не предпринимало шагов к отправлению ответного посольства в Иран; на это у Акбара были свои соображения.

Как известно, отец Акбара — Хумайун, будучи разгромленным в междоусобной войне в Индии, бежал в Иран (в 1544 г.), а через некоторое время, с помощью и при поддержке иранского шаха Техмаспа, начал

---

¹ *Абулфазл Аллами*, Тарихи Акбаршахи, ИВАН УзССР, р. 5345, л. 298а, 339а, а также *Искандер Мунши*, Тарихи алам арайи — Аббасий. ИВАН УзССР, Литогр. 5228, стр. 291.

военные действия для восстановления своей власти сначала на территории Афганистана, а потом и в Индии. За оказанную ему помощь Хумайун отказался от претензий на Кандагар в пользу Ирана¹.

Таким образом, отправление ответного посольства в Иран говорило бы об установлении добрососедских отношений Индии с Ираном, а это, в свою очередь, означало бы признание статус-кво, то есть позволяло считать Кандагар иранским владением. Правительство Акбара явно не хотело этого, наоборот, оно стремилось как можно скорее включить Кандагар в состав Могольской империи. Но, с другой стороны, могольский двор не мог испортить свои отношения с Ираном, так как еще не все индийские владения были присоединены к империи, а иранское государство при Техмаспе было относительно централизованным и сильным. В силу этих обстоятельств правительство Акбара считало целесообразным пока не иметь прямых отношений с Ираном. Однако, вернемся к посольству Ходжи Алтамышы.

Оно также не получило ответа, и это, как мы видели выше, неправильно истолковывалось отдельными исследованиями.

В чем же причина того, что Могольская империя не прилагала особых усилий для того, чтобы завязать близкие отношения и с Бухарским ханством; действительно ли Акбар намеревался пойти войной на Мавераннахр? На этот вопрос мы найдем совершенно правильный ответ у Абулфазла, который в своей «Истории Акбаршаха» в том месте, где он рассказывает о прибытии второго посла Абдулла-хана, пишет, что «и до этого со стороны Туранского правителя были предприняты шаги к укреплению дружбы...», но у победоносной армии было куда больше дел. Первым под удар воинственных войск попал Гуджарат... и лишь после возвращения с победой (из Гуджарата) по просьбе государственных чиновников (Акбар) отправил ответное послание (в Бухару) с целью восстановить прерванный обмен посланиями. (Но к со-

---

¹ Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий, История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. (далее, авторский коллектив, История Ирана...). Изд-во Ленинградск. Университета, 1958., стр., 260.

жалению) Туранский посол Ходжа Алтамыш не сопровождался никем из императорского двора...»¹

Из слов Абулфазла явствует, что во время пребывания первых бухарских послов в Индии Акбар был занят присоединением одной из крупных провинций Индии — Гуджарата и поэтому послам пришлось долго ожидать приема. Что касается того, что ответное посольство в Бухару не было отправлено, на наш взгляд, это можно объяснить тем, что в могольском дворе, видимо, еще не было точного представления о политической ситуации в Средней Азии, в частности о том, что силой оружия Абдулла-хан многие разобщенные владения Мавераннахра уже включил в единое государство. Но здесь ясно одно, что правительство Акбара не собиралось нападать на Мавераннахр. В этом отношении немаловажное значение имеет обмен посланиями Акбара с бухарским ханом. (К сожалению, письмо Акбара до сих пор не обнаружено).

Через пять лет, в 1577 г., в Индию прибыло второе бухарское посольство во главе с Абдурахимом. На этот раз, по словам Ноера, послам из Турана был оказан «более дружественный прием»².

Посольство Абдурахима прибыло с предложением о разделе территории Ирана между Бухарой и Индией и предполагало отторгнуть от него Хорасан, Ирак и провинцию Фарсистан³. Посольство Абдурахима возвратилось не одно. Вместе с ним прибыло ответное посольство из Индии во главе с Мирзой Фуладом, которое Абдуллахан принял (в 1578 г.) в Замине. Прибытие индийских послов совпало с политическими осложнениями в Замине и Самарканде; правители которых восстали против Абдуллы-хана.

Как пишет придворный историк Абдуллы-хана Хафиз Таныш Бухари, индийский посол привез с собой письмо, в котором извещалось о «единстве, содружестве и послушании», и достойные чина и положения Абдуллы-хана подарки и подношения. Посольство было принято Абдуллоу-ханом с честью и достоинством, возможно, просьба индийских послов о скорейшем их возвращении

¹ Абулфазл Аллами, Тарихи Акбаршахи, р. 1604, л. 1076.

² Ф. А. Ноер, указ. соч., стр. 262.

³ Абулфазл Аллами, указ. соч., л. 1076, Ф. А. Ноер, указ. соч., там же. Р. Ч. Варма, указ. соч., стр. 383.

в Индию была отклонена и они долго находились при бухарском хане¹. Видимо, Абдулла-хан хотел продемонстрировать перед индийскими послами свою силу и могущество при разгроме повстанцев.

К сожалению, в произведении Хафиза Таныша «Абдулла-намэ» других сведений о деятельности индийских послов в Бухаре нет. Нет и полного текста послания Акбара Абдулле-хану. Абулфазл Аллами в «Истории Акбаршаха» говорит, что в послании император Акбар выразил свое несогласие с предложением о разделе Ирана, сославшись при этом на то обстоятельство, что иранский шах также принадлежит к потомкам пророка и что дружественные отношения между Ираном и Индией установлены с давних времен².

Ф. Н. Ноер, Р. Ч. Варма и вслед за ними К. А. Антонова, которые пользовались в основном «Историей Акбаршаха», также придерживаются точки зрения Абулфазла о том, что Акбар отказался от объединения с Бухарой для борьбы против Ирана. К. А. Антонова пишет: «Выбор в качестве посла человека (т. е. Мирзы Фулада — *И. Н.*), известного суннитскими убеждениями, должен был, очевидно, смягчить горечь отказа»³.

Нам представляется, что Акбар отказался от предложенной ему совместной борьбы против Ирана не потому, что иранский шах (как бухарский хан и индийский император) принадлежал к потомкам пророка и не потому, что он помнил о прежних индоиранских дружественных отношениях. Акбар так же как и Абдулла-хан старался захватить часть иранской территории, в первую очередь думая о включении в состав своей империи отторгнутой от Индии провинции Кандагар. Вся суть заключалась в том, что у Акбара не было возможности осуществить свои замыслы, хотя большая часть империи и находилась под его властью, но граничащие с Ираном крупные владения, такие как княжества Тхата, Сеистан и Мекран оставались непокоренными. К тому же власть Акбара еще не укрепилась в Кабуле, правителем которого был (назначен еще Хумайуном) его сводный брат Мухаммад Хаким

¹ Хафиз Таныш Бухари. Шараф намайи-шахи йа Абдулла-намэ. (ИВАН УзССР, р. 2207, л. 384а, б.)

² Абулфазл Аллами. указ. соч., л. 1076.

³ К. А. Антонова. Очерки общественных отношений..., стр. 235.

Мирза. Что касается положения в Иране, то после смерти Техмаспа в стране разгорелись дворцовые распри и межплеменная борьба. Посаженный на шахский трон Исмаил II через полтора года был убит. Второй сын Техмаспа, известный под именем Худабанда (1578—1587), был больным и слабовольным.

Бухарский хан хотел воспользоваться осложнениями в Иране, чтобы завоевать часть его владений.

Индийский же император, будучи занят своими внутренними делами, не мог пойти войной на Иран. По мнению индийского историка Р. Ч. Вармы, одной из ответственных задач, возложенных на посольство Мирзы Фулада, была ликвидация дипломатическим путем опасности, нависшей над Бадахшаном¹.

Поэтому Акбар не мог согласиться с предложением Абдуллы-хана. Нельзя забывать и о том, что Акбар резко не осуждал Абдуллу-хана за его враждебность к иранцам, а считал лишь борьбу против Ирана нецелесообразной. Этим самым могольский двор хотел подтвердить дружеские отношения к Бухаре и избежать осложнения в вопросе о Бадахшане, хотя последний был уже решен. Абдулла-хан давно выжидал удобный случай для аннексии Бадахшана.

В начале 1584 г. Абдулла-хан во главе большого войска прибыл в Балх под видом участия в церемонии официальной передачи этой области принцу Абдулмумину. На самом же деле, это была подготовка к походу на Бадахшан. Почувяв, чем пахнет такая официальная передача Балха принцу, правитель Бадахшана Шахрух Мирза отправил в Балх к Абдулле-хану одного из своих приближенных Шах Хасана. Но Абдулла-хан отказался принять посла Шахруха Мирзы, он иронически ответил послу через своего чиновника, что собирается разговаривать с послом в ближайшие дни в Бадахшане².

Действительно, через некоторое время бухарские войска вступили в Бадахшан и присоединили его к территории Бухарского ханства.

---

¹ Р. Ч. Варма, указ. соч., стр. 383—384.

² Здесь и далее мы ссылаемся на Ленинградский вариант «Абдулла-намэ» Хафиза Таныша, фотокопия которого находится в фонде ИВАН УзССР. Хафиз Таныш, указ. соч., л. 410а.

В 1585 г. скончался правитель Кабула Мухаммад Хаким (сводный брат Акбара). Вслед за этим начались феодальные распри в Кабуле и Забулистане. Одновременно выступления местных княжеств против Могольской империи начались в Кашмире и Гуджарате. В это время особенно усиливались освободительные движения афганских племен. Все это вынудило Акбара перенести свою резиденцию из Агры в Атток (Аттек Банарас, 4 января 1586 г.). Против афганцев Акбар послал два крупных войска, одно во главе с Зейнханом Кука в Сивад Буджир и другое под предводительством опытного полководца Бир Бала (или Бир Бара). В самый разгар острых политических событий поступают сведения о вступлении послов из Турана в Индию. Вслед за поступлением этих сообщений последовал императорский приказ об отправке группы ахадиев¹ во главе с шайхом Фаридом Бахши, чтобы обеспечить охрану послов. Одновременно для охраны бухарских послов прибыли со стороны Кабула войска во главе с Ман Сингом.

Причины и обстоятельства снаряжения и отправки посольства из Бухары в Индию в индийских и среднеазиатских источниках истолковываются различно и порой диаметрально противоположно.

«Когда знамя завоевателя мира,— пишет Абул-фазл,— достигло берегов Синда, и созвучие его похода в Забулистан стало всеуслышанным и, когда кутвал сообщил о том, что лошади и верблюды успешно проходили через труднопроходимый (ранее) проход² и на реке Синд (уже) построен мост, то в Туране начали сильно беспокоиться, и от страха «открытия» (т. е. захвата — И. Н.) ранее «закрытого» Балха походом императора (Индии)

¹ А х а д и — отборные военные отряды, находившиеся под непосредственным наблюдением самого императора. Они получали большое жалование из государственной казны. Отряды ахадиев охраняли гарем шаха, наблюдали за военными цехами, держали под своим контролем деятельность военачальников и выполняли другие важные задания шаха.

² Речь идет, видимо, о расширении Хайберского прохода. По данным Ф. А. Ноера, если раньше через Хайберский проход могли проехать только навьюченные лошади и слоны по одному, то после его расширения свободно проехали запряженные лошаадьми арбы (Ноер, указ. соч., т. 1, стр. 166).

правитель Турана Абдулла-хан с целью осведомиться с обстановкой и взвесить ее, прибег к мерам угодничества (Акбару) и, сделавшись просителем, направил в высокий двор одного из высокопоставленных лиц Мир Курейша вместе с (подарками) из высокопородных лошадей и верблюдов, охотничьих птиц, мехов отборного сорта и других изящных вещей той страны и, посылая приятное письмо (Акбару), стал (сделал) причиной дружбы»¹.

Современный индийский историк Р. Ч. Варма, фактически повторяя высказывания Абулфазла по поводу прибытия бухарских послов в Индию, добавляет к ним от себя утверждение, что с укреплением власти Могольской империи в Кабульской провинции Абдулла-хан лишился возможности самостоятельно действовать по отношению к Ирану, и вынужден был считаться с мнением индийского шаха в этом вопросе, особенно в тот момент, когда новый шах Ирана Аббас стремился завязать дружеские отношения с Индией².

Прежде чем говорить о точке зрения бухарского историка Хафиза Таныша, считаем целесообразным остановиться еще раз на оценке Абулфазлом посольства Мир Курайша. Абулфазл пишет, что причиной того, что бухарские послы долгое время не принимались Акбаром, явилось продолжительное оплакивание индийским императором смерти любимого полководца Бир Бала, погибшего в борьбе против афганцев. Все это время Акбар, якобы, совсем не занимался государственными делами.

Наконец, 14 марта 1586 г., в день праздника 32-й годовщины правления страной, состоялся прием бухарских послов³.

По утверждению Абулфазла, Акбар, задумавший совершить поход в Забулистан, по просьбе бухарских послов не только отложил это мероприятие, но даже согласился уйти из Аттока, поскольку его пребывание в этом близком к границам бухарского ханства месте «причиняет Абдулле-хану страхи, беспокойства»⁴. Ров-

¹ Абулфазл Аллами, указ. соч., л. 275б.

² Р. Ч. Варма, указ. соч., стр. 384, 385.

³ Абдулкадир бин Мулукшах Бадаваний, Мунтахабут-таварих, ИВАН УзССР, р. 25, л. 307а.

⁴ Абулфазл Аллами, указ. соч., л. 275б, 279б.

но через месяц после этого, 14 апреля 1586 г., Акбар со всей своей свитой прибыл в Лахор.

Утверждение Абулфазла не соответствовало действительности. В сообщениях другого историка периода Акбара, Абдулкадыра бин Мулук-шаха Бадавани мы находим более объективное и правильное объяснение политической обстановки того времени. Акбар покинул Атток отнюдь не по просьбе бухарских послов, он вынужден был так поступить ввиду расширения восстания афганских племен. Его войска, отправленные против афганских повстанцев под предводительством Зайн-хана, были наголову разбиты; военачальник другого отряда могольской армии Бир Бал убит; в результате ряда неудач, постигших моголов, создавалось реальное опасение, что афганцы могли напасть на Атток Банарас. Вот почему Акбар, предупреждая такой нежеланный оборот событий, оборону Аттока поручил одному из знаменитых полководцев своей эпохи Тодару Ману¹.

Таким образом, нависшая над Аттоком опасность и в добавление к этому (о чем между прочим говорит и Абулфазл, не придавая значения своим словам) возникнувший в Аттоке и его окрестностях голод и резкое повышение цен на предметы первой необходимости² заставили Акбара переменить место своей резиденции.

Прав Ф. А. Ноер, утверждая, что, избрав в качестве временной резиденции город Лахор, Акбар намеревался, находясь вблизи к арене военных действий, руководить борьбой против афганцев и против белуджей, а вслед за этим вести войну в Кашмире.

Теперь рассмотрим, что пишут среднеазиатские авторы, в частности Хафиз Таныш, о посольстве Мир Курайша в Индию. По данным Хафиза Таныша, посольство везло в Индию вместе с большими подарками письмо Абдуллы-хана, адресованное индийскому шаху. В письме, в частности, было сказано, что Бадахшан, расположенный на пути в Мекку, находится в руках неверных шиитов и поэтому весною следующего года туда направ-

---

¹ Бадавани, указ. соч., л. 3066, 3076.

² Абулфазл Аллами, указ. соч., л. 2756, 2796.

вятся победоносные бухарские войска, для того чтобы очистить эти края от нечистых кизилбашей¹.

Абдулла-хан далее просил индийского шаха о том, что если «нечистые люди», будучи разгромлены бухарскими силами, придут в Индию за помощью, то пусть Акбар не предоставит им приют, а выгонит за пределы Индии.

Посольство Мир Курайша сопровождалось бывшим правителем Балха Назарбием с его тремя сыновьями: Шадибий, Камбарбий и Бакибий².

Следовательно, в «Абдулла-намэ» высказывается предположение, что посольство Мир Курайша должно было разъяснить причины захвата Бадахшана, показать, что эти действия Бухарского ханства отнюдь не направлены против могольской Индии, а бухарский хан, дескать, был вынужден так поступить ради дела Ислама. Подобным угодничеством Абдулла-хан намеревался смягчить акт аннексий Бадахшана, который мог бы отрицательно повлиять на бухарско-индийские отношения, тогда как сохранение и укрепление добрососедских отношений Бухары с Индией было крайне необходимо, поскольку Абдулла-хан торопился идти войной на Иран. Поэтому, сразу за восстановлением порядка в Дашти-Кипчаке, он, еще находясь в Самарканде, снарядил и отправил посольство в Индию. На руку Абдулле-хану было и то, что внутреннее положение Ирана в это время усложнилось феодальными распрями и дворцовыми интригами.

Перед посольством Мир Курайша, таким образом, стояли весьма серьезные и ответственные задачи: установить добрососедские отношения с Индией и добить-

---

¹ Здесь необходимо заметить, что после захвата Бадахшана бухарскими войсками поступили вести о начавшемся восстании казахов и беспорядках в Дешти-Кипчаке. В то время, когда Абдулла-хан был занят подавлением восстания казахов и восстановлением своей власти в Дешти-Кипчаке, воспользуясь случаем, Мирза Сулайман снова завладел частью территории Бадахшана. (*Низамуддин Ахмад*, Табакати Акбаршахи, ИВАН УзССР, 3341, л. 292а. Здесь было бы уместно напомнить и то, что одно из крупных, населяющих Бадахшан племен шугнанцы, как сообщает хронист XIX в. Мир Абдуклерим Бухари, исповедуют шиитский толк Ислама (*И. Низомиддинов*, Абдулкарим Бухарий, изд-во «Фан», Ташкент, 1966, стр. 40.

² *Хафиз Таныш Бухари*, указ. соч., л. 457б.

ся согласия могольского императора на осуществление агрессивного плана Абдуллы-хана по отношению к Ирану.

К сожалению, до сих пор нам не удалось найти письмо Абдуллы-хана, отправленное в Индию через посольство Мир Курайша. Но при изучении различных «Сборников писем» в рукописи, хранящейся в фонде ИВАН УзССР за № 289, нами обнаружен один важный документ, который в какой-то степени проливает свет на выяснение и определение характеристики отдельных моментов деятельности данного посольства. Этот документ называется: «Письмо, которое написали убежище царства Хазрат (т. е. Абдулла-хан) государю Хинда (Индии) по поводу посольства Мухаммада Назарбия дадха». В письме посол назван именем Мухаммад Назарбий дадха. Выше мы уже говорили, что вместе с послом Мир Курайша в Индию направился правитель Балха Назарбий с тремя сыновьями.

Раньше Назарбий был одним из близких Абдулле-хану лиц, он первым признал Абдуллу-хана, когда последний вступил на престол (после смерти своего отца Искандар-хана), но вскоре между ними возникли разногласия. Нам кажется, что причиной разногласий явилось отстранение Назарбия от управления Балхом: хан под каким-то предлогом послал Назарбия (вместе с сыновьями) в Мекку. По сообщению Абулфазла, Назарбий и его сыновья были приняты Акбаром раньше, чем посол Мир Курайша¹.

Почему же Абдулла-хан, посылая Назарбия в Мекку, снабдил его официальным документом — посланием индийскому царю? Ответ на этот вопрос содержится в самом документе. Послание Абдуллы-хана Акбару начинается, как обычно, с восхваления и возвеличивания личности индийского шаха, в частности, Акбар уподобляется «саду справедливости и могущества, цветнику величия и счастья, месту восхода царских лучей, светящей звезде шахиншахского неба» и т. д.

Далее излагаются события, происходившие в пределах Бухарского ханства. Говорится о том, что все 92 узбекские племена и народности полностью покорились; казахи, киргизы, а также и калмыки стали послушны-

¹ Абулфазл Аллами, указ. соч., л. 271а, 280а.

ми — в стране господствует мир и единодушие, и поэтому настало время отправлять послов в соседние страны, в первую очередь, как подчеркивается в письме, «в переполненный радостью двор того избранца славы» — Акбара, ибо в прежние времена отцы и деды нынешних царей, обмениваясь послами, держали постоянную связь между собой, как говорится — не бывает далекого расстояния для душевных переписок. После поздравления Акбара со вступлением на царский престол и пожелания ему счастливого правления, Абдулла-хан переходит к изложению того, что еретики-шииты (иранцы) чинят всякие препятствия лицам, едущим на поклонение в Мекку и Медину. С целью проучить шиитов, чтобы они больше не совершали таких преступных дел и встали на правильный путь (т. е. приняли суннитский толк Ислама) к ним был отправлен один из знатных лиц, борец за веру Мухаммад Назарбий дадха. К сожалению, Мухаммад Назарбий дадха, вернувшись в Бухару, доложил, что шииты-иранцы отказались принять предложенные им условия. После этого, как говорится в письме, Абдулла-хан отдал распоряжение правителю Хорезма напасть на Машхад, Астрабад и Нишапур, а мангытам и туркменам приказал действовать против Ирана со стороны Мерва. На совете, где присутствовали эмиры и другие высокопоставленные лица, было решено отправить посла в дружественную страну — Индию, чтобы индийский государь также принял участие в войне против шиитов-еретиков и «два жемчуга рудника доблести, поддерживая и помогая друг другу, совершили бы (совместный) поход, чтобы опрокинуть эти группы людей и превратить их край в исламабад (т. е. в край торжества ислама)».

Письмо заканчивается следующими строками: «Поскольку сказалось доверие на слова, действия и желания этого раба (т. е. Мухаммада Назарбия дадха), то его отправили (в Индию) с целью довести о вышеизложенном намерении и поздравить со счастливым восшествием Вас на высокий, подобно небу, престол». И далее выражается надежда, что индийский царь долго не задержит бухарского посла и в свою очередь из Индии направит послов в Бухару.

Содержание письма позволяет прийти к выводу, что, хотя Абдулла-хан и удалил на время Назарбия из пределов Бухарского ханства, но он все еще продолжал

считать его одним из высокопоставленных лиц своего государства. Снабдив Назарбия официальным документом — письмом индийскому шаху, Абдулла-хан использовал его как своего личного представителя, чтобы поздравить Акбара со вступлением на трон. Посольство же Мир Курайша являлось государственным посольством, облеченным правом вести официальные переговоры. Отправляя Назарбия вместе с посольством Мир Курайша, Абдулла-хан возможно хотел убедить индийского шаха свидетельством Назарбия, как участника войны за веру, в преступных шагах шиитов по отношению к паломникам и, таким образом, в какой-то степени способствовать успехам бухарского посольства.

Хотя Абдулла-хан в своем письме и предлагал индийскому государю совместно вступить в войну против Ирана, но по сути дела его больше удовлетворяла нейтральная позиция Индии в бухарско-иранских отношениях. Главной целью посольства в Индию было стремление сохранить мирные отношения с Могольской империей.

Посольство Мир Курайша пробыло в Индии более шести месяцев. По словам Бадавани, столь длительная задержка объясняется тем, что в дни нахождения бухарских послов в Индии, могольские войска вели войну в Кашмире, правитель которого долго не соглашался покориться Акбару.

Мир Курайш получил разрешение выехать на родину лишь после победы над Кашмиром, и это говорит о том, что Акбар явно хотел продемонстрировать перед бухарцами силу и могущество своего государства¹.

Бухарские послы выступили в путь 28 августа 1586 г. вместе с ответным посольством Индии в Бухару. Весть о выезде бухарских и индийских послов пришла как раз в то время, когда авангард бухарских войск под предводительством Кулбаба Кукалташа высадился на левый берег Аму-Дарьи. Абдулла-хан с нетерпением ждал ответа из Индии. Чтобы ускорить приезд индийских послов, Абдулла-хан отправил к правителю Кабула своего представителя с просьбой не задерживать индийских послов различными официальными делами, а Мир Курайшу приказал без промедления явиться ко двору.

¹ *Абдулкадыр бин Мулукаш Бадавани*, указ. соч., л. 307б.

Обмен послами означал, что Индия не намерена изменить своим мирным отношениям с Бухарой. Поэтому Абдулла-хан ускоренным темпом концентрирует военные силы.

В марте 1587 г. индийские послы прибыли в Кабул и, ознакомившись с распоряжением Абдуллы-хана, ускорили свой отъезд, и в августе 1587 г. Мир Курайш представляется Абдулле-хану в Герате. Отметим, что к этому времени часть Герата уже была захвачена бухарскими войсками и Абдулла-хан сделал своей резиденцией медресе «Султан Хусайн Мирза». Послы прибыли в Герат в начале ноября 1587 г. и буквально на следующий день в медресе им был устроен торжественный прием.

В «Абдулле-намэ» Хафиза Таныша приводится подробное описание этого приема, и проф. И. И. Умняков в своем замечательном труде «Абдулла-намэ» Хафиза Таныша и его исследователи¹ дает полный перевод на русском языке.

Хафиз Таныш так описывает эту церемонию: «На следующий день Абдулла-хан приказал устроить царский пир в медресе Султана Хусайна Мирзы, поставить там для него трон под куполом, а всем нанбам, эмирам и войску разместиться сообразно своему положению. Особому отряду в вышитых золотом халатах и вооруженному мечами, украшенными жемчугом, было приказано прислуживать. Дворцовые хаджибы (служители), подобные месяцу и солнцу, с серебряными посохами и с золотыми, стояли и прислушивались к указаниям государя. Когда собрание состоялось, Хаким Хамам и Садр-Джахан с остальными послами были введены на царский пир. Был отдан приказ, чтобы они представились так, как это делают на аудиенции у своего государя. Поэтому Хаким Хамам с большим волнением к месту подойдя 27 раз приветствовал и все условия посольства и этикета выполнил. А приветствие заключалось в том, что он, опустив ладонь руки к земле, поднял затем ее вверх, а выйдя вперед, опустил голову. Когда он приблизился к высочайшему месту, он стал на колени, поцеловал руку и передал послание, принесенное с собой, содержание ко-

---

¹ И. И. Умняков, «Абдулла-намэ» Хафиза Таныша и его исследователи, «Записки Коллегии востоковедов», Л., 1929, т. V, стр. 327—328.

того заключалось в выражении любви и дружбы, в предложении действовать сообща для защиты против общих врагов. Затем послы через посредство Кулбаба Кукалташа принесли достойные дары из произведений Индии. Абдулла-хан тут же, в присутствии послов, раздал их своим вельможам и всем вплоть до низших чинов войска. На следующий день послы Индии отправились к Абдал-Мумин-султану (сыну¹ и наследнику Абдулла-хана), представились ему и поднесли богатые подарки. Затем, по приказанию Абдуллы-хана, вельможи по очереди устраивали в честь послов празднества, на которых обменивались подарками. В последних числах месяца Зуль-када был отдан приказ, чтобы Мир Курайш доставил индийских послов в Бухару до взятия Герата и, чтобы главный казий Нураддин Мухаммад отвел для них хорошее помещение и позаботился о их содержании».

Оказав торжественный прием индийским послам и отправив их в Бухару, Абдулла-хан готовился к окончательному захвату Герата.

Индийские послы Хаким Хумам (в статье проф. И. И. Умнякова — Хаким Хамам) и Садр Джахан привезли с собой, как это было сказано выше, большие подарки и письмо Акбара, адресованное Абдулле-хану. Если Хаким Хумам был официальным послом Могольской империи в Бухарском ханстве, то Садр Джахан являлся личным представителем Акбара, направленным для выражения соболезнования по поводу кончины отца Абдуллы-хана — Искандер-хана.

Прежде чем оценить содержание письма Акбара Абдулле-хану и высказать свое мнение об индо-бухарских отношениях на данном этапе их развития, целесообразно ознакомиться с посланием могольского императора бухарскому хану.

В начале письма в весьма длинных и пышных выражениях возвеличивается личность Абдуллы-хана, в частности, он называется «высокопочтимым» лицом; характеризуется как «убежище победы и величия, достоинства и славы», «опорой славного и высокого дома» и т. д. и т. п. и потом говорится о получении в Индии письма Абдулла-хана, в котором «содержатся дружественные и чистосердечные отношения, средства любви и дружбы». Далее, индийский монарх выражает уверенность, что «дружественные отношения обеих стран и хо-

рошие взаимоотношения между нами являются достоверными и водворенными и близкие связи соединены родственными узами... Очевидно, что плодотворные результаты этого единства и этой дружбы служат средством благополучия мира и всех народов, а также спокойствия всего света и всех людей». По-видимому, в письме Абдуллы-хана была высказана мысль, что причиной длительного перерыва в дипломатических отношениях между Бухарой и Индией явились слухи, дошедшие до Бухары, об отходе Акбара от основных принципов ортодоксального ислама. В связи с этим в своем ответе индийский монарх отвергает такого рода обвинения и считает это очередным вымыслом и клеветой своих врагов и в качестве доказательства приводит следующее изречение:

«Говорили, что у бога есть сын;
Говорили, что пророк был жрецом.
Если ни бог, ни пророк не спаслись от людских наветов,
То как могу спастись я?»

Продолжая доказывать, что он является истинным мусульманином, Акбар пишет: «Слава богу, что с самого начала творения и создания изобретенного рассвета (с момента рождения — *И. Н.*) и с начала возникновения сияющих лучей счастливого (нашего) царства воззрением нашего желания постоянно были пути укрепления наций и религии, а также способ усиления правды и истины...»

Как утверждал Акбар, он покорил огромную территорию Индии, много индийских княжеств. И он надумал идти войной против утвердившихся на берегах Дарьян Шур (Камбейского залива) фаранги-португальцев, которые препятствуют паломникам и притесняют купцов. «Однако, (как раз в это время) стало известно о том, что некоторые иранские эмиры, став на путь неверности по отношению к своему государю... совершили отдельные беспорядки. Познающий истину наш разум думал о том, чтобы одного из (своих) счастливых и славных сыновей... назначили в ту сторону и пока, не оказав необходимую (им) помощь, душа (наша) не успокоится и мы не позволим себе взяться за какое-либо другое дело. В эти дни Султан Турции... заметив слабое положение правителя Ирака (читай, Ирана — *И. Н.*) несколько раз по-

слал войска (на Иран). Хотя (иранцы) отходили от основного пути сунната и джамиата, но из-за искренней любви к потомкам пророка (Мухаммада) мы отправимся в дом пророка и окажем помощь (иранцам) для того, чтобы это было достойно обычаев наших предков. Это важно и потому, что в этот момент стало известно, что правитель Ирана отправил (в Индию) Али Кули сына Султана Хамадана с дарами и подношениями и с просьбой оказать (ему) помощь и поддержку. (И поэтому) благовелению нашему высокого намерения стало обязательным и необходимым, чтоб поводыя (нашего) предприятия повернулись в сторону Ирана и Хорасана.

Так (еще) мыслится, что поскольку дружественные и близкие отношения с тем властелином (Абдуллох-ханом) имеются с древних времен и поскольку отправлением через убежища сейидов и набожных людей Мир Курайша дружественного послания заново укрепилось правило дружбы и усилились законы единства, то в тот момент, когда рубежи Хорасана становятся местом разбития палатки счастья и установления шатров славы и великолепия, тогда то убежище власти, также отправляясь из своей страны, соизволит посетить эти рубежи, чтобы этот край стал местом соединения двух рек славы и величия, а также местом возникновения двух звезд мощи и достоинства, и пусть, путем (собеседования) лицом к лицу, без посредничества послов и посланий еще крепче установится основа любви и единства...»

Акбар далее пишет, что если эта, предложенная им, встреча двух правителей состоится, то стороны должны прийти к единому заключению: «если на одной стороне (т. е. во взглядах одной стороны) имеется больше справедливости и правосудия, то другая сторона, считая своей обязанностью согласиться с мнением первой стороны, должна быть в полном единении с ней и не сходить с (ее) правильного пути. И теперь, когда наше единство и союз всем народам мира стали ясны и очевидны, все то, что является нашим и вашим благоразумием по поводу помощи и поддержки правителю Ирана и Хорасана из скрытого должно стать явным».

Вторым важным вопросом, затронутым в письме Акбара, был вопрос, связанный с деятельностью Шахруха Мирзы. Здесь индийский царь обвиняет Шахруха Мирзу в трех его проступках; во-первых, в непослуша-

нии Шахруха Могольской империи, во-вторых, в том, что правитель Бадахшана, пренебрегая дружбой между Бухарой и Индией, затеял непосильную войну с Абдулла-ханом и, наконец, в-третьих, Акбар упрекает Шахруха в том, что он непочтительно отнесся к своему благородному деду — Мирзе Сулейману. Вследствие этих своих нехороших поступков, как утверждает индийский император, Шахруху Мирзе сопутствовало несчастье. Но в конце концов Шахрух Мирза «проснулся от сна беспечности» и прибыл в Индию, где Акбар оказал ему милость. «И можно надеется, — пишет индийский правитель, — что по условиям дружбы и близких отношений то убежище величия (Абдулла-хан — *И. Н.*) также закроет глаза на его грешные поступки».

Далее в письме подчеркивается, что для укрепления основы любви и усиления правила дружбы «из Индии в Бухару отправлен с посольской обязанностью «главный сановник по проницательности конфиденциальных дел» Хаким Хумам... , а для выражения соболезнования по случаю кончины благословенного Искандар-хана назначен «один из знаменитых сеидских вельмож (сановников) и прославленных благочестивых лиц этой страны» Мир Садр Джахан. В заключение Акбар выражает надежду, что бухарский хан и впредь будет отправлять послов и послания в Индию и тем самым способствовать укреплению дружественных отношений между обеими странами.

Послание Акбара растолковалось учеными различно. Например, Ф. Н. Ноер считал, что «в письме Акбара сквозила под маской восточной вежливости едкая и угрожающая ирония. Ибо, опустошителем Хорасана был никто иной, как сам Абдулла-хан. Однако политика «вооруженного мира» Акбара не метила столь далеко и поэтому, в конце письма говорится, что император расположен простить туранца за его вмешательство в дела Кабула. Эти слова вновь открывали путь к переговорам, и Абдулла-хан мог заключить, что Акбар оставил за ним всю свободу действий, если он не совершит по отношению к нему (Акбару) никакого враждебного акта¹.

---

¹ Ф. А. Ноер; указ. соч., 170—180 стр.

По оценке индийского историка Р. Ч. Вармы, письмо Акбара пропитано духом раздела Ирана. В качестве доказательства своих доводов, что между Бухарой и Индией была достигнута договоренность о дележе территории Ирана, Р. Ч. Варма приводит следующие аргументы:

1. Император Индии молчаливо отнесся к захвату Бадахшана Бухарой, хотя и считал необходимым представить Шахруху Мирзе убежище в Индии.

2. Абуфазл в одном из писем к Хакиму (Хумама — *И. Н.*) сообщал: «Его Величество обратит свое внимание на захват острова фарангов (европейцев, т. е. Гоа, Диу и Даман — *И. Н.*), если будет достигнут удовлетворяющий договор (с Тураном — *И. Н.*)»

3. В «Акбар-намэ» приводятся слова Абдуллы-хана, высказанные через Хакима Хумама в адрес Акбара, что захват Герата и завоевание Хорасана он (Абдулла-хан) считает результатом благосклонности шахин-шаха.

4. Принц Абдулмумин писал турецкому султану Мураду III: «Государь Индии тоже закрепил дружбу с этим высокочтимым домом; он прислал к сему чертогу убежища ислама Хакима Хумама одного из своих особо доверенных лиц с дарами, подношениями и письмом, заключающим выражения дружбы и любви. Такое количество выражений расположения, **полного единения и тесного сближения** (подчеркнуто нами) было проявлено (при этом), что больше того и представить невозможно»¹.

5. Позже бухарский хан Имамкули-хан в письме Джахангиру тоже утверждал, что между Абдуллой-ханом и Акбаром заключался союз для завоевания дорог, ведущих к священным местам и благодаря такому союзу часть Ирана (Персии), а также весь Хорасан были завоеваны².

Далее Варма отмечает, что, естественно, Акбару не хотелось, чтобы Абдулла-хан завладел северными провинциями Ирана и поэтому наилучший выход из положения для двух монархов — встреча их в Хорасане, в результате которой можно было бы оказать помощь Шаху Аббасу в укреплении его власти в Иране³.

¹ Мы взяли этот отрывок из книги Мухаммада Юсуф Мунши, «Муким-ханская история», перев. с тадж. проф. А. Семенова, стр. 65.

² Р. Ч. Варма, указ. соч., стр. 85—386.

³ Там же, стр. 386.

В работе К. А. Антоновой читаем: «В послании, отправленном Абдулло-ханом Акбару, правитель Мавераннахра укорял Акбара за вероотступничество и обосновал свои претензии на Бадахшан. Акбар отправил в Бухару ответное посольство, во главе которого поставил шиита Хакима Хумама, ставшего последователем «божественной веры» и Садр Джахана, своего садра, тоже одного из самых ревностных последователей новой веры. Самая посылка шиита в качестве главы посольства ко двору покровителя суннизма могла быть воспринята только как **скрытая насмешка над Абдулло-ханом**, его религиозными убеждениями и претензиями.

Абдулла-хан сделал вид, что не заметил этой дипломатической игры и принял индийское посольство с большими почестями...»¹.

При разборе и оценке послания Акбара к Абдулле-хану, в связи с рассмотрением индо-бухарских отношений, необходимо, как нам кажется, исходить из сложившейся в рассматриваемый период исторической обстановки в Индии и Бухарском ханстве.

Мнение о том, что Акбар в своем письме угрожал Абдулле-хану или собирался напасть на Мавераннахр, не имеет, нам кажется, основания. Акбар не мог воевать с Бухарским ханством не только потому, что для Могольской империи в самой Индии было много возможностей для расширения территории, а и потому, что хотя в Кабуле была упрочена власть Акбара, но все же продолжающиеся восстания афганских племен, слабость тыла не позволяли вести войны за рубежами Индии.

Конечно, Акбар и его двор прекрасно знали об этом, и поэтому Акбар не мог угрожать Абдулле-хану, ибо это несовместимо с признанием акта аннексии Бадахшана Бухарой. Все это говорит о том, что Могольская империя не могла воспрепятствовать действиям бухарского хана; будучи занятой борьбой против афганцев, белуджей, завоеванием Кашмира, далее Таты, Сейстана, она, во-первых, сочла необходимым иметь хорошие добрососедские отношения с Бухарой, несмотря на то, что последняя включила в состав своей территории область Бадахшана и, во-вторых, Могольская империя не могла воспользоваться ослаблением Ирана для захвата части его терри-

¹ К. А. Антонова, указ. соч., стр. 236—237.

тории. Эти соображения вынудили Акбара особенно не возражать Абдулле-хану в его агрессивных намерениях по отношению к Ирану, но с другой стороны, не желая, чтобы Бухарское ханство усилилось, захватив северные провинции Ирана, Акбар призвал бухарцев относиться к потокам пророка, то есть к иранскому шаху, с подобающим уважением. Предлагая Абдулле-хану встретиться с ним в Хорасане, Акбар старался показать, что примет активное участие в решении иранского вопроса, вернее, не намерен предоставлять одному Абдулле-хану свободу действий в захвате иранской территории. За помощь, предоставляемую шаху Аббасу Акбаром и Абдуллоу-ханом при их встрече в Хорасане, предполагалось заставить иранского шаха уступить часть своей территории в пользу Бухарского ханства и Могольской империи.

В целом, послание Акбара на имя Абдуллы-хана направлено было к сохранению добрососедских отношений Индии с Бухарой и в связи с этим, утверждать, что, посылая в качестве своего посла человека, исповедовавшего шиизм, Акбар хотел надсмеяться над Абдуллоу-ханом, нам кажется, не совсем верно. Отношение Бухары с Индией основывались не на религиозных чувствах правителей этих стран, а сформировались на основе реальной исторической обстановки, сложившейся в каждом государстве в отдельности.

В общем, содержание послания Акбара вполне удовлетворяло бухарского хана, который после прибытия индийских послов ринулся в решительный бой, чтобы завладеть Гератом.

«Из текста Таныша,— пишет профессор И. И. Умняков,—мы можем заключить, что дружбой с Акбаром Абдулла-хан очень дорожил, так как это дало ему возможность более энергично выступить против Аббаса в Хорасане. Абдулла-хан был очень тронут вниманием к нему Акбара и принял все меры к тому, чтобы как можно лучше встретить индийское посольство¹».

Окончательно установив свою власть в Кашмире, Акбар во главе большого войска 13 сентября 1589 г. прибыл в Кабул. Такое путешествие индийский монарх совершил с целью еще больше укрепить свою власть в восточных граничащих с владениями Бухарского ханства

---

¹ И. И. Умняков, указ. соч. стр. 326.

районах своего государства. Здесь Акбар принял возвратившегося из Бухары посла Хакима. При встрече со своим государем индийский посол передал, как мы выше изложили, благодарственные в адрес Акбара слова Абдуллы-хана за захват Герата и Хорасана, а также сообщил, что на днях из Бухары вместе с Садром Джаханом прибудет посол бухарского ханства Ахмад Али Аталык. И действительно, через некоторое время посольство Ахмада Али Аталыка представилось Акбару в Кабуле¹.

Пробыв в Кабуле несколько дней и передав управление Кабульской провинцией Касым-хану, Акбар со своей свитой отправился в Лахор.

Когда речь идет о бухарско-индийских политических отношениях в рассматриваемый период, необходимо рассказать и о событиях, связанных с именем Мухаммада Замана.

Как известно, Мухаммад Заман был одним из сыновей Шахруха Мирзы. Во время боев в Бадахшане он попал в руки бухарцев и, как пишет Абулфазл, еще в 12-летнем возрасте умер в тюрьме. Однако, спустя несколько лет, в Каратегине появился человек, который именовал себя сыном Шахруха Мирзы Мухаммад Заманом. Вскоре ему удалось собрать вокруг себя вооруженные отряды и приступить к захвату земель Бадахшана. В одном из сражений Абдулмумин едва спасся бегством от натиска войск «Мухаммада Замана»². Но успехи самозванца были недолговечными. Когда стало известно о том, что во главе войска стоит самозванец, оно распалось. Войска Абдулмумина нанесли сокрушительный удар по оставшимся разрозненным отрядам. После этой неудачи «Мухаммад Заман» бежит в Кабул и там, воспользовавшись удобным случаем, казнит правителя Кабула Касым-хана, за что через некоторое время сам теряет голову не без помощи сына Касым-хана.

О событиях, связанных с именем Мухаммада Замана, у историков различные мнения. Так, например, Р. Ч. Варма пишет, что «Мухаммад Заман» в своих поступках старался заручиться помощью Акбара, и с этой целью послал своих представителей к могольскому дво-

¹ Абулфазл Аллами, указ. соч., л. 318а.

² Р. Ч. Варма, указ. соч., стр. 387.

ру. Поскольку Акбар был в хороших отношениях с правителем Бухары, он ответил отказом на его просьбу и для того, чтобы удостовериться личность Мухаммада Замана, пригласил его к себе¹. По словам Ф. А. Ноера, хотя Акбар и отказался помочь «Мухаммаду Заману», он одобрял его действия в Бадахшане². Индийский историк времен Акбара Бадавани подтверждает, что «Мухаммад Заман» не был сыном Шахруха Мирзы, но все же когда этот человек завладел Кухиستانом, ему из Лахора были посланы в качестве помощи денежные средства в размере 200 ашрафи, несколько пушек и много луков со стрелами³. Только в произведении Бахтавар-хана «Мирот-ал-алам» говорится о том, что Мухаммад Заман на самом деле является сыном Шахруха Мирзы.

Таким образом, кем бы ни был этот Мухаммад Заман, Акбар одобрил его действия и оказал ему помощь. Но помощь эта была недостаточной для того, чтобы «Мухаммад Заман» мог захватить Бадахшан. Это объясняется тем, что хотя Акбар старался ослабить позиции Бухарского ханства в Бадахшане, но, с другой стороны, он, видимо, не собирался омрачать установившиеся между Бухарой и Индией отношения.

Как бы то ни было, события в Бадахшане не могли не оставить свой отпечаток на индо-бухарских взаимоотношениях. Акбар в ожидании результатов действий «Мухаммада Замана» задержал отъезд посольства Ахмада Али Аталыка.

Задержка посольства и nepoзвoлитeльный поступок Абдулмумина по отношению к могольскому двору, как утверждает историк Акбара, весьма беспокоили Абдуллу-хана, и он поспешно отправил ко двору Акбара другое посольство во главе с Мавланом Хусайни.

Что за nepoзвoлитeльный поступок совершил Абдулмунин по отношению к могольскому двору? Антибухарские выступления в Бадахшане и та опасность, с которой столкнулся Абдулмунин при сражениях с отрядами «Мухаммад Замана», озлобили пылкого принца. К тому же бухарский царевич заподозрил вмешательство Акба-

¹ Р. Ч. Варма, указ. соч., стр. 387.

² Ф. А. Ноер, указ. соч., т. II, стр. 198.

³ Абдулкадыр бин Мулуksиaх (Бадавани), указ. соч., л. 308б.

ра в дела Бадахшана. Поэтому, покончив с «Мухаммад Заманом» в Бадахшане, Абдулмумин направил посольство в Индию с требованием выдать всех представителей мятежной бадахшанской верхушки, нашедших убежище в Индии¹. Абдулмумин потребовал также, чтобы Акбар отдал в жены свою дочь и уступил часть территории Индии². Однако посол Абдулмумина не попал ко двору великого могола. По словам Абулфазла, он утонул в реке Инд³. А Мавлави Мухаммад Гиясиддин в своем «Комментарии ко всем трем тетрадам Абулфазла» пишет, что посол Абдулмумина был утоплен по приказу Акбара, поскольку один из представителей агентов императора, поддерживающий связь с эмиром Абдулмумином, заранее сообщил о целях и задачах снаряжаемого посольства и о том, что это посольство, якобы, отправляется в Индию с ведома самого Абдуллы-хана⁴. Не желая обострять отношения с Могольской империей, Абдулла-хан стремился успокоить Акбара. Через посольство Мавлана Хусейни хан извинился за действия Абдулмумина⁵ и предложил считать Гиндукуш границей между обеими странами⁶. Таким образом, посольство Мавлана Хусейни носило примирительный характер. Абдулла-хан, ввиду сложившейся для бухарского ханства обстановки, был вынужден смягчить и укрепить отношения с Могольской империей, ибо к моменту отправления посольства Мавлана Хусейни (которое прибыло в Индию 9 ноября 1590 г.) изменилось соотношение сил между Ираном и Бухарой; хотя бухарцы владели Гератом и Мешхедом, однако они уже не могли продолжать агрессивные действия в Иране. Молодой и энергичный Шах Аббас (1587—1629) беспощадно расправился с мятежными феодалами и сумел за короткий срок объединить почти все провинции страны, кроме Хорасана. Ради того, чтобы отторгнуть Хорасан от Бухары, Аббас начал налаживать мирные

¹ Абулфазл Аллами, указ. соч., л. 331б.

² См. комментарий Мавлави Мухаммад Хади Алия, написанные на полях литографии к «Переписке» Абулфазла Аллами, ИВАН УзССР. Лит. 3334, стр. 7, комментарий 1.

³ Абулфазл Аллами, указ. соч., л. 331б.

⁴ Мавлави Мухаммад Гиясиддин, Шахри хар седафтари. Абулфазл, Лахор, 1863, стр. 13.

⁵ Абулфазл Аллами, указ. соч., л. 331а.

⁶ Абулфазл Аллами, Переписка, стр. 5.

отношения с султанской Турцией. В то же время его посол Ядгар Султан Румлу (или Шамлу) прибыл ко двору Акбара за помощью против Бухары¹. Все это крайне беспокоило Абдуллу-хана.

Его положение действительно становилось все хуже и хуже, этому способствовало не только усиление агрессии со стороны иранского шаха, но, в добавок к этому, в ослаблении мощи Бухарского ханства немаловажное значение имели все более и более растущие разногласия между Абдуллоу-ханом и его сыном Абдулмумином в борьбе за власть. Последний стал не только полноправным, независимым от Бухары правителем Балха, но и осмелился отторгнуть Герат от Кулбаба Кукелдаша и присоединить его к своим владениям. Абдулла-хан приказал Кукелдашу оказать самое энергичное сопротивление против своеволия «беспутного» принца.

Пользуясь ослаблением влияния правительства Абдуллы-хана, подняли восстание казахи, в Хорезме росло движение за выход из-под власти Бухары. Между прочим, хорезмская правящая клика в своем стремлении заручилась помощью и поддержкой Ирана. Таким образом, звезда государства Абдуллы-хана в его преклонном возрасте начала терять свой блеск и сияние. Все это не могло, разумеется, не отразиться на отношениях Бухарского ханства с Могольской империей. Акбар все еще задерживал выезд Ахмада Али Аталыка и не думал об отправке ответного посольства в Бухару. Прибывший за Ахмад Али Аталыком бухарский посол Мавлан Хусейн скончался в Индии в 1592 г.

По данным Р. Ч. Вармы, Абдулла-хан в 1594 г. отправил ко двору Акбара своего третьего посла — Мулк Салаха Бухари с письмом, содержание которого напоминало его предыдущее послание².

Могольский двор не торопился с ответом и Ирану, поскольку вопрос о Кандагаре тоже не был еще разрешен. Раньше Кандагарской областью, включая территорию Заминдавар, Гармсир, Сейстан до Сирхинда управлял Султан Хусейн Мирза. После его смерти эту территорию Шах Аббас разделил между его двумя сыновьями: Му-

---

¹ *Искандер Мунши*, *Тарихи алам-арайн Аббасий*, ИВАН УзССР, инв. 5228, лит. стр. 291.

² *Р. Ч. Варма*, указ. соч., стр. 388.

заффару Хусейну Мирзе отдал управление Кандагаром, а за Рустамом Мирзой закрепил Гармсир и Заминдавар. Вскоре, между братьями возникли разногласия из-за Сейстана. Как раз в это время бухарские войска подошли к Ферраху. Правитель Ферраха запросил помощи у Рустама Мирзы против узбеков. Пользуясь этим случаем, Рустам Мирза завладел Феррахом и оттуда совершал нападения на Сейстан, но, потерпев неудачу, отступил в Заминдавар. К этому времени Заминдавар попал под власть бухарских сил. Правитель Кандагара Музаффар Хусейн Мирза не считал себя обязанным помочь своему брату, и Рустаму Мирзе не осталось ничего, кроме как с покорностью отправиться к Акбару. Император Индии с подобающей честью принял Рустама Мирзу и пожаловал ему в качестве джагира обширную территорию — область Мульта¹. Как правильно отметил автор «Тарихи алам арайи Аббаси» Искандер Мунши, Акбар щедро награждал Рустама Мирзу с той целью, чтобы привлечь на свою сторону и Музаффара Хусейна Мирзу и тем самым без боя овладеть Кандагаром².

Вслед за Заминдаваром бухарские войска усилили натиск на Сейстан и Кандагар. Наблюдая за действиями бухарских войск и считая сложившуюся обстановку удобной для достижения своей цели, Акбар отправил своего представителя к Музаффару Хусейну, уговаривая его передать управление Кандагаром в руки назначенного могольским двором человека взамен пожалования ему земельных угодий в других районах Индии. Музаффар Хусейн поверил, что он, как и его брат Рустам, будет обласкан Акбаром и щедро награжден, согласился на предложение могольского двора. Вслед за отъездом Музаффара Хусейна в Индию оставшиеся в Кандагаре иранские войска, численностью около двух тысяч человек, разбежались, и Кандагар почти без боя и без сопротивления был присоединен к Могольской империи³ (в 1595 г.).

За Кандагаром индийские войска, вступив в бой с бухарцами, отняли у них недавно завоеванные Заминдавар, Куррам и другие районы, считая их провинциями Кандагара.

¹ *Искандер Мунши*, указ. соч., стр. 330.

² Там же, стр. 331.

³ *Искандер Мунши*, указ. соч., стр. 332.

Наконец, как только была достигнута давно задуманная цель, то есть, присоединение Кандагарской области к Индии, могольский двор решил послать ответное посольство в Иран. Как утверждает Абулфазл, который фактически возглавлял внешнюю политику могольской империи в период правления Акбара, еще в момент приезда иранского посла Ядгара Румлу был созван совет во дворце, на котором обсуждался вопрос о помощи Ирану. На этом совете некоторые высказались за отправку в Хорасан войска под руководством одного из принцев, чтобы оказать необходимую помощь шаху Ирана в его борьбе против узбеков. Но вскоре после этого из Турана прибыли один за другим несколько послов, при помощи которых правитель Турана добился установления дружеских связей с Индией. Поэтому,—продолжает Абулфазл,—иранское предложение об оказании им помощи было отклонено и вместо помощи в ответном письме императора Акбара были несколько приятных слов в адрес иранского шаха¹.

После присоединения Кандагара правительство Акбара решило направить посольство и в Бухарское ханство, чтобы восстановить добрососедские отношения, нарушенные столкновением в Заминдаваре и Гармсире. В мае 1596 г. из Индии в Бухару выехали послы Ходжи Ашраф Накшбанди и Султан Хусейн Лакнау². Индийские послы привезли с собой письмо Акбара к Абдулле-хану, которое является весьма важным документом, бросающим свет на индо-бухарские политические отношения рассматриваемого периода, в нем содержится краткое описание, подведены итоги политики могольского двора по отношению к Бухаре. Ввиду особой важности этого документа считаем необходимым остановиться на его основном содержании.

В «Переписке» Абулфазла Аллами, изданной в Навшахре в 1896 г., это послание Акбара озаглавлено: «Послание пишущего правду, жаждущего правосудия, великолепного как чара сияющей звезды неба «божественного гения», жемчуга копей императорского достоинства, короля мира Джалалиддина Мухаммад Акбара падишаха главе страны Туран Абдулле-хану Узбеку»³.

¹ Абулфазл Аллами, указ. соч., л. 333а и 396а.

² Абулфазл Аллами, указ. соч., л. 396а.

³ Абулфазл Аллами, Переписка, стр. 4—11.

Послание начинается с восхваления аллаха, его посланника Мухаммада и тех царей, которые прилагают усилия на благоустройство мира... После всего этого сообщается, что в радостные дни в процветающем Кабуле получено (привезенное Ахмедом Али Аталыком — *И. Н.*) письмо Абдуллы-хана, которое является «образцом прекрасного изображения единства». «Написанные благоухающим пером единодушия «пусть Гиндикуш является границей между нами» (т. е. нашими государствами — эти слова из письма Абдуллы-хана — *И. Н.*) засияли (также) в нашем одобряющем взгляде».

«...В эти дни, когда правитель Ирана, принимая во внимание прежние близкие отношения и обязанности о дружбе, отправил Ядгар Султан Шамлу с просьбой оказать помощь (просьба правителя Ирана) не была принята. И далее, Шахрух Мирза желал иметь джагир¹ в Кабуле, либо в Кашмире, либо в Савад Буджире, либо в Тирахе, которые являются округами с холодным климатом. Но из соображений добрососедских (с вами) отношений его просьба не была принята; ему отдали джагир в провинции Мальве, (отдаленной от границ Бухары). И далее, отзывая кандагарских мирз в высокий двор (т. е. в Индию — *И. Н.*), охрану этой страны (которая с древних времен находится в составе империи) поручили служителям — бабуридам (с той целью), чтобы тюранские войска, посчитав эту страну принадлежащей к Ирану, не напали на нее и чтобы (этим самым) не создавались большие неприятности между государством того высокопоставленного и (нашей) империей. И далее, один из злонамеренных распутников, подняв бунт в Бадахшанском Кухистане, предъявил такую претензию: «Я являюсь сыном Шахруха Мирзы». А заминдары этих краев присоединились к нему. Сколько он ни присылал писем об оказании (ему) помощи, мы не обращали на это внимание (с тем), чтобы он стал изгнанником в пустыне злосчастья».

В этом письме, так же как и в предыдущем, Акбар все еще намекает на встречу обеих государей, где без посторонних можно было бы переговорить о «мирских и религиозных делах». Он объясняет далее, что его наход-

---

¹ Д ж а г и р — поземельное пожалование.

денне в пределах Пенджаба (Акбар находился в Пенджабе около 4-х лет — *И. Н.*) врагами обеих сторон использовалось в извращенном виде, говоря, что это противоречит основе дружбы (с Бухарой), и поэтому Акбар отправился в Агру для того, «чтобы язык пустомелей привязался».

По-видимому, в своем письме Абдулла-хан подробно описывал свои военные успехи. Акбар к этому относится с одобрением и считает, что, рассказывая о своих победах, правитель руководствовался благими намерениями и чувством дружбы.

Акбар останавливается и на отдельных моментах письма Абдуллы-хана, посланного через посольство Мавлана Хусейна. В частности, приводятся слова бухарского хана, просящего извинения у Акбара за неразумный поступок своего сына (Абдулмумина). Акбар, хотя и заверяет, что он прощает Абдулмумина, но тут же укоряет бухарского хана, что его сын совершил неразумный поступок, видимо не без ведома своего отца.

Как явствует из содержания данного документа, Абдулла-хан в своем письме извещал Акбара о том, что «некоторые походы задерживаются до прибытия (в Бухару) Ахмада Али Аталыка». Ахмад Али Аталыку было разрешено выехать вместе с индийскими послами, и перед отъездом он был на приеме у Акбара. «Если он (Ахмад Али Аталык) доберется до священного места (Бухары — *И. Н.*), то тогда благодаря его правдивой речи (все) секреты чистосердечности и тайны единодушия станут тому великому добродетелю ясными». Далее Акбар подробно останавливается на походах и завоеваниях с самого начала своего царствования до последних дней, то есть, как отмечается в документе, «до десятого года второго века».

О пребывании посольства Мавлана Хусейна в письме говорится следующее: «Когда Мавлан Хусейни был осчастливлен службой, то незадолго после этого управляющим государственными делами было дано указание о том, чтобы незамедлительно дали ему достойное разрешение (представиться). Как раз в это время несколько злополучных несчастных подняли бунт и совершили мятеж на территории прелестного Кашмира... и отправка посольства (в Бухару) задержалась. Когда царские знамена возвратились (из Кашмира), по дороге дошли вес-

ти о случившемся с Мавланой Хусейни — он умер от несварения желудка».

После всего этого, говорится в послании, в качестве посла отправляется один из знаменитых людей Индии Ходжа Ашраф, чтобы он «осведомлял сияющее сердце о действительном положении дел, а также, чтобы стали ясными отношения к тем договорам и соглашениям, которые были разъяснены и заключены при посредничестве (бывших) послов и посланий...»

Таково основное содержание письма индийского императора Акбара к бухарскому хану Абдулла-хану. За исключением одного места в письме, где Акбар упрекает Абдулла-хана за действия Султана Абдулмумина и утверждает, что последний никак не мог действовать враждебно по отношению к Могольской империи без ведома своего отца, — в остальном все письмо выдержано в добрососедском духе. Примечательно и то, что в данном документе указываются истинные причины, побудившие Акбара перенести свою резиденцию из Агры в Пенджаб (сначала в Атток, потом в Лахор).

Письмо Акбара Абдулле-хану является ценным документом не только тем, что подытоживает отношения Могольской империи к Бухарскому ханству за 10—15 лет, но утверждают, что эти добрососедские отношения между двумя странами и впредь будут сохраняться.

Действительно, оба государства — Бухарское ханство и Могольская империя были заинтересованы в сохранении добрых отношений между собой. Бухарскому ханству дружба с Индией была необходима для оказания действительного сопротивления растущим силам Ирана, а Могольская империя старалась обеспечить спокойствие и мир в восточных районах для того, чтобы успешно завершить объединение государства. Дружба с Бухарой была также важным козырем для Могольской империи в ее взаимоотношениях с Ираном.

9 сентября 1597 г. индийские послы Ходжа Ашраф и Султан Хусейн были приняты Абдуллою-ханом. Бухарский правитель, по-видимому, обошелся с ними очень любезно и высоко оценил дружественные отношения Могольской империи. Это видно хотя бы из того, что, по распоряжению Абдуллы-хана, Мир Курейш должен был сопровождать индийских послов после их отъезда, до

пограничных районов ханства. Когда послы прибыли в Герат, они узнали о кончине Абдуллы-хана.

Таким образом, приведенные выше факты и изложенные события позволяют заключить следующее: во второй половине XVI в. между Бухарским ханством и Могольской империей установились весьма оживленные политические (дипломатические) взаимоотношения. Политические отношения Бухары с Индией этого периода можно разделить на три этапа:

а) до аннексии Бадахшана бухарскими войсками: на этом этапе бухарско-индийские отношения не отличались особой сердечностью, хотя и не были враждебными. Завоевание Бадахшана могло обострить эти отношения. Однако так не случилось, ибо ухудшение индо-бухарских взаимоотношений не сулило ничего хорошего ни одной стороне. Поэтому Бухара и Индия, исходя из своих интересов, стремились к налаживанию мирных отношений между собой.

Бухарский хан, чтобы сгладить неприязнь в связи с завоеваниями Бадахшана и добиться нейтралитета могольского двора в случае агрессии против Ирана, посылал в Индию одно за другим дружественные посольства. В свою очередь, Акбар, не уверенный в прочности своей власти в восточных районах Индии и ради того, чтобы обеспечить мир и спокойствие в этих краях, по отношению к Бухаре проводил дружескую политику;

б) после усиления агрессивной политики Бухарского ханства, направленной против Ирана. В этот период Абдулла-хан стремится создать союз Бухары и Индии. Акбар, будучи заинтересованный в ослаблении Ирана, чтобы в дальнейшем отторгнуть от него Кандагар и прилегающие к нему территории, не осуждает Абдуллу-хана за его агрессивные антииранские замыслы;

в) в период борьбы за Кандагар. В результате борьбы за овладение Кандагаром и входящих в эту провинцию территорий, сталкиваются интересы Бухары и Индии. Бухарский хан был осведомлен о целях и планах могольского двора в отношении Кандагара, с другой стороны, открывая огонь по бухарским войскам в Заминдаваре и Гаримсаре, индийцы еще больше осложняли положение. Все это было ясно властям Могольской империи и поэтому они быстро снаряжают дружественное посольство Ходжа Ашрафа в Бухару. Бухарское ханство

также искало дружбы с Индией, чтобы не оказаться во враждебных отношениях одновременно с двумя государствами — Ираном и Индией.

Итак, благодаря сложившимся внутренним и внешним политическим обстоятельствам мирные и добрососедские отношения между Бухарским ханством и Могольской империей продолжали сохраняться и в последующие годы.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ БУХАРЫ С ИНДИЕЙ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АШТАРХАНИДОВ

Политические связи Бухарского ханства с Индией в период правления Аштарханидов начинаются со времен царствования Имамкули-хана (1611—1642).

Имамкули-хан, утвердившись на престоле, назначил своего сына Искандера правителем Ташкента. Но ташкентцы, возмущенные произволом и тиранией Искандера, подняли восстание и убили его. Получив известие о гибели сына, Имамкули-хан пришел в ярость и дал клятву: «по взятии города я произведу такое избивание населения, что, пока кровь врагов не дойдет до высоты стремени, я не прекращу их истребления»¹.

И действительно, Имамкули-хан, вызвав войска из Балха во главе со своим братом Надр Мухаммедханом, потопил ташкентское восстание в крови (в 1613 г.).

«Возвращаясь отсюда, — говорится в «Мукимханской истории», хан направился в Бухару. (Оттуда) он послал к Джахангир-падишаху, сыну Акбара-падишаха, владельцу Индии, посла с дорогими подарками и подношениями, с выражением любви (и расположения). Джахангир-падишах, с почетом приняв ханского посла, оказал ему полное внимание и ласку и (между прочим) спросил о возлюбленных Имамкули-хана. Посол ответил: «Наш хан свободен от привязанности к этому миру и никогда его мысль не занята чем-либо мирским. Джахангир улыбнулся и заметил: «Где же ваш хан видел мир, что уже больше не имеет к нему склонности?» Когда посол вер-

---

¹ Мухаммад Юсуф Мунши. Мукимханская история, перевод с тадж. проф. А. А. Семенова, Ташкент, изд-во АН УзССР, 1956, стр. 87.

нулся и доложил хану этот разговор, то государь сохранил в своем сердце эти слова (Джахангира)¹. Далее, в «Мукимханской истории» следует заглавие «О прибытии Хакима Хазика, посла Джахангир-падишаха из великой Индии к отцу побед Имамкули-Бахадур-хану» и текст этого раздела начинается словами: «Спустя некоторое время (после возвращения бухарского посла из Индии— И. Н.) Джахангир падишах прислал Имамкули-хану в качестве посла Хакима Хазика...²».

Таким образом, в таком авторитетном источнике, как «Мукимханская история» не только не говорится о целях и задачах посольства в Индию, но и не названы даже имена бухарских послов. Только Р. Ч. Варма, как мы уже упомянули выше, пишет, что Имамкули-хану в письме Джахангиру напоминал о имевшем место при Абдуллахане и Акбаре союзе между Бухарой и Индией против Ирана, и, по-видимому, бухарский хан этим хотел предложить возобновить дружественные отношения между двумя государствами. К сожалению, мы пока не располагаем этим документом и поэтому трудно что-либо конкретно сказать по этому поводу. Здесь нам хотелось бы отметить некоторые ошибочные места в «Мукимханской истории» относительно бухарско-индийских отношений этого периода. Прочитав «Мукимханскую историю», можно подумать, что посольство Хакима Хазика было ответным посольством на посольство Имамкули-хана, поскольку в книге Мухаммада Юсуф Мунши Хаким Хазик назван послом индийского царя Джахангира (1605—1627) и указывается, что посольство отправлено в Бухару спустя некоторое время после направления бухарского посольства в Индию. Тщательное изучение и анализ других источников и данных, привели нас к выводу, что посольство Хаким Хазика отправлено не Джахангиром, а могольским правителем Шах Джаханом (1627—1658). Следовательно, посольство Хакима Хазика прибыло не «спустя некоторое время», а несколько лет спустя после бухарского посольства. По сведениям источника «Тузук Джахангири», находившийся в Бухаре индийский посол Мир Бирка выехал на родину в 1625 году

---

¹ Мухаммад Юсуф Мунши, указ. соч., стр. 88

² Мухаммад Юсуф Мунши, указ. соч., стр. 88.

в сопровождении одного из представителей джуйбарских шейхов — Ходжи Абдурахима¹.

Ходжа Абдурахим уехал в Индию вместе со своим старшим сыном Мухаммадом Сидик-ходжой в сопровождении саркаров и многих мулазимов и взял с собой в качестве подарков несколько верблюдов, лошадей, шубы из соболей, рыбы зубы и др. Среди подарков были также разные рукописные произведения, переписанные и украшенные знаменитыми каллиграфами. Перед отъездом Абдурахима Имамкули-хан передал ему сто тысяч тенег наличными для приобретения подарков индийскому царю.

В Индии в каждом округе и городе Ходже Абдурахиму и его людям оказывали большие почести, по приказу индийского шаха для содержания посла и его свиты ежедневно отпускалась тысяча рупий. Как говорится в «Матлаб-ат-Талибин», получая эту сумму от правителей округов, Ходжа тут же раздавал деньги беднякам. Правитель Кабула Зафар-хан и другие окружные правители (Мубариз-хан, Килич-хан и др.) сопровождали Ходжу и его свиту в их поездке до города Лахор.

На пути к Лахору по приказу Джахангира многие чиновники городов выходили встречать дорогого гостя. При встрече Ходжи Джахангир-шах обнял его и поцеловал в обе щеки. Когда Ходжа Абдурахим передал приветствие Имамкули-хана и Хазрета (Шейхул Ислама Бухары — Ходжи Таджиддина — *И. Н.*), в ответ на это Джахангир сказал: «Имамкули-хан — наш сын; его любовь (к нам) известна от того, что ко мне он прислал (именно) Вас, его дружба (к нам) очевидна, так как для нас он отправил такого дорогого человека, как Вы, (поэтому) нет необходимости в подтверждении его дружественных отношений...» Далее, Мухаммад Талиб пишет, что «Ходжа Абдурахим подарил Джахангиру ла"л рубин, стоимость которого равнялась хираджу одной страны, величиной которого были удивлены все сидящие». Царь Индии разрешил Ходже сесть так близко к трону, где до сих пор не сидели ни сын шаха, никто из его чиновников. После аудиенции Ходжу поместили в

---

¹ *Джахангир*. Тузуки Джахангири, Лакнав, 1879, лит. изд., стр. 428.

шикарно обставленной комнате и ежедневно подавали разнообразные блюда на золотой и серебряной посуде.

Ходжа Абдурахим пользовался большим авторитетом у Джахангира и шах советовался с ним по некоторым государственным делам.

В 1627 г., находясь в Кашмире, Джахангир заболел и умер. Ходжа Абдурахим пережил индийского царя всего на несколько месяцев. Он был похоронен в Чахарбаге (в Кашмире), но спустя некоторое время прах Ходжи был перевезен его сыном Мухаммадом Сидик-ханом в Бухару в сопровождении индийского посольства Хакима Хазика¹. Все эти сведения о пребывании Ходжи Абдурахима в Индии почти в таком же порядке приводятся и в книге «Тузуки Джахангира».

По мнению современного индийского историка Б. П. Саксены, Ходжа Абдурахим являлся официальным послом Бухарского ханства, который прибыл в Индию с предложением о разделе Хорасана между Бухарой и Индией, но это предложение не было осуществлено в связи с кончиной Джахангира².

Вопрос о том, привез ли Ходжа Абдурахим письмо Имамкули-хана, написанное на имя Джахангира, и действительно ли Ходжа Абдурахим в качестве посла Бухарского ханства сделал предложение о разделе Хорасана, остается за неимением достаточных фактов пока без ответа. Среди различных писем и посланий нами обнаружен документ, относящийся к поездке Ходжи Абдурахима в Индию. Документ этот называется: «Указ о корреспонденции по поездке в Индию»³. В начале документа бухарский правитель выражает свое удовлетворение тем, что с божьей помощью ему удалось укрепить свою власть над народами Мавераннахра и наступила пора интересоваться событиями, происходящими за пределами его государства.

Торжественный и пышный прием Ходжи Абдурахима Джахангиром объясняется отчасти желанием индийского правителя иметь дружественные отношения с Бухар-

---

¹ Мухаммад Талиб бин Таджиддин Хасан Ходжа, Матлаб-ат-Талиби, л. 208а—214а.

² Banarsi Prasad Saksena, History of Shahjahan of Dilli, Allahabad, 1958, p. 186--187.

³ Нишони воқеа нависийи сафарн Хиндистон, ИВАН УзССР, р. 289.

ским ханством, особенно в то время, когда в результате непокорности Шах Джахана, могольский двор почувствовал себя ослабленным¹, и также отчасти расположением великих моголов к шейхам и ученым из Средней Азии.

По данным автора «Икбалнамайи Джахангири» Му²-тамадхана Бахши, в 1621 г. мать Имамкули-хана и жена Джахангира Нур Джахан-бегим обменялись своими представителями (в качестве представителя Нур Джахан-бегим был послан в Бухару Ходжа Насриддин Кабульский), через которых они прислали дружественные письма и подарки из драгоценных и редких товаров³.

Итак, посольство Хакима Хазика не прибыло в Бухару, как утверждает в «Мукимханской истории», «через некоторое время после первого посольства Имамкули-хана ко двору Джахангира». Еще до посольства Хакима Хазика между Бухарой и Индией происходил обмен послами и представителями. Следующей ошибкой, допущенной в «Мукимханской истории», является утверждение, что посольство Хакима Хазика якобы было отправлено правительством Джахангира. На самом деле, как правильно пишет другой среднеазиатский автор Мухаммад Талиб бин Таджиддин Хасан-ходжа⁴ и подтверждается рядом индийских исторических произведений⁴, посольство Хакима Хазика было послано в Бухару после смерти Джахангира новым правителем Могольской империи — Шах Джаханом в первый год его правления⁵.

Могольская империя к концу царствования Джахангира значительно ослабла. Еще в 1622 г. войска Шаха Аббаса внезапно окружили Кандагар. Защиту Кандагара Джахангир возложил на своего сына Шаха Джахана, но последний не только отказался выполнить приказ отца, но вскоре поднял восстание против него.

---

¹ Говоря словами Джахангира, — читаем в «Истории Индии», — восстание Шах Джахана, «словно топором ударило по основанию его собственной державы и оказалось камнем преткновения на ее пути». (Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, указ. соч., стр. 242.).

² Му²-тамадхан Бахши, Икбалнамайи Джахангири, ИВАН УзССР, р. 4369 л. 130а.

³ Мухаммад Талиб бин Таджиддин Хасан-ходжа, указ. соч., л. 214а.

⁴ Бахтавар-хан, Мират-ал-алам, ИВАН УзССР, р. 2097, л. 420.; Абдулхамид Лахури, Падишахнома — Шах Джахан-нама, ИВАН УзССР, р. 24л., 67б.; Б. П. Саксена, указ. соч., стр. 187 и др.

⁵ Бахтавар-хан, указ. соч., л. 420б.

В момент вступления Шах Джахана на престол в Декане вспыхнуло восстание¹, и полуостров фактически отделился от Могольской империи. Воспользовавшись удобным моментом — ослаблением центральной власти в Индии, правитель Балха Надр Мухаммад совершил ряд нападений на Кабул. Эти действия Надр Мухаммада, по-видимому, представляли серьезную угрозу и поэтому Шах Джахан послал против него войска во главе с опытным полководцем и самым близким к его двору лицом — Мухаммад-ханом, а сам прибыл в Пенджаб. 14 сентября 1628 г. индийские войска вновь овладели Кабулом.

Таким образом, наличие разногласий и противоречий в самой Могольской империи и ухудшение отношений с Ираном заставило Шах Джахана, несмотря на недавние нападения Надр Мухаммада на Кабул, не портить отношений с Бухарским ханством и тем самым, хотя бы обеспечить мир и спокойствие в восточных районах своего государства. И поэтому, буквально через несколько дней после победы над силами правителя Балха, он снарядил дружественное посольство Хакима Хазика в Бухару².

По данным «Падишах-намэ», индийский царь Шах Джахан «шестнадцатого рабиал-аввала, второго числа месяца абана 1038 г. (15 ноября 1628 г.) отправил послом к упомянутому выше хану (т. е. Имамкули-хану) Хакима Хазика, отец которого Хаким Хумам Гилянский был послан в период царствования Хазрата Арш Ашияна убежище величия (титул, данный императору Акбару после его смерти — *И. Н.*) вместе с Сайидом Садр Джаханом в качестве посла ко (двору) Абдуллы-хана... с дарами... и с письмом»³.

Затем в «Падишах-намэ» следует послание Шах Джахана бухарскому хану Имамкули-хану. Послание начинается с призыва (воззвания) об укреплении дружбы и единства между сторонами. Далее сообщается, что дружественное письмо такого-то и такого-то (приводится длинный перечень титулов, характеризующих личность Имамкули-хана), отосланное в Индию через Абдурахима Ходжу, давно получено и Шах Джахан разрешил упомянутому Ходже вместе с одним из доверенных лиц госу-

¹ *Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи*, указ. соч., стр. 240.

² *Бахтавархан*, Мират-ал-алам, ИВАН УзССР, р. 2097.

³ *Абдухамид Лахури*, указ. соч., л. 67а, б.

дарства (выехать в Бухару) . . . однако два случая, прошедшие до этого, стали причиной его задержки; первая причина — это кончина Ходжи. . . вторая — нападение чистого, благородного рода Надр Мухаммад-хана на Кабул по причине его недалекновидности и неопытности, которые присущи молодости. . .¹

Далее речь идет о том, что дружественные отношения Индии и Турана продолжают с незапамятных времен и поэтому необходимо приложить все усилия к тому, чтобы не испортилось и не испачкалось это хорошее взаимопонимание.

В заключение послания говорится: «После того как (Хаким Хазик) достигнет счастливой службы, то он пусть поторопится с доставлением письма, в котором будут изложены сведения с его разъяснениями по всем вопросам. . .»

Таким образом, из содержания письма также явствует, что Шах Джахан стремился укрепить добрососедские и мирные отношения с Бухарой.

В 1638 г. индийские войска овладели Кандагаром, и Шах Джахан начал продвижение в сторону Кабула. По мнению Б. П. Саксена, индийский шах держал в Навшахре 50-тысячное войско. Это положение, в свою очередь, заставило правителя Балха Надр Мухаммада задуматься о планах Шах Джахана, который мог бы отомстить Надр Мухаммаду за его нападение на Кабул. Заподозрив неладное в прибытии Шах Джахана в Кабул, Надр Мухаммад сразу снарядил посольство к своему брату Имамкули-хану с просьбой немедленно выехать из Бухары и оказать необходимую помощь против предполагаемой агрессии индийского шаха. Имамкули-хан, сознавая всю серьезность создавшегося положения, быстро направился в Балх. Здесь оба брата — Имамкули-хан и Надр Мухаммад — пришли к заключению, что перед тем как начать военные действия, следует послать к индийскому шаху посла с требованием удалиться от Балха. В письме, отправленном через посла Мансурходжу, в частности, говорилось: «Издравле между нашими и вашими отцами и дедами установились добрососедские и мирные отношения и ни с той, ни с другой стороны (до сих пор) не было проявлено никакого вреда и беспокой-

---

¹ *Абухамид Лахури*, указ. соч., л. 67а, б.

ства. Если же вы, считая прежние обстоятельства как бы несуществующими, заменили бы добрые отношения враждебными, то мы, два брата, выступили (вам) навстречу и посмотрим, чье желание исполнит удовлетворяющий желания». И как говорится в «Мукимханской истории», оба брата сказали послу: «Если Шах Джахан вернется (из Кабула) обратно, то ты, сопроводив его на три остановки, возвращайся назад, в противном же случае немедленно посылай (к нам) нарочного»¹. Когда посол прибыл в резиденцию Шах Джахана и передал письмо правителя Бухары, Шах Джахан, ознакомившись с содержанием данного послания, сказал послу: «Мы пришли посмотреть свои владения и если это обстоятельство нарушило спокойствие братьев, то мы отправимся обратно в свою столицу». «И приказал, чтобы в тот же день все его силы со всем снаряжением выступили обратно в Индостан»².

После описанного случая в период правления Имам-кули-хана Бухара и Индия больше в политические связи не вступали.

Правление Надр Мухаммада (1642—1645) было непродолжительным. В то время, когда хан находился в Каршинском округе, оппозиционная группа эмиров и чиновников в Ходженде посадила на ханский престол его старшего сына Абдулазиза. Надр Мухаммад, неуверенный в преданности своих эмиров и военачальников, не осмелился ехать в Бухару, он повернул в Балх, чтобы заручиться поддержкой своих младших сыновей. Но он и здесь потерпел неудачу, его младшие сыновья также отказались оказать помощь своему отцу, после чего у Надр Мухаммада не осталось другого выхода, как обратиться к индийскому государю Шах Джахану с просьбой о помощи: «Тот (т. е. Шах Джахан), — пишет автор «Мукимханской истории», — считая этот случай весьма благоприятным и тая в своем сердце старую злобу к Надр Мухаммаду за его набег на Кабул и увод пленных, внешне (однако) высказал к нему расположение и дружбу. Он отправил своих сыновей: Ауранг-зеба и Султан Мурад бахша с многочисленным войском (будто бы для помощи Надр Мухаммад-хану)»³.

¹ Мухаммад Юсуф Муниш, указ. соч., стр. 92.

² Там же.

³ Мухаммад Юсуф Муниш, указ. соч., стр. 97.

Вскоре индийские войска заняли Гури и оттуда начали наступление на Балх. Надр Мухаммад бежал в Иран. Иранский шах Аббас II (1642—1667) оказал ему весьма теплый прием и выразил свою готовность оказать помощь в возведении его на престол Бухарского ханства. Но Надр Мухаммад не согласился на это.

В течение двух лет Балх находился во власти индийских войск, что пагубно отразилось на экономике области. Начался голод.

Когда индийские военачальники доложили Шах Джахану о голоде в Балхе, ответ получили такой: «Потребовать из Ирана Надр Мухаммад-хана, передать ему власть, а (самим) вернуться (обратно). Индийцы послали к хану гонца. Хан вернулся и, остановившись в Андхуде, послал (оттуда) Касим Султана (внука — *И. Н.*) в Балх, чтобы его предоставили ему. Индийцы, вручив область названному принцу, направились обратно в Индостан»¹. Но дальнейшие события снова обернулись не в пользу Надр Мухаммада. Абдулазиз-хан, обласкав Касим Султана, взял его с собой в Мавераннахр и правителем Балха назначил своего брата Субханкули. Надр Мухаммад, узнав об этом, отказался быть правителем и принял решение отправиться в Мекку. Он пустился в путь и, приехав в Семнан, умер в этом иранском городе.

Единство действий двух братьев — бухарского хана Абдулазиз-хана и правителя Балха Субханкули продолжалось недолго. Начиная с 50-х годов Субханкули пренебрегает верховной властью Абдулазиз-хана, стараясь быть независимым от Бухары государем и ряд военных экспедиций Абдулазиз-хана, направленных против самоволия Субханкули, не принесли ожидаемых результатов. Субханкули учиняет препятствия внешнеполитическим связям Бухары, в частности связям с Индией. В этом отношении характерным и весьма оригинальным является обнаруженное нами в рукописном фонде Отделения Востоковедения АН Таджикской ССР письмо Абдулазиз-хана к Шах Джахану. Письмо начинается с возвеличивания личности Шах Джахана и пожелания ему навсегда находиться в саду спокойствия и благополучия, быть далеким от несчастий смуты и анархии. Затем подчеркивается, что, поскольку

¹ Мухаммад Юсуф Мунши, указ. соч., стр. 100.

в период покойных правителей стороны находились в хороших, добрососедских отношениях, то желание (Абдулазиз-хана) также таково: «Чтобы эти прежние взаимоотношения в настоящее время были сохранены и чтобы обмен послами и посланиями стал устойчивым и фундаментальным. Но предыдущие события, т. е. нехорошие поступки такого-то, воспрепятствовали осуществлению этой мысли».

Далее, как писал Абдулазиз-хан, до Бухары дошли слухи о том, что будто Шах Джахан заболел и «поэтому, чтобы уведомиться об этом» был отправлен посол в Индию. Бухарский хан признает за Шах Джаханом права отцовства по отношению к нему и пишет: «О, приют отцовства! Неприличные поступки такого-то явились причинами роста разногласий среди нескольких мусульман. Самому вашему благородию известно, что разве не предпринимался (им) ряд нехороших дел и нелепых поступков. Во-первых, какое такое неуважение проявлял он к своему славному отцу (ныне) навечно покоящемуся, убежищу прощения Хазрату. И, во-вторых, будучи нашим слугой, он, по клевете всех неблагородных и жаждущих ссоры лиц, какие бесстыдства ни совершал, хотя мы не только его старший брат, но, как это много и несколько раз доказывали, по праву являемся отцом для него. Вместе с тем, когда несколько раз были посланы в (ваш) двор дары и подарки из драгоценных вещей, тогда он, отрезав дорогу, (препятствовал для их отправки и) совершал такого рода вражду и неприличные действия...

Все остальные сведения о событиях заключаются в изложении посла...»¹

Письмо кончается призывом к укреплению дружбы и единства. Нет сомнений в том, что слова «такой-то» относятся к правителю Балха — Субханкули. Характерным является то, что Абдулазиз-хан, говоря о неблагоприятных поступках Субханкули, отнюдь не упоминает об окончательном покорении его Бухаре. Следовательно, в момент отправления данного послания в Индию междоусобная борьба между ханом Бухары и правителем Балха не прекратилась, а наоборот, усилилась. Такой вывод подтверждается еще и тем, что в письме не приводится имя посла и не характеризуется, как мы наблюдаем в других

---

¹ Отделение востоковедения АН Тадж. ССР, р. 102.

посланиях, личность и происхождение назначенного в качестве посла лица. Из содержания письма явствует, что, спустя некоторое время после разрешения вопроса о Балхе, из Бухары в Индию были отправлены несколько посольств, но они не достигли места назначения из-за препятствий, чинимых им правителем Балха.

В 1658 г. на престол Могольской империи вступил Аврангзеб. В это время Шах Джахан был еще жив и до своей смерти (1666 г.) находился под домашним арестом. Аврангзеб стал во главе империи не с согласия Шах Джахана, а завладел тронном в результате ожесточенной борьбы как со своим отцом, так и старшим братом Дарой.

Аврангзеб, так же как и его предшественники, продолжал расширение своего государства путем завоевания территорий независимых и полузависимых индийских княжеств. В результате этого в конце XVII в. граница Могольской империи простиралась от Газны до Читтагона и от Кашмира до Карнатика. Однако эта огромная страна была полна внутренними противоречиями, а деканские войны и борьба маратхов особенно подорвали силу и могущество Могольской империи.

Внутриполитическая обстановка в Индии, по-видимому, очень интересовала правителей Бухары, поэтому они были в курсе всех происходивших в Индии событий. Недаром Абдулазиз-хан пожелал Шах Джахану быть далеким от несчастий смуты и анархии, имея в виду при этом его отношения с Аврангзебом. Когда же в междоусобной борьбе победителем вышел Аврангзеб и сведения об этом дошли до Бухары, то бухарский хан снарядил посольство к Аврангзебу, чтобы поздравить его со вступлением на престол. Посольство возглавлял Ходжа Ахмад Хусейни Накшбанди — один из «вельмож знаменитых и почтенных людей» Бухары. Текст послания Абдулазиз-хана, написанный на имя Аврангзеба, дошел до нас; в нем бухарский хан величает Аврангзеба, поздравляет его, называя могущественным государем и призывает продолжать дружественные отношения Индии с Бухарой, подчеркивая, что этому большое внимание уделяли бывшие правители обеих сторон и выражает надежду, что из Индии также будут направлены ответные посольства¹.

¹ «Собрание писем и посланий», р. 289, л. 16, 2а, б.

В индийских источниках также имеются некоторые данные о посольстве Ходжи Ахмад Хусейни Накшбанди. Так, в «Зеркале мира» говорится, что посольство прибыло в Индию 27 ноября 1661 г., послы были приняты индийским шахом 14 марта 1662 г. Бухарский посол привез с собой в качестве подарков индийскому шаху несколько породистых лошадей, быстроходных верблюдов, один водянистый ла"л (рубин), стоимостью в 40 тысяч рупий и другие вещи. По данным указанного источника, до отъезда узбекских послов было израсходовано и пожаловано им подарков на один лак и 20 тысяч рупий. Послы получили разрешение выехать на родину в начале пятого года царствования Аврангзеба¹. Автор «Аламгир-намэ», дополняя сведения «Зеркала мира», пишет, что кроме Ходжи Ахмада Хусейни в состав посольства вошли еще несколько лиц, так например, Хушхал-хан, Мирзабек Миршакар, Латифбек Мирахур и другие, которым также были пожалованы дары и наличные деньги в несколько тысяч рупий. По прибытии в Лахор, глава бухарского посольства Ходжа Ахмад (Хусейни Накшбанди) скончался².

Из содержания послания Абдулазиз-хана можно сделать вывод, что задача посольства Ходжи Ахмада заключалась только в поздравлении Аврангзеба со вступлением на престол и оно не уполномочивалось вести какие-либо переговоры с правительством Индии. Будучи осведомленным о событиях в Индии и, учитывая ориентацию Аврангзеба на представителей ортодоксального ислама в его борьбе за власть, Абдулазиз-хан в качестве посла выбрал человека из среды представителей духовенства — накшбандиев — ярого сторонника и знатока суннитского толка ислама.

12 зулхиджа 1079 г. (11 мая 1669 г.) в Индию прибыло бухарское посольство во главе с Рустамбием с письмом «Об укреплении союза и единства» и подарками, состоящими из изящных товаров Турана. В Индии с бухарскими послами обошлись весьма любезно. Им были пожалованы богатые дары.

Пробыв в Индии ровно год, бухарские послы отпра-

¹ Бахтавар-хан, Миратул а"лам, л. 550 б, 553а, 596б.

² Мунши Мухаммад Казим «Аламгир-намэ», ИВАН УзССР, р. 4265, л. 249а, 260б.

вились на родину в сопровождении индийских послов во главе с Яккатаз-ханом¹. Автор «Аламгир-намэ» сообщает также, что в 1671 г. в Индии побывал посол Бухары Мухаммад Шариф — последний посол периода правления Абдулазиз-хана². Под давлением Субханкули-хана, престарелый и болезненный Абдулазиз-хан вынужден был отречься от престола и уехать в Мекку. Субханкули-хан, вступив на престол Бухары (1680—1702) сына своего Искандера Бахадира назначил правителем Балха. Искандер Бахадир вскоре, (не без участия своего брата Абу Мансура) был отравлен. Началась междоусобная борьба за власть в Балхе между сыновьями Субханкули-хана — Ибадуллою султаном и Абу Мансуром. Победителем вышел Абу Мансур, но вскоре его тоже убили, и к 1684 г. власть в Балхе захватил другой сын Субханкули-хана — Сиддик Мухаммад. К тому времени Хорезмский хан Ануша совершил нападение на окрестности Бухарского ханства и Субханкули-хан призвал Сиддик Мухаммада на помощь в отражении хорезмийцев. В то время когда Сиддик Мухаммад выступил в путь во главе балхского войска, ему донесли о взятии Самарканда Анушой. Услышав это, Сиддик Мухаммад свернул в сторону Балха. Такое поведение сына обидело Субханкули-хана, и он, разбив и выгнав с помощью правителя Бадахшана Махмудбия Ануша-хана, готовился к походу в Балх.

Приблизившись к Балху, Субханкули-хан хитростью заставил сына выйти ему навстречу и, когда Сиддик Мухаммад прибыл со своей свитой в резиденцию Субханкули-хана, последний приказал заточить сына и его приближенных. Не выдержав пыток, Мухаммад Сиддик через некоторое время скончался. Пробыв в Балхе около трех месяцев, Субханкули-хан передал Балх в управление Мухаммеджану Аталыку и 4 апреля 1685 г. отправился в Бухару.

В «Собрании посланий и писем» мы обнаружили еще одно письмо, анализ которого показал, что оно является посланием Субханкули-хана индийскому государю Аврангзебу. Документ этот озаглавлен так: «Письмо, которое написали убежище халифатства Хазрат — царю Индостана по поводу посольства убежища набожности

¹ *Муниш Мухаммад Казим*, указ. произв., л. 414б.

² *Мирза Мухаммад Саки*, указ. произв. стр. 49.

и сведущего сейидства Мир Абдурахмана Ходжи Садра». В письме, после изложения благодарности богу и возвеличивания личности индийского шаха, говорится о необходимости продолжать дела прежних государей по укреплению дружественных связей между странами. Затем излагаются события в Бухарском ханстве и, в частности, говорится: «... Защищаемый в течение последних лет, подобно раю, Самарканд, который является огромной крепостью высокого владычества и который, в отличие от многих городов (мира), имеет превосходство по значимости гробниц пророков и святых, а также могил мучеников и благочестивых и (имеет превосходство) в особенности, при наличии куполов и мавзолеев могущественных падишахов и прославленных государей — оказался под ударом несчастных событий, (он) растоптан ногами всех бунтарей-непослушных. (И за все это время все наши) мысли и заботы... были мобилизованы на победу над ними... сотворение бунтарей уничтожено и вырвано с корнями из этого чистого края... По поводу уведомления этих приятных вестей мы учтиво отправили во (дворец) того могущественного высокопоставленного, (поскольку) между нами нет противоречия, в качестве посла и посланника убежища набожности и сейидства, сведущего о счастье и о благородстве человека, с проницательным разумом Мир Абдурахмана Ходжу Садра...»

Письмо заканчивается словами: «Пусть считают угодным также отправить с той стороны посла и послания и пусть это явится причиной крепкого единства (сторон)»¹.

Из содержания послания не трудно определить время его написания и отправления в Индию. Враждебные силы, которые растоптали священный Самарканд; это никто иной, как хорезмский хан Ануша и его отряды. В 1684 г. Ануша-хан временно овладел Самаркандом.

Беспрерывные нападения хорезмийцев на территорию Бухарского ханства и неповиновение Сиддик Мухаммада, устроили Субханкули-хана². Видимо, он опасался,

¹ «Собрание писем и посланий», р. 289.

² Кстати заметим, что в период правления Ануша-хана (1663—1687) взаимоотношения Хивы с Индией также оживились. По сведениям индийских источников, в июне 1666 г. в Индию прибыл посол Ургенча Эшимбай диван-беги, а в 1670 и 1680 гг. — послы Суфи Бахадур и Хан Мирза.

чтобы Могольские правители, воспользовавшись критическим положением хана, не предприняли бы по отношению к Бухаре враждебных действий и поэтому, сразу, как только был освобожден Самарканд, Субханкули-хан для уведомления могольского двора о том, что в Бухаре царит мир и спокойствие, отправил в Индию посольство Мир Абдурахмана Ходжи Садра. Характерно, что Субханкули-хан в послании Аврангзебу даже для видимости не упоминает Иран и иранцев, как врагов обеих стран — Бухары и Индии. Это подтверждает вывод о том, что положение Субханкули-хана в те времена не было прочным и поэтому посольство Мир Абдурахмана Ходжи было направлено только для укрепления мирных и дружественных отношений с Индией. «25 рабиал аввала 1095 г. (13 марта 1684 г.) Вафадар-хан, внук Саъидхан Бахадура, — читаем в «Аламгир-намэ», — прославился титулом «Забардаст-хан» и ему поручено было поехать в Бухару в качестве посла. Он привез в Бухару послание Аврангзеба и подарки: одного слона, различные товары и изящные ткани»¹.

В «Мукимханской истории» приводится полный текст письма индийского шаха, которое озаглавлено: «Копия письма Аврангзеба падишаха (к Субханкули-Бахадурхану)». Аврангзев, как и другие подобные письма, начинается с восхваления бога и описания личности того правителя, которому он пишет. После такого вступления следует переход к задаче посольства: «Когда до слуха достоинства и величия дошло известие об утверждении на ханском престоле и на подушке власти той чистоты дома величия и высокого положения, мы хотели бы отправить посла с поздравительным письмом, благоухающим (нашей к вам) благосклонностью, но по той причине, что Мухаммад Сиддик по чрезмерному (своему) невежеству и кичливости молодости выступил из рамок своего положения, и, переменяя свои обязанности на неповиновение, вступил в пограничной полосе той земли (т. е. Балхе — *И. Н.*) на путь возмущения и бунта, и пути в ту сторону (т. е. в Бухару) не были (поэтому) очищены от хвороста и валежника мятежа и волнения (его) банд, мысль об этом (т. е. о принесении поздравления) при-

¹ *Мирза Мухаммад Саки*, указ. произв., стр. 114; *Мухаммад Юсуф Муниш*, *Мукимханская история*, стр. 140.

шлось (временно) остановить, и в этом деле произошла задержка.

Теперь же, когда потухли искры мятежа и древо опасности на путь в те пределы с корнем вырвано бурей божественного предопределения,— мы послали (к вам) отмеченного храбростью благородного происхождения Забардаст-хана, который является одним из доверенных лиц дворца убежища мира и знает тонкость этикета высокого порядка, соблюдаемого при небовидных палатах, чтобы он выразил (вам) поздравления с поднятием (вас) на седалище с подушкой ханского достоинства и с восхождением на ступени трона величия и счастья и явился бы оттуда (т. е. из Бухары) с подробным сообщением сведений о некоторых славных и величественных событиях и пышных и блистательных происшествиях, которые послужат причиной радости и благополучия того убежища великолепия и (той) сферы проявления могущества. Благоухающее же амброй письмо (от вас) совершит широкий путь выявления тех (славных ваших обстоятельств)».

Затем рассказывается о завоевании Аврангзеба в Декане.

Деканские войны обещали быть ожесточенными и длительными, и поэтому для руководства военными действиями в Аврангабад (22 марта 1682 г.) прибыл сам император Аврангzeb вместе с тремя сыновьями и со всеми лучшими военачальниками¹.

Успехи в деканских войнах во многом зависели от спокойствия в пограничных районах и от хороших, мирных отношений с соседними государствами. И поэтому, находясь в далеком Декане, Аврангzeb задумывает отправить посольство в Бухару.

«Мукимханская история» сообщает о том, что в момент прибытия индийского посла из Балха поступили тревожные вести о восстании правителя Балха Мухаммада Аталыка и Субханкули-хан «выступил по направлению к куполу ислама, Балху, и, сопровождаемый счастьем и величием, вступил в город. Индийскому послу он соизволил дать разрешение на возвращение (в Индостан)»². Значит, по данным автора «Мукимханской исто-

¹ Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, История Индии..., стр. 212.

² Мухаммад Юсуф Муниш, указ. соч., стр. 145.

рии», индийский посол Забардаст-хан прибыл в Балх вместе с ханской свитой и отсюда выехал в Индию. Можно предположить и то, что индийский посол был принят торжественно. В связи с волнениями и анархией в Балхе бухарский хан стремился быть в мирных отношениях со своим великим соседом — Индией.

Подтверждением этому является содержащаяся в «Собрании писем и посланий» специальная «Жалованная грамота по вызову Забардаст-хана, прибывшего из Индии в обязанности посла». Из содержания грамоты явствует, что индийский посол Забардаст-хан, следуя из Индии в сторону Бухары, видимо, надолго остановился в Балхе, чтобы отдохнуть, и поэтому Субханкули-хан в отправленной на имя посла грамоте просит его скорее прибыть в Бухару, чтобы пользоваться ханской милостью и его расположением¹.

В отсутствие Субханкули-хана и основных военных сил хорезмский хан Ануша еще раз совершил нашествие на территорию Бухары. Но вскоре возвратился Субханкули-хан, и на этот раз ему удалось отразить натиск хивинцев.

Разгром Ануша-хана и особенно свержение его с престола придали Субханкули-хану уверенность, что хорезмцы больше не будут беспокоить Бухару, и он направил свои взоры на территорию Ирана — Хорасан, и вскоре бухарские войска под командованием Хашикбий Аталыка овладели одной из крупных крепостей Ирана — Балаи Мургаб. По утверждению Мухаммада Юсуфа Мунши, бухарский хан предпринял поход против Ирана, «основываясь на договоре, заключенном с Забардаст-ханом, индийским посолом»². Крупный венгерский историк — ученый и путешественник А. Вамбери придерживается подобной точки зрения. Он высказывает мнение, что афганские племена в своей борьбе против могольского господства тайно были поддержаны иранцами и поэтому Аврангзев, не желая ввязываться в войну с персами, помышлял натравить бухарцев против Ирана³.

Однако, обратимся к документам, которые до сих пор не были использованы ни восточными историками, ни

¹ Рукопись, ИВАН УзССР, № 289.

² Мухаммад Юсуф Мунши, указ. соч., стр. 148.

³ А. Вамбери. История Бухары, СПб, 1873, стр. 99.

европейскими исследователями. Одним из важных источников, проливающим свет на индо-бухарские отношения конца XVII в., является послание Субханкули-хана индийскому шаху, отправленное с послом Надирбием, прибывшим в Индию в 1689 г. Содержание послания Субханкули-хана сводится к следующему:

«...Далее, до (нашего) обояния (дошел) ароматный запах и в это время в мыслях тех плодов справедливости (т. е. Аврангзеба) засияло пламя склонности к великой священной войне и борьбе против злосчастных шиитов. Мы также, исходя из (принципов) союза и единства, приступили к этому всецело благородному мероприятию. Однако поскольку до настоящего времени тому убежищу славы (т. е. индийскому шаху) не удалось освободить себе руки от пояса неблагодарных лиц государства, мы, опережая (его величество) в упомянутой цели послали против бунтарей-кызылбашцев большое победоносное войско и (наш) искренно преданный посол, повидав (всю эту) картину событий (и) после этого получив разрешение, возвратился обратно (в Бухару). В эти дни группа из воинственных войск, совершая согласно приказу нападения на этот край, завладела вилоятом Балаи Мургаб вместе с подчиненными (этого вилоята) двадцатью крепостями и взяли в плен всех правителей (этих крепостей)».

После этого в письме говорится о необходимости укрепления дружбы путем обмена посольствами. «С этой целью в ту сторону был отправлен (в качестве посла) раб высокой семьи, правдивый Надирбий дадха, который знаком со всеми правилами обхождения страны и законом государственной службы. В то время, когда (наш) посол, добравшись до (вашего) двора, исполнит весь этикет посланника и (все) условия закона посольства и (этим самым) укрепит и усилит основу дружбы и правило единодушия, то тогда, несомненно, (его величество) не задерживая и не оставляя его надолго, в скором времени дадут разрешение на (его) возвращение»¹.

Приведенные отрывки из послания Субханкули-хана говорят в пользу той точки зрения, по которой могольский двор, действительно, через своего посла Забардастхана затронул вопрос об отношениях обеих стран — Ин-

¹ Рукопись ИВАН УзССР, № 289.

дии и Бухары к Ирану, и предложил совместное выступление против иранцев. Допустимо и такое предположение, что, будучи занят деканскими завоеваниями, Аврангзеб ради обеспечения мира и спокойствия в восточных провинциях своей империи, стремился укрепить дружбу с Бухарским ханством и, играя на бухарско-иранских противоречиях, высказался за единый союз против Ирана.

Субханкули-хан, который в течение длительного времени не смог упрочить власть в пограничной с Индией провинции — Балхе (за что, между прочим, его и упрекал индийский монарх в своем письме), поспешил сообщить императору Индии о своих успехах — завоеваниях в чужой стране. С этой целью он снарядил посольство Надир бия дадха в Индию сразу после оккупации бухарскими войсками Балаи Мургаба. В своем послании бухарский правитель хотя и пишет, что он действовал против Ирана на основе достигнутого общего по этому поводу мнения между Индией и Бухарой и признает, что Аврангзеб не мог участвовать в этой компании потому, что, видимо, слишком был занят внутренними делами, однако, в письме не приводится мысль, что борьба против Ирана будет продолжена и она должна вестись совместно с Индией. Это позволяет нам заключить, что задача посольства Надир бия заключалась в том, чтобы представить Бухарское ханство в глазах могольского императора могущественным государством. Неуверенный в наступлении затишья во взаимоотношениях между Хорезмом и Бухарой, Субханкули-хан, по-видимому, не считал нужным лишний раз говорить о продолжении военных действий на территории Ирана.

Действительно, вскоре после занятия бухарцами Балаи Мургаба хорезмцы во главе с Ирнак-ханом снова совершили нападение на территорию Бухарского ханства и Субханкули-хану с трудом, с помощью правителя Бадахшана Махмуд бия, удалось очистить Бухару от хорезмских войск.

Оппозиционные круги в Хорезме умиротворили Ирнак-хана и, выражая свою покорность Бухаре, просили Субханкули-хана отправить в Хорезм одного из своих приближенных на должность хана. Таким путем хорезмский трон достался ставленнику бухарского хана Ниязу ишик агаси (1688—1702), период правления которого

характеризуется мирными взаимоотношениями между Хорезмом и Бухарой.

В рукописи № 289 имеется еще один документ, касающийся бухарско-индийских отношений периода Субханкули-хана. Документ этот озаглавлен: «В ответ на письма падишаха Индостана Хазрат Абдулазиз-хан написали». Ознакомившись с содержанием документа, нетрудно заметить, что он ошибочно назван переписчиками письмом Абдулазиз-хана. На самом деле, оно является посланием Субханкули-хана Аврангзебу. Прежде чем анализировать документ, ознакомимся с его содержанием. Оно сводится к тому, что бухарский хан ставил перед собой цель обрадовать царя Индии своими военными успехами над неверными иранцами, которые будто бы одновременно являются врагами обеих сторон. Далее в письме говорится: «Поскольку в нашей дружбе (основанной на единстве) веры недоброжелательность друг другу равносильна неминуемой вражде и вместе с тем (поскольку) до настоящего времени тому убежищу справедливости царю Индии) не удавалось освободиться от важных мероприятий — священной войны той страны (Индии), то поэтому мы, опережая (его величество) в этом всецело благородном и (крайне) желаемом деле, отправили множество победоносных войск против кызылбашцев и большинство проигрывающих войну кызылбашцев (сейчас) находится в пропасти гибели и в разрушенных дотла домах. Слава аллаху, что в месяце рабиал-аввал зменного года, в 1100 г. (1688—1689 г.) были захвачены много крепостей и столько же населенных пунктов, главным образом (была завоевана) область Балаи Мургаб, являющаяся ключом к Ирану и преддверием к Хорасану, и правителей же этих стран, большинство которых были из видных и доверенных людей кызылбашцев, поймав и взяв в плен, привели к подножью трона (нашего) государства...»

Далее в письме утверждается, «что если возникнет и укрепится сила взаимной помощи и мощи согласованности... то только тогда, несомненно, что из этих низких и (достойных) смерти людей не останется ни приметы и ни следа...»

Данное послание было отправлено через Шахбек-бия, «который лично участвовал в упомянутой священной

ной войне (газавате) и который ясно знает все подробности (этих) событий». В конце письма выражается надежда, что посол Шахбек бий не будет долго задержан в Индии.

Таким образом, как явствует из содержания второго послания, на этот раз Субханкули-хан предложил могольскому императору совместно выступить против Ирана. Это объясняется тем, что к концу своего правления положение Субханкули-хана становится менее прочным. Дело в том, что Субханкули-хан за оказание ему услуги в борьбе против хорезмских ханов назначил наместником Балха и Бадахшана Махмуд бия. Последний же, став полновластным правителем Балха, в свою очередь, стремился к независимости. Все попытки Субханкули-хана направить против Махмуд бия правителя другой части Бадахшана — Ярбека не дали ожидаемого результата. В то время когда Махмуд бий находился в Кундузе, чтобы отразить нападения Ярбека, Субханкули-хан прибыл в окрестности Балха во главе большого войска из казахов и каракалпаков. Но эта попытка также не привела к упрочению власти Субханкули-хана в Балхе, он и на этот раз вынужден был заключить мир с Махмуд бием и одновременно признать его правителем Балха¹. Все это не могло не повлиять на внешнюю политику Бухарского ханства, особенно на его взаимоотношения с соседним с Бухарой и Балхом государством — Индией. Будучи не в состоянии вести войну против Ирана в широком масштабе, видимо, правитель Бухары призывал индийского царя принять активное участие в этом «благородном деле». Возможно и так, что будучи не только не в состоянии вести войну против Ирана, но и чувствуя ослабление своей власти, Субханкули-хан предлагал индийскому монарху совместную войну против Ирана, хотел убедить индийского шаха в мощи своего государства.

Какую бы цель ни преследовал Субханкули-хан, послав посольство Шахбек бия, ясно одно, что его власть в Бухаре не была прочной. Воспользовавшись этим, иранцы заняли принадлежащую племенам минг территорию Шафиркана, после чего в Балхе наступил

---

¹ Узбекистон ССР тарихи, 1 том, биринчи китоб., стр. 455.

полный хаос¹. В это время (в 1702 г.) Субханкули-хан умер и бухарский трон достался его сыну Убайдулле-хану (1702—1711).

Что касается Могольской Индии, то она, в связи с развернувшимися народно-освободительными движениями ряда индийских племен, особенно маратских народностей против могольской власти, не только не собиралась идти войной против Ирана, но не имела возможности и времени поддерживать контакт с Бухарой. После посольства Забардаст-хана индийское правительство уже не посылало послов в Бухару.

Подытоживая бухарско-индийские политические взаимоотношения времени Субханкули-хана и Аврангзеба можно сказать, что оба правителя, преследуя каждый свои интересы, приложили усилия к тому, чтобы установить мирные отношения между обеими странами. Однако это не означало, что в эти годы отсутствовали в их отношениях присущие феодальным государствам разногласия и противоречия. В доказательство приведем один типичный пример. Вместе с послом Забардаст-ханом в Бухару прибыл некий Ходжа Абул Маани Балхий, который представился вакианависом (корреспондентом) индийского царя и сообщил, что ему поручено раздать дары могольского императора в сумме 10 тысяч рупий тем людям, которые живут вокруг гробницы Сахибкирана (Тимура), то есть, иначе говоря, эти суммы были предназначены самаркандским шейхам. Это поручение индийского царя не понравилось Субханкули-хану, который, видимо, воспринял его как унижение со стороны могольского императора и поэтому воспретил въезд Ходжи Абул Маани в Самарканд. Лишь после неоднократных просьб посла Забардаст-хана упомянутому Ходже было разрешено отправиться в Самарканд. Там он эти 10 тысяч рупий предложил главному казию Самарканда, но тот также отказался получить от представителя Аврангзеба какие-либо деньги. Ясно, что главный казий Самарканда так поступил не без ведома Бухары. После этого Ходжа Абул Маани якобы раздал деньги учащимся медресе и вернулся в Бухару².

¹ Узбекистон ССР тарихи..., стр. 456.

² Мухаммад Бади ибн Мухаммад Шариф Самаркандский (Малеха), Мазкарул асхаб, ИВАН УзССР, р. 2613, л. 125—130 а.

В период правления Убайдуллы-хана и Абулфайз-хана (1711—1747) в Бухарском ханстве еще больше усилился экономический и политический кризис. Бесконечные и безуспешные войны Убайдуллы-хана в пределах Бухарского ханства привели к разрушению страны и обнищанию трудящихся масс. Его деспотизм вызвал недовольство и среди правящих кругов. Убайдулла-хан был убит и на престол вступил его брат Абулфайз-хан, который фактически, был марионеткой в руках представителей различных оппозиционных групп. При царствовании Абулфайз-хана Бухарское ханство не представляло единого государства, оно фактически лишилось Балха, Бадахшана, не говоря о Хорезме. Кроме того, почти все остальные провинции также лишь формально зависели от Бухары, на самом же деле, все они стали самостоятельными и вели между собой кровопролитные феодальные войны.

Не лучше было в рассматриваемый период и положение Могольской империи. «Измученный безрезультатной войной с маратхами,—пишут индийские историки Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи,—падишах (Аврангзеб — И. Н.) серьезно заболел, его войска начали отступать, преследуемые маратхами. В обстановке полнейшего беспорядка, запустения, нищеты и лишений окончательно деморализованная армия отошла в 1705 г. к Ахмаднагару. Контрнаступление маратхов, силы которых все возрастали, приобрело определяющее значение. В конце своей жизни великий падишах полностью осознал крах своей кампании в Декане. Он умер 20 февраля 1707 г. в Ахмаднагаре»¹. После смерти Аврангзеба усилилась борьба за престол между его сыновьями — Шах Аламом, Азамом и Кам Бахшом.

В годы правления преемников Аврангзеба: Бахадур-шаха (он же Шах Алам) (1707—1712), Фарруха Сияра (1713—1719) и Мухаммад-шаха (1719—1748) еще больше поднялась волна освободительного движения индийских народов. К тому же в отличие от Аврангзеба его преемники не отличались особыми дарованиями и способностями в управлении страной; все это в конечном

¹ Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи, указ. соч.

итоге привело к окончательному падению Могольской империи.

Дошедшие до нас документы свидетельствуют, что и в эти трудные времена не прекратились взаимоотношения между Средней Азией и Индией. Ознакомившись с содержанием документа, который озаглавлен (в рукописи № 289): «Письмо, которое написали убежища халифата (государства) Хазрат по поводу поздравления (Царя) страны Инд (остана) (и которое отправлено) через посольство убежища амирата Субтанбиа кушбеги», мы пришли к заключению, что это письмо отправлено бухарским правителем Абулфайз-ханом. Как сообщается в послании. Султан бий дадха был сыном Рустам бия аталыка. В книге Абдурахман-и Тали «История Абулфайз-хана» имеются сведения о том, что Султан бий, сын Рустама, в 1716 г. был выдвинут на должность «кушбеги» и примерно через два года после этого, принимая участие в междоусобной борьбе, направленной против Абулфайз-хана на стороне оппозиционной группы кенегесов, 25 мая 1718 г. был убит. Для того чтобы иметь еще более ясное представление о посольстве Султан бия дадха, обратимся к содержанию самого документа.

В начале послания извещается, что в Бухаре также установлен порядок и восторжествовала радость и «трибуны ислама разукрасились нашими царскими титулами... В эти (являющиеся) близнецами с весельем дни посол радостного ветра из цветника дружбы посол из Индии — *И. Н.*) сообщил о восходе солнца государства и сверкания луча справедливости того сидящего на передней арене дворца могущества и (того) избранного (достойного) престола у площадки чертога (дворца) справедливости» (индийского царя). Далее подтверждается необходимость укрепления дружбы и единства, на что великие предки обеих сторон в свое время должным образом обратили (свое внимание).

«На основании приобретения этого содержания для укрепления дружбы — *И. Н.*) назначили убежище эмирата и знающего (закон) правления, несомненного сторонника (нашего государства), преданного (нам) и достойного (всяческой) милости (этого) высокого дома и любезности Султан бия дадха, сына Рустам бия аталыка... в ту сторону (Индию — *И. Н.*) в ка-

честве посла (для того, чтобы) поздравить (вас) с восшествием на престол (и) процветающим счастьем... В то время, когда (посол наш) осчастливится пожалованием в (ваш) дворец (и) исполнит обязанности службы (приветствия), то, прислушиваясь ко всему тому, что будет слышно о тех необходимых мерах (делах), которые передаются его словами, (его величество) соизвелят себе должным образом воспринять их...»

Итак, из содержания послания можно заключить следующее: во-первых, до посольства Султан бия дадха из Индии в Бухару прибыл индийский посол, который, видимо, привез с собой письмо своего государя, в котором индийский царь извещал о своем вступлении на престол. Султан бий дадха был послан в Индию как ответный посол; не исключается, что бухарский и индийский послы выехали вместе. Во-вторых, Султан бий дадха был назначен послом в Индию еще до 1716 г., то есть до того, как он стал «кушбеги». Потому что, как явствует это из «Истории Абулфайз-хана», Султан бий кушбеги с 1716 г. до его убийства не отлучался из пределов Бухары. Следовательно, по ошибке переписчиков или же из-за уважения к историческим личностям (поскольку им было известно, что Султан бий позже занимал должность «кушбеги») в заглавие данного документа к имени Султан бия прибавлено слово «кушбеги».

Таким образом, посольство Султан бия дадха побывало в Индии до 1716 г.; возможно и то, что бухарский хан пожаловал Султан бию должность «кушбеги» после его возвращения из Индии. Если предположить, что посольство Султан бия вернулось из Индии в 1715 или 1716 гг., то индийский посол, прибывший в Бухару до отправления бухарского посольства в Индию, был послом от индийского царя Фарруха Сияра.

На посольство Султан бия дадха была возложена задача поздравить индийского царя с его восшествием на престол и довести до его сведения «о тех необходимых делах», на которые индийский царь должен обратить свое внимание. Что за «необходимые дела» в письме конкретно не сказано. Думается, что это личная просьба бухарского хана выслать из Индии некоторые индийские товары и предметы, то есть относится к области экономических отношений между странами. Такое предположение, в частности, доказывается той задачей,

которая была возложена на следующие бухарские посольства в Индии, которые возглавил Мехтар Убайдулла¹, отправленное правительством Абулфайз-хана. Во втором своем письме сообщает бухарский хан, что в его государстве якобы все в порядке, установлен прочный мир и спокойствие между народами. Затем речь идет о необходимости продолжения дела великих предков в укреплении дружественных связей между обеими странами — Бухарой и Индией. Именно исходя из такого намерения, как подчеркивается в документах, отправляется в Индию в качестве посла правоверных суннит, преданный высокому дому, один из знатных людей Бухары — Мехтар Убайдулла. В конце письма говорится, что при возвращении Мехтара Убайдуллы на родину, «те товары, которые (предусмотрено передать) специально из (имущества) вашего благородия Мехтару Пасендэ Баки и Худайберди Тахвилдару, пусть (вашего величества) по его (т. е. посла) объяснению, отправят их (товары) в его сопровождении. Этот упомянутый служитель (т. е. посол), доставив эти товары полностью и целиком, прибудет в могущественный дворец».

Таким образом, в первой половине XVIII в. (до начала походов Надиршаха) так же, как и прежде, политические связи между Бухарским ханством и Могольской империей все еще продолжались. Правда, в бухарско-индийских взаимоотношениях этих времен не ставились на обсуждение важные вопросы, как, например, отношение к Ирану и т. д.; обмениваясь посольствами между собой, правители обеих сторон поддерживали лишь старинные традиции, которые выражались в том, чтобы ставить в известность соседнего правителя о своем восшествии на престол. Но и подобный обмен посольствами служил укреплению дружественных связей между сторонами.

Надиршах (1736—1747), став в 1736 г. шахом Ирана и опираясь на военную аристократию и воинствующие племена, приступил к завоеванию соседних с Ираном стран. В течение двух лет ему удалось покорить весь Аф-

---

¹ В первые годы правления Абулфайз-хана Убайдулла, сын Мехтар Пулада, стал великим мехтером, через некоторое время на пост великого мехтера встал Ибадулла Мехтар (*Абдурахман-и Тали*, История Абулфайз-хана, стр. 37).

ганистан и создать угрозу для Индии. В 1739 г. Надиршах захватил столицу Могольской империи — г. Дели. Отсюда через Балх во главе крупного войска Надиршах направился в сторону Бухары. Услышав о намерениях Надиршаха, бухарский хан Абулфайз отправил к нему навстречу своего представителя, через которого выразил свою покорность иранскому шаху. Так, без боя, Бухара вошла в состав государства Надиршаха (в 1740 г.). В этом же году Надиршах завоевал Хорезм.

Все страны и народы, входившие в состав государства Надиршаха, не были связаны между собой экономическими и культурными отношениями. Поэтому после убийства Надиршаха (в 1747 г.) его империя быстро рухнула. На ее обломках возникло самостоятельное государство — Афганистан. Бухарское ханство и Хорезм также скоро вернули свою независимость.

Что касается Индии, то здесь крайне ослабевшая в результате войн Могольская империя натолкнулась на мощный натиск маратхов. Маратхам даже удалось захватить Дели. Но скоро маратхи тоже были разбиты афганцами под предводительством Ахмадшаха Дуррани (1747—1763). 14 января 1761 г. при Панипате произошло ожесточенное и решающее сражение между афганцами и маратхами, в котором последние были побеждены. Но победители — афганцы также не могли долго оставаться в Индии, захватив все, что было возможно, они повернули в сторону Афганистана, оставляя за собой израненную и ослабевшую Индию. Характеризуя битву при Панипате, К. Маркс писал: «Верховная власть Великого Могола была свергнута его заместителями. Могущество заместителей было сломлено маратхами. Могущество маратхов было сломлено афганцами, и пока все воевали против всех, нагрянул британец и сумел покорить их всех»¹.

---

¹ К. Маркс. Будущие результаты британского владычества в Индии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, изд. 2, стр. 224.

КУЛЬТУРНО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ НАРОДОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИНДИИ

В течение XVI—XVIII веков народы Средней Азии и Индии, продолжая многовековые традиции своих предков, находились в тесных культурных взаимоотношениях. Совместное их сотрудничество происходило во всех областях культурной жизни: в поэзии, литературоведении, искусстве, в создании исторических и других научных трудов и т. д. Культурная связь между Индией и Средней Азией осуществлялась посредством личных контактов и благодаря совместным работам представителей науки и культуры, путем их обмена научными трудами.

В период правления Бабур (1526—1530) и Хумайуна — этих бесспорных покровителей искусства и литературы, в Индии было уже много поэтов, историков и представителей других отраслей науки, прибывших из Средней Азии, но в связи со сложившейся политической ситуацией еще не создалась возможность для быстрого и всестороннего развития науки и культуры. Такая возможность появилась в Индии при Акбаре, когда Могольская империя превратилась в одну из великих держав в Азии. Если раньше, так называемая «мусульманская знать», часть которой составляли пришельцы из Средней Азии, находилась не только у политической власти, но и осуществляла руководство культурной жизнью страны, исходя при этом из своих интересов и соображений, то при правлении Акбара происходит слияние так называемой «мусульманской культуры» с культурой, создаваемой народами Индии.

В период правления Акбара государство моголов постепенно меняло свой облик, из государства пришлых

элементов-чужестранцев оно переросло в общендийское государство. Этот процесс происходил двумя путями: путем привлечения индийцев к управлению страной и путем приспособления представителей могольской власти к местным условиям и требованиям. Это означало, в свою очередь, что приближение ко двору и участие в управлении страной не определялось происхождением того или иного лица и его прежними заслугами, принадлежностью к тюркским племенам, прибывшим в Индию с Бабуром или Хумаюном и занимавшим привилегированное положение, а определялось его дарованием и преданностью данному правителю. Узнав о женитьбе Акбара на раджпутской княгине, войска, состоящие из тюркских племен, во главе с выдающимися полководцами Акбара — Ханзаманом и Абдуллой-ханом Узбеком и отряды мирз, то есть приближенных людей и родственников Бабура, подняли вооруженное восстание против Акбара (в 1563—1564 гг.). Восставшие намеревались посадить на могольский престол сводного брата Акбара — Мухаммад Хакима, который отличался своей приверженностью к знати и племенам среднеазиатского происхождения. Восстание Абдуллы-хана Узбека и мирз было жестоко и молниеносно подавлено. После этого события многие эмиры и должностные лица тюркского происхождения были лишены своего знатного положения. Еще больше сократилось число знатных и должностных лиц из пришельцев, после подавления восстания 1582 г. в Гуджарате и Бихаре.

Как известно, подстрекателями этого восстания явились шейхи накшбандии, которые выступали против религиозных новшеств Акбара, особенно, против поощрения им отдельных принципов шиизма, джайнизма и даже индуизма. Как указывается в «Айини Акбари», из 212 эмиров-военачальников, служивших Акбару после 1582 г., всего лишь 83 (39%) являлись пришельцами из Средней Азии и Персии, 85 (40%) были местными мусульманами и 44 (21%) — индусами, происхождение 75 эмиров было неизвестным¹.

Таким образом, в конце XVI в. более 60% джагирдаров состояло из людей, родившихся и выросших в

---

¹ К. А. Антонова. Очерки общественных отношений..., стр. 84—85.

Индии. Политическое и экономическое ослабление позиций пришлых элементов, однако, не сказалось отрицательно на общении и соединении двух культур — мусульманской и индийской. Наоборот, участие местных мусульман и индийцев в управлении страной и в связи с этим постепенное вхождение в быт и культурную жизнь двора обычаев и традиций народов Индии способствовало более тесным связям и взаимопроникновению двух культур. С другой стороны, натиск Акбара, если можно так выразиться, был направлен против политической и экономической силы пришлых элементов, поскольку стали помехой на пути создания мощного общенационального государства в Индии, а отнюдь не против той культуры, которую привез Бабур и его сподвижники. В-третьих, политика Акбара не предполагала отчуждения Индии от другой части света, то есть не превращала ее в закрытую страну. Индия не только при Акбаре, но и до конца правления Аврангзеба (1658—1707) оставалась открытой страной, куда ежегодно прибывали сотни ученых и мыслителей из-за рубежа, и многие из них находили приют в Индии и впоследствии внесли тот или иной вклад в развитие индийской науки в целом. Среди прибывших в Индию зарубежных ученых и мыслителей были, и немалое количество, ученых из Средней Азии. И, наконец, несмотря на нововведения в религии и создание «божественной религии» (дин-и-илляхи), Акбар до конца своей жизни оставался истинным мусульманином и его государство было государством мусульман. Преемники Акбара — Джахангир и Шах Джахан — особенно не стремились к приспособлению ислама к условиям и нуждам общественно-социального положения Индии. А последний могущественный могол Аврангзев, опираясь в проведении своей внутренней политики на духовенство суннитского толка, даже укрепил позиции военачальников, вышедших из Мавераннахра, позволив им набрать целые войсковые соединения из среды своих сородичей¹.

Таким образом, наряду с экономическими и политическими факторами, которые играли существенную роль в добрососедских отношениях народов Средней Азии и Индии, в установлении и развитии культурного сотруд-

¹ К. А. Антонова. указ. стр. 151.

ничества между ними определенное значение имело еще и то обстоятельство, что господствующей религией в этих странах был один и тот же толк ислама—суннизм. Последнее способствовало тому, что шейхи, дервиши, факиры и другие религиозные лица свободно расхаживали по всем областям и районам, как в Индии, так и в Средней Азии, являясь, проводниками различных социально-политических и религиозно-философских воззрений и течений.

* * *

Период правления Акбара характеризуется как период стабилизации и развития производительных сил в стране, как период небывалого роста экономической мощи крупных феодалов, а также роста экономики и укрепления экономических позиций средних слоев населения. Усиление экономического могущества страны не могло не сказаться на развитии науки, искусства, чему в немалой степени способствовали склонность и расположение могольских правителей к литературе и другим отраслям культуры и науки.

Хотя сам Акбар был неграмотным, он окружил себя знаменитыми учеными, выдающимися поэтами. В его дворце жили и творили представители литератур и искусств различных народов. Много книг, относящихся ко многим отраслям науки и написанных на арабском и тюркском языках и на языке хинди, по указанию Акбара были переведены на персидско-таджикский язык, который являлся государственным и литературным языком Индии в период Могольской империи. С языка хинди были переведены такие прославленные в веках литературно-художественные произведения, как «Махабхарата», «Рамаяна» и «Атхарваведа», с тюркского языка — мемуары Бабура «Бабур-намэ», арабского — «Му”джамал Булдан», «Хаят-ал-хайван» и многие другие.

В период правления Акбара большое развитие получила историческая наука. «Тарихи Акбаршахи» Абулфазла Аллами, «Мунтахаб-аттаварих» Бадавани, «Табакати Акбари» Низамутдина Ахмада являются первоклассными источниками по истории Могольской Индии. Особенно ценным является «Айини Акбари» Абулфазла, наиболее полно рисующее социально-экономическую жизнь Индии в XVI—XVII вв.

Дворец Акбара был средоточением выдающихся ученых и поэтов своей эпохи. В «Айини Акбари» приведены имена многих из них: Файзи Файязи, Урфи Ширази, Баба Талиб, Касым Кахи и многих других, получивших громкую известность в мире персоязычной поэзии. «Подъем индийской литературы, начавшийся при великом Акбаре, продолжался при Джахангире (1605—1627) и Шахе Джахане (1627—1658). Джахангир является писателем, имеющим значительные достоинства. Помимо того что Джахангир написал свои знаменитые «Мемуары» («Тузуки Джахангири»—И. Н.), он способствовал завершению работ по составлению ценного словаря «Фарханг-и-Джахангири». При Шахе Джахане индийская историческая литература на фарси была обогащена произведениями Абд-ал-Хамида Лахори, автора «Бад-шах-намэ» и Хафи-хана, автора «Мунтахаб-ал-лубаб...»¹

Последний великий могол Аврангзеб также разбирался в литературе, он хорошо владел как персидским, так и тюркским языками.

В развитие науки и культуры в Индии в XVI—XVII вв., наряду с индийскими и иранскими учеными и поэтами, свой достойный вклад внесли и среднеазиатские ученые и мыслители, прибывшие в Индию по той или иной причине. Ниже мы приводим сведения о наиболее известных среднеазиатских мыслителях, которые, прибывая в Индию на постоянное местожительство, или же, находясь в этой стране в течение нескольких лет, приняли в какой-то мере участие в развитии индийской культуры и искусства².

Кази Газанфар Самарканди — знаменитый ученый и мыслитель своей эпохи; он несколько лет жил в Гуджарате, а потом уехал в Мекку (Таб. Ак., л. 315 а).

---

¹ Н. К. Синха, А. Ч. Бенерджи, История Индии, стр. 269.

² Сведения о среднеазиатских ученых и поэтах, прибывших в Индию, мы извлекли из «Тарихи Акбаршахи» (Тар. Ак.) Абулфазла, «Табакати Акбаршахи» (Таб. Ак.) Низамутдина Ахмада, «Мират-ал-алам» (Мир. Ал.) Бахгавар-хана, «Мунтахаб-ат-таварих» Бадавани (Мунтах), «Камус-ал-аълам» (Камус) Ш. Сами. Нафаис-ул-маасират (Нафаис) Мир Алауддина (ИВАН УзССР, р. 848), Тазкират-уш-шуаро Мутриби (Мутриби) (ИВАН УзССР, р. 2253) и когда речь идет об одном или другом ученом или поэте, при ссылке мы ограничиваемся указанными в скобках обозначениями в самом тексте.

Мавлана Абдурахман Ва'из — ученый-богослов, в 1572 г. выступил в Фатхпуре на одном из устроенных по инициативе Акбара совещаний по вопросам религии и богословия. (Тар. Ак., т. II, л. 26а, б).

Мавлана Са'ид Туркистан — так же как Хафиз Куйки Ташканди — ученик Муллы Асамутдина Ибрахима, стал крупным ученым. Мавлана Са'ид прибыл в Индию в 1561 г. и, как пишет историк Бадавани, «беседой с ним Хазрат (т. е. Акбар) остался весьма довольным». Ученый умер в 1562 г. в Кабуле (Мунтах, л. 387б).

Мирзада Муфлис Самарканди — ученый и поэт; в 1571 г. прибыл в Индию и в течение 3—4-х лет преподавал в медресе «Ходжа Му'ин» в Агре, потом уехал в Мекку, где и умер. (Таб. Ак., л. 314 а).

Мераджи Ташканди — мастер стихотворного жанра «касыда» («ода») умер в Агре в 1554 г. (Нафис, л. 156 б.).

Гайури Хисари служил сначала у правителя Кабула Мухаммада Хакима, потом перешел на службу к Акбару (Мутриби, л. 236 а-б). О дальнейшей судьбе поэта не имеется достоверных сведений.

Килич Мухаммад-хан — родился в Балхе, занимал при Акбаре должность «дивана» правителя Агры и получил титул «хан» (Мутриби, л. 202 б).

Раших Балхи — в момент составления «Тазкират-уш-шуаро» Мутриби он был еще жив и находился в Индии. Мутриби приводит одну его газель, которая, по его сообщению, имела большую популярность среди самаркандцев (Мутриби, л. 205 б.).

Зилали Самарканди — этот поэт был близким другом автора «Жизнеописания поэтов» Мутриби и уехал в Индию вместе с отцом по торговым делам. (Мутриби, л. 107 б.).

Анджуми — имя этого поэта *Мирза Баки*. Он был одним из приближенных ко двору Абдуллы-хана лиц и, по данным Мутриби, самым веселым и остроумным человеком своего времени. Уехал он в Индию и поступил там на службу к принцу Салиму; умер Анджуми в Индии (Мутриби, л. 49 а, б.).

Да'и Андиджани — был учеником и «писал содержательные стихи», несколько лет жил в медресе «Мир Араб» в Бухаре. Потом по совету родственников женился, но весьма неудачно, из-за семейных неполадок он

Мулла Касим Кахи из Бадахшана — один из учеников великого таджикского мыслителя Абдуррахмана Джами, поехал в Индию в период правления Хумайуна и считался почтенным ученым и поэтом во дворе Акбара. Он писал содержательные и «сладкие» стихи; Мулла Касим пользовался любовью народа. Говорят, что однажды, когда он читал свои стихи, посвященные правителю Бадахшана, тот настолько был тронут содержательностью и красотой этих стихов, что подарил поэту все, что было в его казне.

Мулла Касим раздал все это беднякам. Он прославился не только в области поэзии. Ему принадлежит ряд капитальных научных трудов в области литературоведения, по музыковедению; он сам сочинил немало количество мелодий.

Император Акбар с учтивостью и подобающим уважением относился к Мулле Касиму. Говорят, что каждый раз, когда поэт оказывался во дворце Акбара, тот приказывал выдавать ему из казны по тысяче рупий. Такое отношение государя к нему смущало поэта и поэтому он вскоре перестал посещать дворец. Тогда по распоряжению Акбара, Мулле Касиму выделяется жалование в размере двух ашрафов в день. По рассказу его современников, Мулла Касим всегда находился в окружении поэтов, ученых и знатных людей своей эпохи¹.

В период правления Акбара в Индию приехали поэты *Мухтарам* (*Мухаммад Хашим*), *Кадри Насафи* (в 1585 г.), *Самани Ташканди* (в 1592 г.), *Адаيي Самарканди* (в 1595 г.) и другие.

Переходим к краткой характеристике поэтов и ученых, которые побывали в Индии, а затем вернулись на родину.

Тарзи Самарканди — путешествовал по отдельным странам под видом торговца и, находясь в Индии, «имел беседу с (индийскими) учеными и пробовал (съедобное) с их стола наставления, собирал колосья из (их) закров знаний». (Мутриби, л. 119 а.)

Мулла Гурбати Бухари — писал стихи на все жанры поэзии, составил свой диван; побывал в Индии на прие-

---

¹ *Абдулла Кабули*, Тазкират ал-Таварих, ИВАН УзССР, р. 2093, л. 185 б, 282—283.

ме у Акбара, который щедро награждал поэта. Через некоторое время он возвратился на родину.

Ариффи Бухари — известен как *Ходжа Хатиб*. Побывал в Индии и встречался с учеными и знатными людьми той страны и вернулся в Бухару. Он хорошо исполнял классические и народные песни, писал замечательные стихи. (Мутриби, л. 177 а).

Фариғи — известен как *Ходжа Дусти Кухна*. Побывал в Индии, «собирал колосья из закромов их (т. е. индийских) знаний», и вернулся на родину.

Мавлана Мирак Шатранджи — одно время был приближенным Абдулла-хана. Он хорошо играл в шахматы и поэтому избрал себе псевдоним «шатранджи» — «шахматист».

Однажды, Мирак Шатранджи, играя в шахматы с Абдуллою-ханом, неучтиво выразился о хане, и хан, рассердившись, тут же приказал отрезать ему нос. После такого неприятного случая Мирак Шатранджи покинул Бухару и отправился в Индию. В Лахоре индийские хирурги сделали ему пластическую операцию, в результате которой нос его якобы трудно было отличить от настоящего. Он долго жил в Лахоре, занимался педагогической деятельностью и лишь после смерти Абдуллы-хана возвратился на родину. (Мират, л. 615 а).

Садык — полное его имя — *Казы Мухаммад Садык Ахунд*, родился и учился в Самарканде у *Мавлана Ахмада Чанди* и стал крупным ученым и поэтом. По данным Мутриби, Садык по пути в Мекку остановился в Кабуле и несколько лет занимался воспитанием принца Мухаммада Хакима Мирзы (Мутриби, л. 189—190 а, б).

По сведениям автора «Нафанси маасират», Садык побывал в Индии дважды: первый раз он в течение нескольких лет преподавал в медресе «Амхад-ходжа» в Лахоре. Вторично, в 1567 г., возвращаясь из арабских стран, он остановился в Агре и до 1570 г. преподавал в медресе, а потом, прибыв в Кабул, занимался воспитанием принца. Садык умер в 1595 г. в Самарканде (Нафанси, л. 90 б.).

Хафиз Куйки Ташканди — был крупным ученым своего времени. По мнению индийского историка Бадавани он «хорошо знал все отрасли науки». Особенно Хафиз Куйки прославился знанием арабского языка и литературы, а также богословия. Он прибыл в Индию в 1569

(1570) г., был принят Акбаром и щедро награжден им. Из Индии Хафиз Куйки отправился в Мекку и оттуда в Турцию. В Турции султан предложил ему занять пост везира, но Хафиз Куйки не принял это предложение, так как предпочел всем высшим должностям свою родную землю. (Таб. А, л. 314 а; Мунтах, л. 386 а 239 а.)

В числе знаменитых людей, которые посетили Индию в XVI в., упоминается имя талантливого таджикского поэта *Абдуррахмана Мушфики* (1538—1588). Осиротев в молодости, Мушфики прошел нелегкий жизненный и творческий путь. Его способность к литературе и поэзии (особенно в жанрах касыды и хаджв — сатирические стихотворения) выдвинула его в ряды известных поэтов своего времени. Несколько лет Мушфики служил у Самаркандского правителя Султана Саъида (1568—1572) в должности «китабдара» (библиотекаря). Но нужда не покидала поэта и в этой должности. До нас дошли отдельные стихотворения Мушфики, в которых он жалуется на свою материальную необеспеченность. Сколько времени служил Мушфики у правителя Самарканда и каким путем он оказался среди поэтов Абдуллы-хана, пока остается неизвестным. Факт, что Мушфики больше пятнадцати лет (последние годы своей жизни) провел на службе у Абдуллы-хана Шайбанида. По рассказам современников, Мушфики и во дворце Абдуллы-хана не жил в полной свободе. Наветы клеветников-эмиров и завистников разгневали хана и это чуть ли не стоило Мушфики жизни.

По совету некоторых лиц, Абдулла-хан «смягчился» и решил наказать поэта следующим образом: Абдулла-хан будет скакать на коне, а Мушфики, не отходя от стремени и находясь под обнаженным мечом, должен бежать рядом с конем и сочинять в это время, не запынаясь и не останавливаясь, стихи во славу царя. Хан предупредил, что если Мушфики запнется, то он будет разрублен на две части. Знаменитый поэт с достоинством выдержал это испытание.

По данным автора «Тарихи Акбаршахи», Мушфики прибыл в Индию в двадцать втором году правления Акбара (т. е. в 1578 г.) и был принят им в Патне вместе с Суфи Насиром из Балха и другими. В это время Акбар руководил военными действиями против повстанцев-бе-

луджей. На приеме поэты, в том числе и Мушфики, читали свои стихи¹.

По сведениям индийского историка Бадавани, Мушфики дважды посещал Индию, и во время последнего пребывания в этой стране написал стихи о ее народах², в которых тепло отзывался об индийцах. Проф. А. Мирзоев в одной из своих работ подтверждает, что Мушфики два раза бывал в Индии³. В предисловии, написанном к подготовленному «Мунтахаботу» («Избранным произведениям») Мушфики, З. Ахраров пишет, что отправился в сторону Индии в 985 г. х. (т. е. в 1567/68 г.) и возвратился оттуда через год⁴.

Вторая поездка Мушфики в Индию относится к концу 70-х годов XVI в. «Абд ар-Рахман Мушфики,— говорит проф. А. Мирзоев, в 1575 г., то есть еще до своей поездки в Индию, написал и послал правителю Индии Джалал ад-дину Акбару касыду со следующей матла:

«Дали Индии ласковостью обратил в свой цветник
Мухаммад Акбар Гази Джалал ад-Дин — величие веры и мира»⁵

Однако и на этот раз в Индии Мушфики постигла неудача, он не был принят могольскими правителями подобающим образом. Причина этого заключалась в том, что к моменту прибытия Мушфики в Индию, в персоязычной поэзии основательно укоренился так называемый «индийский стиль», и Мушфики даже выступал с критикой творчества Файзи Дагани — одного из выдающихся представителей данного стиля. «Столкновение Мушфики с индийским поэтическим кругом,— пишет проф. А. Мирзоев, следует, по-видимому, рассматривать как столкновение двух различных литературных школ»⁶.

¹ Абулфазл Аллами, История Акбар-шаха, т. II, л. 1226.

² Бадавани, ук. произв., л. 438 б.

³ А. Мирзоев, Адабиёт, Сталинобод, 1948, стр. 37—38.

⁴ Абдуррахман Мушфики, Мунтахабот, подг. З. Ахраров, АН Тадж. ССР, Сталинабад, 1958, стр. 12.

⁵ Абдулгани Мирзоев, Из истории литературных связей Мавераннахра и Индии во второй половине XVI в.—нач. XVII в.—нач. XXVI Международный Конгресс востоковедов, Доклады делегации СССР. М., 1963, стр. 5.

⁶ Абдулгани Мирзоев, Сайидо Насафи и его место в истории таджикской литературы, Таджикгосиздат, Сталинабад, 1954, стр. 42.

В период правления Акбара в Индии побывали в разное время среднеазиатские ученые и мыслители — *Ходжа Ибрахим Самарканди, Шайх Хусайн, Мулла Мирам Сулайман, из поэтов — Фахми Самарканди, Фарузи Самарканди, Надри Самарканди, Кайсари Бухари, Вахми, Кали Чигатай* и другие.

В годы правления Джахангира и Шах Джахана в Индии побывало относительно малое число среднеазиатских ученых, поэтов и других знаменитых лиц своего времени, по сравнению с годами царствования Акбара. Просмотр основных индийских и среднеазиатских источников периода этих двух могольских императоров позволяет нам назвать следующие имена:

Сабри Марви — имя этого поэта *Мавлана Газанфар*, он служил у Джахангира секретарем, был в близких отношениях со знаменитым индийским мыслителем Таки Авхади (рук. ИВАН УзССР, № 10018).

Яр Мухаммад Ислам — родился в Герате, жил и учился в Бухаре. Потом уехал в Индию, стал одним из приближенных ко двору Джахангира лиц, вскоре ему была пожалована должность «амир калан» («великий эмир») и он был назначен казем Кабула. Через несколько лет опять был отозван в центр и занял пост «кази аскар» («войсковой кази»). На этом посту он находился в течение 30 лет, до 1650 г. Яр Мухаммад умер в 1652 г. и похоронен в Лахоре (Мир. А., л. 617 а.).

Мухаммад Мурад Самарканди — прославленный художник-миниатюрист своей эпохи. Находящаяся в фондах Института востоковедения АН УзССР рукопись героической поэмы Фирдоуси «Шах-намэ» за № 1811, снабжена 115 миниатюрами, автором которых является Мухаммад Мурад Самарканди. Позже он уехал в Индию. По сведениям зарубежных исследователей, находясь в Индии, Мухаммад Мурад создал ряд произведений: «Портрет юноши, читающего книгу...», «Принцесса» и другие, по стилю и вкусу индийской школы¹.

Хаджи Сабир — прославленный каллиграф своей эпохи. Он был одним из сопровождающих Имамкулихана в Мекку и из Мекки прибыл в Индию, где в тече-

---

¹ См. подробнее *Б. Г. Долинская*, Художник-миниатюрист Мухаммад Мурад Самарканди, «Известия АН УзССР», Ташкент, 1955, № 9.

ние 20 лет служил дворцовым писцом. В конце своей жизни Хаджи Сабир перебрался в Балх (Мир, Ал., л. 188 а.).

Саъидо — известен как знаменитый каллиграф в Мавераннахре, Иране и Индии. Прибыл он в Индию в начале правления Шах Джахана и сначала занимался перепиской канцелярских книг, потом тилланависи, то есть написанием букв золотом (Мир, Ал., л. 628 а.).

Среди среднеазиатских путешественников в Индию периода Джахангира и Шах Джахана заметные следы оставил крупный среднеазиатский ученый *Махмуд Ибн Вали*.

До путешествия в Индию Махмуд Ибн Вали был учеником Сайида Мирак-шах Хусайни, под руководством и непосредственным влиянием которого он стал ученым-скептиком, занимался только религиозными вопросами. По определению советского ученого Б. Ахмедова, одно из первых произведений Махмуда называлось «Равайихи тайиба» («Ароматы добрых дел»)¹. После смерти своего опекуна, Махмуд выходит на широкую полосу светских знаний. Он, так же как и его предшественники—ученые, пускается в далекое и длительное путешествие за поисками знаний. Объектом своей поездки Махмуд избрал сказочную Индию. Об этом сам путешественник писал: «Автор этих строк, желая увидеть достопримечательности мира и Индии, поскольку эта страна полна разнообразных редкостей, многими художественными памятниками и тайнами открытий, в шаввале месяце 1034 г. (июле 1625 г.) отправился из Балха в сторону названной страны»².

Маршрут поездки Махмуда Ибн Вали по Индии был следующим: из Кабула в Пешавар—Лахор—Агру—Дели—Аллахабад—Банарас. Из Банараса он направился в сторону Виджаянагара (Биджанагара), оттуда переправился в Цейлон (Сарайдиб). Пробыв в Цейлоне двадцать один день, он возвратился в Индию морем. Судно, на котором плыл Махмуд Ибн Вали, попало в крушение и несколько человек, в том числе и наш путешественник, с трудом выбрались на берег в Каттаке. Здесь он прожил три года. Потом в 1628 г., в первый год правления Шах

¹ Б. Ахмедов, Махмуд ибн Вали, Тошкент, 1966, стр. 4.

² Махмуд Бин Вали. Бахр-ал-асрор, ИВАН УзССР, р. 1375, л. 283а, б.

Джахана (1628—1658), Махмуд прибыл в Агру, а оттуда через некоторое время возвратился на родину. Сведения о путешествии Махмуда Ибн Вали и его похождениях в Индии почерпнуты из капитального труда самого ученого — «Бахр-ал-асрар» («Море тайн»). Махмуд Ибн Вали более чем на сорока страницах рассказывает обо всем, что он видел и слышал — религиозных обрядах индийцев, об индийской медицине, о высокой индийской культуре и развитом искусстве. С восхищением и изумлением описывает он в стихах индийский храм в Сурате (Биджакинат), который занимает 60 зяров площади и имеет высоту в 150 зяров. Говоря о медресе в Гольканде, построенной Мухаммедом Кутб (иддин) — шахом, Махмуд пишет, что для строительства этого красивого учреждения было израсходовано четыре тысячи туманов. Автор довольно подробно рассказывает о животном мире Бенгалии и о людях, занимающихся поисками жемчуга на дне моря. Махмуд очень высоко отзывается о нравах и обычаях индийцев и цейлонцев. «Люди этой страны, — говорит Махмуд о цейлонцах, — являются весьма дружелюбными по отношению к одиноким и путешественникам-чужестранцам».

Махмуд с большим уважением и почтением относился к великим мыслителям Индии и их наследию. По его словам, путешественник почтил память Хосроу Дехлави, Хасана Дехлави, Шейха Низамутдина Авлия, Хумайуншаха и других, посещением мест их погребения. Везде, где побывал Махмуд, он встречался с учеными и государственными деятелями Индии, со многими из которых он подружился и завоевал их симпатию своим поведением, дружелюбием и хорошими знаниями в области науки и культуры. Причиной тому, что Махмуд в течение трех лет оставался в Ориссе, была его крепкая дружба с правителем Ориссы Бакир-ханом ибн Мустафабеком и особенно с его братом Мирзой Хусаном. В эти годы Махмуд работал в качестве придворного переводчика у правителя названной провинции, активно участвовал во всех научных и литературных дискуссиях и вечерах, устраиваемых правителем Ориссы и его братом. В Агре Махмуд ибн Вали был принят новым правителем Индии Шах Джаханом, который пожаловал ему почетный халат, лошадь и слона¹.

¹ *Махмуд ибн Вали*, указ. соч., л. 296 б.

Поездка по Индии положительно воздействовала на формирование Махмуда ибн Вали как ученого. Как предполагает Б. Ахмедов, еще будучи в Индии, в Пенджабе, Махмуд ибн Вали написал свое стихотворное произведение «Ахлаки Хусайни» («Этика Хусайни»). Думается, что этот свой труд автор, по-видимому, посвятил своему замечательному индийскому другу Мирзе Хусайну.

Прибыв на родину, в Балх, Махмуд ибн Вали всецело отдался науке, результатом чего явился его капитальный труд, охвативший многие стороны средневековой науки — «Бахр-ал-асрар» («Море тайн»).

Несколько слов об ученых и поэтах, прибывших в Индию из Средней Азии в период правления Аврангзеба.

Насир — находился на службе у Абдулазиз-хана в должности войскового судьи («казы аскар»), потом уехал в Индию. Имеет свой диван.

Шамим — имя этого поэта *Хайрулла-бек*. Он служил мелким чиновником во дворе Абдулазиз-хана, после прихода к власти Субханкули-хана уехал в Индию. По определению проф. Мирзоева, Шамим был приверженцем «индийского стиля» в поэзии.

Вали (Мирза Афзал Мунши) — известный поэт XVII в., занимал должность секретаря при дворе Абдулазиз-хана; уехал в Индию, где и умер в 1663 г.

Ламе Насафи — придворный поэт Абдулазиз-хана из числа тех, которые потом сопровождали этого хана в Мекку. Из Мекки поехал в Индию, где и умер.

Мирсаид Джалал — служил библиотекарем у Абдулазиз-хана, которого потом сопровождал в Мекку. Из Мекки прибыл в Индию.

Дастур Насафи — придворный поэт Абдулазиз-хана, которого он сопровождал в Мекку. Прибыв в Индию, поступил на службу к Аврангзебу, был назначен казием Кабула, но через год индийский шах отозвал его в центр. Дастур Насафи вернулся на родину и умер в 1691 г.

Садот (Ходжа Саме) — тоже придворный поэт Абдулазиз-хана, он, сопровождая хана до Мешхеда, отправился оттуда по его поручению в Индию, чтобы пригласить находящегося там джуйбарского шейха Я'кубходжу совершить хадж (паломничество) вместе с бывшим бухарским ханом. В Индии Садот был хорошо принят Аврангзебом.

Насим Насафи — придворный поэт Абдулазиз-хана, в 80-х г. XVII в. поехал в Индию, затем вернулся в Балх.

По характеристике проф. А. Мирзоева, Насим Махрам являлся одним из главных представителей «индийского стиля» в Средней Азии во второй половине XVII в. Ему принадлежит заслуга популяризации среди поэтов Средней Азии творчества индийских поэтов — последних известных представителей «индийского стиля» Шахтугра, Насирали и Касимбека.

Мавлана Иброхим Гисари — некоторое время служил у Абдулазиз-хана, по характеристике Малийха, он «был одаренным во всех отраслях науки и сведущим во всех делах». Побывал в Индии, где преподавал в медресе. Позже свою преподавательскую работу продолжал в медресе «Ялангтуш» и «Джуйбар» в Бухаре; умер в 1684 г. (Малийха, л. 95 а, б.).

Мунъим Самарканди — родом из Бухары. В 1681 г. сопровождал Абдулазиз-хана в Мекку, оттуда приехал в Индию, где у Аврангзеба получил должность «тысяцкого» («хазорий»). Перу Мунъима принадлежит лирическое произведение «Сарв-у-камар», написанное в виде маснавиях (Малийха, л. 120 б.).

Мулла Муфид Балхи — учился в Самарканде. Был изгнан сначала из Самарканды, а потом из Балха (Субханкули-ханом) за острую сатиру и критику правящих кругов и был вынужден эмигрировать в Индию (в 1660 г.). Жил, в основном, в Кашмире. (Малийха, л. 119 а, б.)

По сведениям автора «Камуса а'лам» Ш. Сами, *Шавкат Бухари* также побывал в Индии, некоторое время находился на службе у Мухаммад Али Говхаршаха и оттуда вернулся в Исфаган, где и умер в 1107 (1695 г.)¹.

Шавкат Бухари — Мухаммад Исхак был талантливым поэтом и мыслителем XVII в. Он родился и учился в Бухаре, но потом переменял свое местожительство, несколько лет жил в Хорасане. В Хорасане, по-видимому, как и в Бухаре, Шавкат не мог смириться с правителем и другими официальными лицами этой провинции и поэтому вынужден был уйти в Исфаган, где вел скромный, почти нищенский образ жизни.

---

¹ Ш. Сами, Комисул а'лам, на турец. яз., Стамбул, 1314, т. IV. стр. 2881.

В брошюре, выпущенной З. Г. Ризаевым на узбекском языке, хотя и не подтверждается пребывание Шавката в Индии, но приводятся отрывки из произведений поэта, в которых он выражает надежду увидеть Индию. Шавкат писал:

В моих мыслях много желанья (увидеть) Индию
Хоть уходит краска с его хины (все равно) я отправляюсь
(туда)

Автор брошюры, анализируя отдельные стихотворения Шавката и выдающегося индийского поэта и философа XVII в. Бедиля, приходит к убеждению, что Шавкат имел переписку и творческое сотрудничество с Бедилем¹.

По определению проф. А. Мирзоева, Шавкат также принадлежит к числу тех поэтов, которые писали свои стихи в «индийском стиле».

По мнению З. Г. Ризаева, великий узбекский поэт и мыслитель XVII в. Машраб также побывал в Индии². В доказательство он приводит следующие строки самого Машраба:

Пройдя вокруг Каабы, Машраб
направился в Индию,
Сказав, будь алхимиком, убежал от золота.

Какими мотивами руководствовались отдельные представители науки и культуры Средней Азии, решая переселиться в Индию?

Индия на протяжении многих веков представлялась народам других стран загадочной страной—страной богатой, страной «тайн» и таинственных вещей. Поэтому интерес к Индии был огромным и каждый, кто имел хоть какое-то отношение к литературе, искусству, хотел увидеть Индию, ознакомиться с жизнью и бытом индусов, с их культурой и обычаями.

Ф. Энгельс, говоря об ученых периода возрождения буржуазного общества, писал: «Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях твор-

¹ З. Г. Ризаев, Шавкат Бухорий. Ташкент, 1961, стр. 20—22.

² З. Г. Ризаев, Машраб и его время, рукопись, стр. 309.

чества»¹. Это положение Ф. Энгельса можно применить и к средневековым ученым и поэтам стран Востока, поскольку в период расцвета феодализма в этих странах (X—XVII вв.), путешествия и странствования были и оставались на долгие времена источником познания различных отраслей знаний и их усовершенствования. Характерно в связи с этим привести слова среднеазиатского ученого и поэта второй половины XVI в. Мутриби, кстати, тоже совершившего путешествие по Индии:

«Знай, что путешествовать — это весьма полезное и выгодное дело: приблизиться к ученым-философам — необходимо. (Цель) от путешествия не в том, чтобы разбогатеть и развить животные чувства, а в том, чтобы приобрести настоящие знания и иметь заслуги в деле распространения божьего просвещения (знаний)».

Эту же мысль Мутриби излагает в стихах:

Смотри (на жизнь), как пешка шахмат —
Которая, пока не пойдет, не достигнет ферзя.

Многие из тех, кто совершал паломничество в Мекку, проезжали через Индию, так как этот путь в Аравию был не только более удобным, но и более безопасным, чем путь через Иран, где мусульмане-сунниты не всегда чувствовали себя свободно.

Большинство лиц, которые эмигрировали по политическим соображениям из своей страны, а также те представители науки и культуры, которые не могли выдвинуться у себя на родине и вынуждены были вести нищенский образ жизни, отправились в Индию, утешая себя надеждой найти там более спокойный приют и устроить свою жизнь более обеспеченно.

Самое большое число посещений Индии среднеазиатскими представителями науки и культуры приходится на период правления Акбара и Аврангзеба. Причиной этого, вместе с вышеуказанными положениями, было еще и то, что во второй половине XVI в. между двумя крупными странами Азии — между Бухарским ханством и Могольской империей, установились систематические и крепкие торговые и политические взаимоотношения.

---

¹ Ф. Энгельс, «Диалектика природы», М., ОГИЗ, Госполитиздат, 1946, стр. 6.

В связи с этим, следует отметить, во-первых, что не все (имеются в виду ученые, поэты и др. представители науки и культуры), уехавшие в Индию, оставались там. Многие, побывав в Индии, через некоторое время возвращались на родину. Это говорит о том, что во второй половине XVI в. и в Бухарском ханстве создавались необходимые условия для роста и развития науки и культуры. Абдулла-хан, желая прославиться как государь-мecenат, оказывал покровительство отдельным поэтам, ученым и литературоведам: не только Бухара, столица ханства, но также Самарканд, Термез, Балх и другие города в этот период превратились в научные и культурные центры. Правители этих городов и вилайятов, подражая бухарскому хану, окружали себя учеными и поэтами.

Во-вторых, в этот период усиливается посещение Средней Азии индийскими учеными и поэтами. Приведем несколько примеров:

Разми — имя этого поэта *Мирза Маъсум*, но прославился он как *Мирза акабий Кушчи*, родился в Индии, прибыл в Бухару и долго жил здесь, потом опять уехал в Индию. Как пишет Мутриби, Разми писал трудно-понятные, но глубокосодержательные стихи (т. е. был представителем «индийского стиля» в поэзии — И. Н.) В книге Мутриби приводятся несколько образцов поэзии Разми (Мутриби, л. 203б, 204а).

Пар Бади — родился в Кашмире, долгое время служил у джуйбарского шейха — Хасана Ходжи. Он был поэтом и ученым (Мутриби, л. 61б.)

Харими — родился в Кабуле, учился в Самарканде, несколько лет служил у Хасана Ходжи, затем уехал в Дели (Мутриби, л. 115б).

Захир Кабули — некоторое время находился в Бахле, автор «Жизнеописания поэтов». Мутриби проездом в Индию встретился с ним (Мутриби, л. 232а).

Культурно-литературные связи между учеными и литераторами Мавераннахра и Индии выражались еще в виде переписки и обмена произведениями. В «Антологии» Мутриби говорится о том, что выдающийся поэт Индии, один из представителей «индийского стиля» Файзи Файязи имел постоянную переписку с известным поэтом своего времени Ходжой Хасаном Нисара (он же глава джуйбарских шейхов).

«Заочно полюбив Махдума Хасанходжу Нисари,— пишет Мутриби,— (Файзи) открыл двери переписки (с ним) и прислал из Индии (ему) драгоценные подарки». Далее, продолжая свои мысли, Мутриби говорит, что, когда он был в Бухаре, на имя Ходжи поступило очередное письмо от Файзи, на обертке которого написано:

Пусть доставляет это письмо многострадального
в руки Хасанходжи Накшбанди.

В письме Файзи сообщил, в частности, о том, что ему пожалована шахан-шахом Индии должность «Маликуш-шуара» (эмир поэтов). Файзи вместе с письмом прислал одну газель из 12 строк и просил Нисари написать на него стихи-ответы (назира). Мутриби приводит эту газель и ответ Нисари (Мутриби, л. 187а.).

Другой известный индийский поэт Санаи Машхади также находился в творческом сотрудничестве с поэтами Мавераннахра. Он однажды прислал свою касыду (оду), названную им «Корнома», состоявшую из ста строк в Мавераннахр, чтобы среднеазиатские поэты написали ответную касыду. В книге Мутриби приводится одно двустишие из касыды Санаи и четыре строки из ответной касыды и один рубаи Махдума (Хасана Нисари), отправленный им в Индию (Мутриби, л. 219а, б.).

Известно также, что Мутриби написал стихи-ответы на газели Разми. Говоря о качестве этих стихов-ответов, проф. А. Мирзоев пишет: «По своему содержанию и художественному мастерству они не уступают стихам-оригиналам и принадлежат к лучшим образцам таджикской и персоязычной поэзии XVI в. Эти стихи-ответы, в свою очередь, показывают, что литературные связи Индии и Мавераннахра в XVI в. упрочились и приобрели даже характер своеобразного соревнования»¹.

Благодаря довольно тесному культурно-литературному сотрудничеству имена выдающихся поэтов Индии известны в Средней Азии, а среднеазиатских — в Индии. В антологии поэтов, составленных в Индии, можно ознакомиться с жизнью и творчеством многих поэтов из Мавераннахра и наоборот. Так, в антологии поэтов Алаудав-

---

¹ Абдулгани Мирзоев, Из истории..., стр. 6.

ле Ях'я сына Сайфи Хусайни «Нафанс-ал-маасират» составленной в 70-е годы XVI в., можно почерпнуть сведения о среднеазиатских поэтах: Мавлана Бакаи, Манзари, Ашик, Мухаммед Садык Халваи, Надри, Нихани, Фахми, Фаруги Самарканди, Радифи, Сахми, Мушфики, Кайсари, Нисари Бухари, Мераджи Ташканди, Базми, Васли Марви, Хаджри Андижани, Сака, Шафтайи, Хилали Чигатайи и других.

Автор «Жизнеописания поэтов» Мутриби знакомит своего читателя с индийскими поэтами — Файзи Декани, Сана' и Машхади, Харими, Захир Кабули, Джани Кабули, Фидан, Хаяти Гилани, Тулу'и Кашмири, Азхари Дехлави, Шери Хинди, Шери Мултани, Шакиби Ираки, Разми и другими.

Таким образом, культурно-литературные связи народов Средней Азии и Индии во второй половине XVI в. были весьма развиты.

Теперь переходим к рассмотрению вопроса о приезде больших групп среднеазиатских поэтов в Индию в конце XVII в.

В период правления Имамкули-хана (1611—1642) и Абдулазиз-хана (1647—1680) (если не считать кратковременного царствования Надир Мухаммада), в Бухарском ханстве было относительно «затишье». Это содействовало временному росту производительных сил в стране и развитию литературы и искусства. Во дворе Имамкули-хана творили такие талантливые поэты, как Мулла Нахли, Мулла Катли, Ягона, Якта, Хасанбек Рафе, Ходжи Сабир и другие. Число придворных поэтов при царствовании Абдулазиз-хана превышало 30¹. Но после восшествия на престол Субханкули-хана (1680—1702), во время правления которого гнет и разорение достигли крайних пределов, кратковременному расцвету придворной литературы пришел конец. Говоря об упадке поэзии, видный таджикский поэт XVII в. Сайда писал:

Не ценится, Сайидо, в наше время слово.
А ведь раньше этой жемчужины не найти было
в сокровищницах.²

¹ *Абдулгани Мирзоев*, Роль и место Сайидо Насафи в таджикской литературе в XVII в., Душанбе, стр. 28.

² *Абдулгани Мирзоев*, указ. соч., стр. 29.

Та часть придворных поэтов, которая привыкла к более зажиточной жизни, покинула пределы Бухары и отправилась в Индию, а другие расходились по всем вилайятам ханства, «избирая себе уделом бедность и одиночество» (слова Малийха). Об эмиграции поэтов в Индию, Сайидо говорил:

Спутники ушли, а я все еще на родине,
Подобно картине, я все еще прислонен к стене тела.¹

По определению проф. А. Мирзоева «ухудшение внутреннего положения страны, вызвавшее обострение классовых противоречий и повлекшее за собой рост народных движений, побуждало к действию и передовых деятелей литературы. Появилось много стихов, содержащих в себе выражение протеста, ненависти и презрения к правящему классу. Эти мысли и настроения поэты часто облачали в суфийские одежды и скрывали их за сложными, полными намеков и иносказаний образами «индийского стиля»².

«Индийский стиль» в поэзии, хотя окончательно сформировался во второй половине XVI в. в Индии, свой начальный этап берет со времени и с творчества великого узбекского поэта и мыслителя А. Навои и является продуктом гения и мышления выдающихся представителей поэтов-философов Средней Азии, Ирана и Индии. В основу произведений, написанных в «индийском стиле», были положены глубокие философские и общественно-политические мысли, выраженные в форме утонченности и изысканности образов, сложности сравнений и замысловатости метафор.

В распространении «индийского стиля» в Средней Азии важную роль сыграла деятельность поэта Насима Махрама. Автор антологии «Музакиратал асхаб...» Малийха пишет: «В настоящее время, а это 1100 хиджры (1688/89) он (т. е. Насим Махрам) пребывает там (т. е. в Индии). Благодаря ему проза Шахтурго Каландара, стихи Носирали Хинди и диван Касима Девона стали известны в Балхе, Бухаре и Самарканде.

Поэты и литераторы нашего времени черпают у него цветистые образы для своих стихов и мыслей. А раньше

¹ Абдулгани Мирзоев, указ. соч., стр. 70.

² Абдулгани Мирзоев, указ. соч., стр. 30.

стихи имели совсем другой строй и лад, и, когда (их) слушали, для всякого с легкостью раскрывался бутон понимания. Теперь же мысли поэтов так запутаны, что все тонкости их фантазии трудно понять, даже много думая над ними»¹.

Представителями «индийского стиля» в Средней Азии были Сайидо Насафи, Шавкат, Машраб и другие. Используя утонченность и сверхсложную форму стихосложения, они боролись против догм клерикально-схоластической идеи, против реакции и разгула, отстаивали в религиозно-философском воззрении жизнеутверждающий пантеизм, пропагандировали гуманизм и призывали любить жизнь и наслаждаться жизненными благами.

Как мы уже говорили выше, многие поэты и ученые в результате бесчинства и гнета, чинимых правящими классами страны, вынуждены были покинуть свои родные края. Но где бы они ни находились, духом они были на родине, жили и творили с мыслями о родной земле, а некоторые из них вернулись туда в конце своей жизни.

Вот так выразил Садик свою любовь и привязанность к своей возлюбленной родине:

Не было никакого места для бродяжей (моей) души
местом приюта, кроме твоих ворот.
Говорю, что хотя (удаляясь) от твоих ворот я стал бродягой,
Но (мое) сердце не стало бродяжным (т. е. оно было
(всегда с тобой)².

Ходжентский поэт Шайда, который эмигрировал в Индию, жил в Декане, он все время тосковал по родине, о своих соотечественниках:

Посланец — утренний ветер, неси от меня печальную тайну —
Желанное послание друзьям ташкентским.
Хотя один миг побуду я в содружестве с одиночеством,
Я опечалюсь отсутствием «Ходжента».

Однако среди ученых и поэтов были такие, которые и в годы усиления разгула и реакции не покидали свои родные места, большинство из них вышло из среды трудового народа или же из низших слоев населения. К числу таких поэтов можно отнести Сайида Насафи, Хуми Самарканди и других.

---

¹ Абдулгани Мирзоев, указ. соч., стр. 43.

² Рукопись ИВАН УзССР, № 1868, л. 79а.

Сайнда говорил:

С тех пор пришел я из небытия,— я в скитаниях.
Преступление покидать родину.

Поэт Хуми (XVI в.), вышедший из среды обнищавшей части духовенства, прямо говорил:

Но я не поеду в Индию, не имею такого желания,
Ибо Самарканд — моя лучезарная любовь.

Когда речь идет о культурных связях между Средней Азией и Индией, нельзя не упомянуть о взаимоотношениях джуйбарских шейхов с представителями могольского двора. В книге Мухаммада Талиба бини Таджиддин Хасанходжи «Матлабат-талибин» («Цель стремлений ищущих») содержится несколько характерных примеров. Автор этого замечательного труда утверждает, что шах Акбар имел переписку с главой джуйбарских шейхов Ходжей Са'адом (он же Ходжа Калан) и в одном из своих писем обратился к Ходже с такими словами:

Святейшее почтение твое — опора для всех царей мира,
Дворец твоего достоинства — место спокойствия солнца
и луны.

Посол Акбара Хаким Хумам за все время своего пребывания в Бухаре был окружен постоянным вниманием Ходжи Са'ада; последний обеспечивал посла необходимым продовольствием и инвентарем. Как пишет Мухаммад Талиб, когда Хаким Хумам возвратился из Индии, то рассказал Акбару о хорошем обхождении Ходжи с ним. Император был весьма тронут и вскоре после этого отправил в Бухару, на имя главы джуйбарских шейхов фирман, об отдаче вилайета Нишапур во власть этого ходжи¹.

Правитель Бадахшана Шахрух Мирза также переписывался с Ходжой Каланом, был в близких с ним отношениях.

После смерти Хасанходжи, шейхулисламом Бухары стал его сын Ходжа Таджиддин. Здесь отметим лишь то, что личный представитель Шаха Джахангира Мир Бир-

---

¹ Мухаммад Талиб бин Таджиддин Хасанходжа, Матлаб-ат-талибин, л. 83.

ка в течение нескольких лет находился на службе (в обучении) у Ходжи Таджиддина¹. Он уехал в Индию вместе с Абдурахимом ходжой. Когда, еще находясь в Бухаре, Мир Бирка написал Шаху Джахангиру о предстоящей поездке одного из представителей джуйбарских шейхов—Абдурахима Ходжи в Индию, государь весьма обрадовался и даже пожаловал Мир Бирке должность «хафтсади» («семисотных»).

О причинах поездки Абдурахима Ходжи в Индию и об отношениях к нему правящих кругов Могольской империи, мы говорили уже во второй главе работы. Здесь лишний раз подчеркиваем, что Абдурахим Ходжа вынужден был выехать за пределы своей страны из-за недоброжелательных отношений к нему со стороны бухарского хана Имамкули, который притеснил Ходжу, конечно, не без ведома Ходжи Таджиддина, стремящегося быть единственным владельцем всех джуйбарских земельных угодий. Небезынтересна, в связи с этим, судьба третьего сына Ходжи Калана, младшего брата Ходжи Таджиддина — Абдиходжи.

Абдиходжа родился в 1568 г. и в 12-летнем возрасте осиротел. При распределении наследства он так же как его брат Абдурахим лишился огромного количества земель и богатства. Видимо, поэтому Абдиходжа, стремясь укрепить свое экономическое положение и политические позиции, поддержал кандидатуру правителя Самарканда Баки Мухаммада в качестве претендента на бухарский престол. В первый период своего царствования, Баки хорошо относился к Абдиходже, последний даже был женат на сестре хана. Но вскоре по неизвестной причине, отношения хана и ходжи омрачились, среди населения даже распространились слухи, что Абдиходжа стремится сесть на ханский трон. Это, видимо, испугало Баки Мухаммада и послужило поводом для высылки Абдиходжи за пределы Бухары. У него отобрали все земельные угодья. Автор «Матла-ат-талибин» пишет, что, когда по принуждению ханского представителя Абдиходжа готовился к выезду из Бухары, собралась большая толпа людей, все со слезами на глазах просили Ходжу не покидать Бухару.

---

¹ Как мы говорили выше, Ходжа Таджиддин был известным поэтом своего времени. Он писал стихи под псевдонимом «Нисари».

Согласно «Матла-ат-талибин», в Индии к Абдиходже отнеслись с большим почетом и уважением. Сам император Акбар оказал ему большую честь и подарил много ценных вещей. Рассказывают, что однажды Акбар повел Абдиходжу в казну и разрешил ему взять все, что он желает. Абдиходжа взял из казны одну Кавкаби тали' и, выходя из дворца, подарил ее дервишу.

На службе у Абдиходжи находилось около тысячи человек. Будто бы именно по желанию Ходжи, Шах Салим был объявлен Акбаром наследником. Абдиходжа умер в Индии в 1607 г. и через 6 месяцев его прах привезли в Бухару¹.

Шейх-ал-ислам Ходжа Таджиддин умер в 1646 г. От него остались два сына — Мухаммад Юсуф Ходжа и Мухаммад Тайиб Ходжа. У Мухаммада Юсуфа было два сына — Мухаммад Захид Ходжа и Мухаммад Я'куб Ходжа. Мухаммад Тайиб Ходжа имел сына по имени Мухаммад Муса Ходжа. Все эти и другие потомки джуйбарских шейхов, как свидетельствуют исторические источники, в какой-то степени были связаны с Индией. Так, в книге Мунши Мухаммада Казима «Алашмир-намэ» приводятся сведения о том, что в период царствования Аврангзеба Тайиб Ходжа (в третьем и шестом году царствования Аврангзеба), его сын Муса Ходжа (в третьем и девятом году) и Захид Ходжа (в десятом году) прислали свои письма с благословлениями индийскому шаху и с подарками, за что из казны могольского государя было выделено от 5 до 14 тысяч рупий для покупки индийских товаров и отправки их вышеуказанным ходжам².

Не только джуйбарские шейхи, но и другие духовные лица переписывались с могольским двором. Джанхангир в своих мемуарах рассказывает, что в 1024 (1615) г. он получил от одного влиятельного лица Мавераннахра Ходжи Хашима Дехбиди письмо с благословлением и в качестве дара лук со стрелой. В своем письме Ходжи Хашим приводит стихи Бабура, адресованные в свое время среднеазиатским ходжам и шей-

---

¹ Мухаммад Талиб бин Таджиддин Хасан Ходжа, указ. произв. л. 2146—219а.

² Мунши Мухаммад Казим, Аламгир-намэ, л. 2376, 243а, 320а, 380б, 414б.

хам. Стихи Бабура заканчиваются словами: «Я раб-служитель Ходжи, я раб-служитель Ходжи».

В ответ на вопрос Хашима об отношениях Джахангира к ходжам, индийский шах написал стихи-четверостишия, в которых выражал свою любовь и преданность к дервишам и их деяниям¹.

Другой среднеазиатский ходжа — Абдулгаффар часто отправлял свои письма благословления императору Аврангзебу вместе с дарами, взамен этого он получил индийские товары стоимостью до 12 тысяч рупий².

Правители Могольской империи устраивали торжественные и радушные приемы в честь среднеазиатских духовных лиц, прибывавших в Индию, им выделяли большое жалованье или же назначали на высокие должности. По данным Абулфазла, в пятом году правления (1561 г.) Акбара прибыл в Индию внук и преемник знаменитого среднеазиатского шейха Ходжи Ахрара — Ходжа Абдулшахид, во время приема которого Акбар сам вышел к нему навстречу³.

Ходжа Абдулшахид жил в Индии около 20 лет, там он пользовался большой популярностью, ему были пожалованы доходы с пуркана и численность обслуживающего его персонала дошла до двух тысяч человек. Потом, в конце своей жизни (в 1574 г.), Ходжа Абдулшахид выехал на родину. Говорят, что, когда Ходжа прибыл в Кабул, здесь, в связи с нападением правителя Бадахшана Мирзы Шахруха на Кабул, царствовали анархия и хаос. Мирза Шахрух взял в плен около 10 тысяч кабульцев и увез их в Бадахшан. По просьбе кабульцев, Ходжа Абдулшахид заступился за пострадавших, после чего Мирзе Шахруху не оставалось ничего, как освободить пленных⁴.

Другому потомку Ходжи Ахрара Мирзе Ашрафиддину Хусайну, прибывшему из Кашгарии в Индию, был пожалован сиркар Нагувар и примыкающие к этому сиркару территории; он пользовался настолько большим авторитетом во дворе Акбара, что последний отдал Ашрафиддину в жены свою сестру Бахши Банубегим⁵.

¹ «Джахангир-намэ», р. 2192 л. 178а, б.

² *Мунши Мухаммад Казим*, указ. соч., р. 4265, л. 181а, 380б.

³ *Абулфазл Аллами*, история Акбар-шаха; т. 1, л. 268а.

⁴ *Бадавани*. Мунтахаб-аттаварих, л. 346а.

⁵ *Бахтавархан*, Мират-ал-алам, л. 358а, 366а.

Установление близких отношений между представителями среднеазиатского духовенства и могольскими властями сулило политические и экономические выгоды обеим сторонам. Акбар и его преемники, следуя примеру своего деда и прадеда Бабура, стремились постоянно поддерживать связь с духовенством Средней Азии. Характерно, что в установлении взаимоотношений с джуйбарскими шейхами инициаторами были Акбар и Джахангир. Этим самым правители Могольской империи хотели, прежде всего, укрепить свою позицию среди мусульманской части населения, показать себя набожными и справедливыми государями, действия которых не шли вразрез с шариадом.

В том, что среднеазиатские поэты, ученые и представители духовенства находили хороший прием и приют в Индии, немаловажное значение имело также и то, что правители и другие официальные лица могольского двора чувствовали в какой-то степени родственную связь с этими людьми. Своим среднеазиатским происхождением гордились даже те ученые (шейхи), которые родились и выросли в Индии, но деды и прадеды которых когда-то прибыли в Индию из Бухары, Самарканда или других городов Средней Азии. Эти ученые к своим именам в обязательном порядке прибавляли слова «бухари» (бухарский), «самарканди» (самаркандский), «термези» (термезский) и т. д.

* * *

Итак, на протяжении столетий, между народами Средней Азии и Индии имели место тесные экономические, политические и культурные связи.

Дошедшие до нас исторические документы свидетельствуют о том, что, несмотря на всякие попытки британских колонизаторов помешать общению народов, связи между Средней Азией и Индией не прекратились. После присоединения Средней Азии к России в Туркестан стали прибывать одно за другим посольства полувисимых от англичан индийских княжеств с целью заручиться помощью и поддержкой России в деле освобождения Индии из-под ига британского владычества. В частности, в Туркестане побывали посольства из Кашмира (в 1865 и в 1869 г.), из Индура (в 1866 г.), из

Пенджаба (в 1879 г.), из Непала (в 1880 г.), из Хунзы (в 1890 г.) и другие. Но царская Россия не захотела портить отношения с Великобританией — своей соперницей на Востоке, и поэтому индийские посольства не получили поддержки со стороны России.

В XIX в. Индию посетили такие видные среднеазиатские поэты и мыслители, как Парса ходжа, Мухли, Фуркат, Мирза Сираджиддин, Хамза Хаким-заде Ниязи, а Среднюю Азию — крупные индийские поэты — Таджали, Ага Мунир, Ходжа Шахнияз Кашмири и многие другие. В Хорезме работала плеяда ученых, которые занимались переводом индийских исторических и литературных памятников на узбекский язык. В Дели, Бомбее и других городах Индии Сиддики Ходжанди и его сыном были созданы типографии, где литографическим способом печатались произведения известных поэтов и мыслителей Средней Азии и Индии. В течение прошлого века имели место тесные торгово-экономические связи между обеими странами. Однако подлинно добрососедские отношения между Средней Азией и Индией установились только после победы Октябрьской социалистической революции. В наши дни, когда независимая Индийская Республика прилагает все усилия к тому, чтобы приобрести полную экономическую независимость от капиталистического мира, немаловажное значение имеет сотрудничество ее с Советским Союзом. Вместе со всеми республиками Советского Союза в развитие экономического и культурного сотрудничества СССР и Индии свой достойный вклад вносят Советский Узбекистан и другие среднеазиатские республики.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- К. Маркс.* Капитал. т. III, М., 1949.
К. Маркс. Хронологические выписки по истории Индии, М., Госполитиздат, 1947.
К. Маркс. Будущие результаты британского владычества в Индии.
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, изд. 2.
Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., Огиз, Госполитиздат, 1946.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

а) на русском и узбекском языках (включая переводную литературу)

- Абдурахман-и Тали.* История Абулфайз-хана, перев. с тадж. проф. А. А. Семенова, Ташкент, АН УзССР, 1959.
Азимджанова С. А. Экономические взгляды Захириддина Мухаммада Бабура «Из истории развития общественно-экономической мысли в Узбекистане в XV—XVI вв.», Ташкент, АН УзССР, 1960.
Али бин Юсуф Кифти. Тарих-аль-Хукамо, перев. с араб. на узб. яз. Мухаммад Ходжаева, рукопись ИВАН УзССР, № 9552.
Антонова К. А. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605), М., АН СССР, 1952.
Ашрафян К. З. Делийский султанат, М., ИВЛ, 1960.
Бартольд В. В. Соч., т. I, II, М., ИВЛ, 1963.
Байкова Н. В. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина XVI—вторая половина XVIII вв.) «Наука», Ташкент, 1964.
Бобир Захириддин Мухаммад. Бобирнома, УзССР, Ташкент, «Фан», 1960.
Бертельс Е. Э. Навои и Низами. «Алишер Навои», М.—Л., АН СССР, 1946.
Бируни Абу Райхан. Индия, «Избранные произведения», том II, Ташкент, АН УзССР, 1963.
Вамбери А. История Бухары, СПб, 1873.

- Гольдберг Н. М. Русско-индийские отношения в XVII в. «Ученые записки тихоокеанского Ин-та», т. II, М—Л., 1949.
- Гулбадам Бегим. Хумаюннома (перв. с перс-таджик. на узб. яз. С. А. Азимджановой), Ташкент, АН УзССР, 1959.
- Фуломов Я. Ф., Набиев Р. Н., Вахабов М. Ф. Ўзбекистон ССР тарихи (бир томлик), Тошкент, 1958.
- Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию в 1558, 1560 гг. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», перев. с англ., Л., 1937.
- Зоҳидов В. Бобирнинг фаолияти ва адабий, илмий мероси ҳақида, «Шарқ юлдузи», 1958, № 11.
- Иванов П. П. Хозяйство джуйберских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М.—Л., АН СССР, 1954.
- Ирисов А., Носиров А., Низомиддинов И. Ўрта Осиёлик қирқ олим, Тошкент, «Фан», 1961.
- История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1947.
- Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, т. IV, М., 1957.
- Мухаммед Юсуф Мунши. Муқимханская история, перев. с тадж. проф. А. А. Семенова, Ташкент, изд-во АН УзССР, 1956.
- Навоий А. Танланган асарлар, том III, Тошкент, 1948.
- Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или четыре беседы М., 1963.
- Низомиддинов И. Ўрта Осиёнинг чет эл Шарқи билан муносабатлари, Тошкент, Ўздавнашр, 1961.
- Новая история Индии, М., Изд-во восточной литературы, 1961.
- Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий Л. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., изд-во ЛГУ, 1958.
- Расул-заде П. Из истории индо-среднеазиатских политических взаимоотношений во второй половине XIX в., «Взаимоотношения народов Средней Азии с сопредельными странами Востока», Ташкент, 1963.
- Русско-индийские отношения в XVII в. (Сборник материалов), М., 1958.
- Рустамов У. А. К истории изучения экономических, политических и культурных связей между народами Индии и Средней Азии, «Труды Института востоковедения АН УзССР», вып. 4, Ташкент, 1956.
- Салье М. А. Абу Райхон Беруний (на узб. яз.), Тошкент, 1960.
- Салье М. А. Мухаммед Аль-Хорезми — великий узбекский ученый, Ташкент, изд-во АН УзССР, 1954.
- Семенов А. А. К вопросу о культурно-политических связях Бухары и «Великомогольской» Индии в XVII в. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М—Л., 1959.
- Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии, перев. с англ. М., 1954.
- Солиев Пулат. Ўзбекистон тарихи XVI—XIX асрлар, Тошкент — Самарканд, 1929.
- Толстов С. П. Бируни и его время, «Бируни» (Сборник статей), М—Л., АН УзССР, 1950. Ўзбекистон ССР тарихи, том I биринчи китоб, Тошкент, 1956.

- Уринбоев А. Абдурразоқ.* Самарқандийнинг Ҳиндистон сафарномаси, Тошкент, «Фан», 1960.
- Умняков И. И.* Абдулла-намэ Хафиза Таныша и его исследования, «Записки коллегии востоковедов», т. IV, Ташкент, 1929.
- Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., Госкультпросветиздат, 1956.
- Фрасуа Бернье.* История последних политических переворотов в государстве великого Могола, перев. с франц., М—Л., 1936.
- Хождение за три моря Афанасия Никитина*, М—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
- Чулошников А.* Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI—XVII вв., МИУТТ, вып. 3.
- Юлдашев М. Ю.* К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. Ташкент, «Наука», 1964.
- б) На персидско-таджикском и турецком языках**
- Абулфазл Аллами Айини Акбари*, Лакнав, 1893.
- Абулфазл Аллами.* Тарихи Акбаршахи, рукопись ИВАН УзССР, 6, 5345, 1604.
- Абулфазл Аллами*, Макотиботи Аллами, Лакнав, 1895 г.
- Амин Ахмад Рази.* Хафт иклим, рукопись ИВАН УзССР, 617,
- Бадавани Абдулкадыр бин Мулук-Шах.* Мунтахаб-ат-таварих, рукопись ИВАН УзССР, 25.
- Бахтавар-хан.* Мират-ал-алам, рукопись ИВАН УзССР, 2097.
- Джахангир.* Джахангир-намэ, рукопись ИВАН УзССР, 2192.
- Журжи Зайдон.* Маданият исломиа тарихи (на турец. яз.), Стамбул, 1329 г. х.
- Ибн Батута.* Саёҳати Ибн Батута (на турец. яз.), Стамбул, 1333 г. х.
- Искандер Муниш.* Тарихи алам-арайи Аббаси, литогр. ИВАН УзССР, 5228.
- Калим Мирза Абу Талиб.* Зафарнаме-йе-Шах Джахани, рукопись ИВАН УзССР, 2098.
- «Камуси джуграфийати Афганистан», т. I, Қобил, 1335 г. х.
- Мавлави Мухаммад Гиясиддин.* Шарҳи хар се дафтари Абулфазл, Лакнав, 1869.
- Малейхо, Мухаммад Бади, бин Мухаммад Шариф Самарканди.* Мазкар ал-асҳоб, рукопись ИВАН УзССР, 2613,
- Меджмуа-и-рукаат ва Муншаат*, рукописи ИВАН УзССР, 286, 289, 227.
- Мирза Мухаммад Саки.* Аламгир-намэ, литогр. ИВАН УзССР, 12444.
- Мухаммад Ауфи.* Джами-аль-хикойат ва лавоми-аль-ривоят, Тегеранск. изд. 1324 г. х.
- Мухаммад Талиб бин Таджиддин Хасанходжа.* Матлаб-ат-талабин, рукопись, ИВАН УзССР, 806.
- Мухаммад бин Бихамудхан.* Тарихи Мухаммади, рукопись ИВАН УзССР, 82.
- Мухаммад Казим Муниш.* Аламгир-наме, рукопись, ИВАН УзССР, 4265.
- Муътамадхон Баҳши.* Икболномайе Джахангири, рукопись ИВАН УзССР, 4369.
- Садриддин Айний.* Намунаи адабиёти тоҷик, М., 1926.

Тазкирани Хусайни. Литография ИВАН УзССР, 3678.
«Тарихи Хафиз Абру», рукопись ИВАН УзССР, 5361.
Хафиз Таниш Бухари. Абдулла-намэ, рукопись ИВАН УзССР, 2207
и фото ленингр. рукописи.
Шамсутдин Соми Комасул аълам (на турец. яз). Стамбул.

в) На английском и французском языках:

“Al-Biruni”, Commemoration Volume, Calcutta, 1951.
An Oriental Biographical Dictionary, London, 1894.
D'e Noer F. A., L'empereur Akbar, Leide, 1883, Vol. I—II.
Dr. Julius Jolly, Indian Medicine, Poona, 1951.
Varma R. Ch., Akbar and Abdulla-khan, “Islamic culture”, Vol. XXI, N4
Oktober 1947, Hyderabad-Deccan.
Banarsi Prasad Saksena, History of Shanjahan of Dihli, Allahabad,
1958.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

Глава первая.

Культурные взаимоотношения народов Средней Азии и Индии в IX—XV вв.	5
Сотрудничество среднеазиатских и индийских ученых в период раннего средневековья	5
Вклад среднеазиатских ученых и поэтов в развитие индийской науки и литературы в XIII—XV вв.	17
Культурные взаимоотношения тимуридов с Индией.	28

Глава вторая.

Экономические и политические взаимоотношения Бухары с Индией в XVI—XVIII вв.	44
К торгово-экономическим связям Средней Азии и Индии в XVI в.—первой половине XVIII в.	
Политические взаимоотношения Бухары с Индией во второй половине XVI в.	51
Политические взаимоотношения Бухары с Индией в период правления аштарханидов	83

Глава третья

Культурно-литературные связи народов Средней Азии и Индии.	110
Библиография	139

Ильяс Гулямович Низамутдинов

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В IX—XVIII ВВ.

Редактор *Н. С. Гиммельфарб*

Художник *Э. Исхаков*

Худ. редактор *М. Гумаров*

Техредактор *С. Кадыркаева*

Корректор *З. Наджатова*

Сдано в набор 12/II-1969 г. Подписано в печать 4/XII-1969 г. Бумага №2.
84×108^{1/82}. Физ. печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 7,56. Уч. изд. л. 7,74. Тираж 3000
Р-16170 Издательство „Узбекистан“ Ташкент, Навои, 30. Договор № 107—68.

Типография № 7 Государственного комитета Совета Министров УзССР
по печати. г. Ташкент, ул. Хорезмская, 9. 1969 г. Зак. № 652. Цена 46 к.

